
ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного и ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

**Эшли Бил
«Торгующая наслаждением»**

Оригинальное название: *Selling Satisfaction by Ashley Beale*

Эшли Бил — «Торгующая наслаждением»

Автор перевода: *Elizabeth B, Полина А.*

Редактор: *Галина Р.*

Вычитка: *Настя З.*

Оформление: *Алёна Д.*

Обложка: *Elizabeth Bennet*

Перевод группы: <https://vk.com/lovelit>

Аннотация

Проститутка. Развратница. Разлучница.

Это лишь краткое описание того, кем является Бренна Коннерс и чем она зарабатывает на жизнь. Бренна этого и не отрицает, ведь она работает в эскорт-сервисе.

Попав в приют в восьмилетнем возрасте, девушка пыталась найти способ справиться со своей болью и одиночеством. Наркотики и алкоголь никогда ее не привлекали. Вот тогда Бренна нашла силу в сексе. Она знала, что ее пристрастие коренным образом отличается от всех других. О любви речь не шла вообще. Никто и ничто не заставит ее изменить свою жизнь. У нее есть все, о чем можно только мечтать: великолепная квартира, роскошная машина, много денег.

Так она думала, пока привлекательный и настойчивый молодой человек по имени Эверет ни поселился этажом ниже.

Эверет Бурк – детектив с большим опытом. Но он допустил промах и был вынужден переехать в другой штат. Ему дают новое задание – разоблачить элитный эскорт-бизнес.

Эверет быстро влюбляется в свою сексуальную и загадочную соседку Бренну. Он пытается раскрыть ее секреты, просто чтобы лучше узнать ее. Девушка открывается ему, и Эверет хочет ответить взаимностью, но работа детектива не позволяет это сделать. Ему больно врать и скрывать от Бренны, кем он является на самом деле. Но еще больше его ранит другая правда: однажды ночью он застаёт ее в номере отеля и выясняет, что она работает в бизнесе, который он планирует разоблачить.

Глава 1

Бренна

Бордово-красное шелковое платье скользит по мне вниз, собираясь волнами вокруг каблуков. Мужчина на кровати стонет от предвкушения. Он поглаживает свой возбужденный член, глядя на меня темными глазами. Я переступаю через тонкую ткань, медленно двигаюсь к кровати и останавливаюсь всего в нескольких дюймах от него.

– Не возражаешь, если я буду называть тебе Кэрол? – спрашивает он, пытаясь быть соблазнительным.

Он заплатил за это и получит то, что хочет.

– Я бы не хотела, чтобы ты звал меня как-то иначе, – успокаиваю я его. Хотя мой голос слишком сексуальный для женщины с именем Кэрол.

Я завожу руки за спину, расстегиваю застёжку, и лифчик медленно скользит вниз по рукам, постепенно оголяя меня. Раскручиваю тонкие бретельки на пальцах и бросаю в него. И опять возбужденный стон вырывается из его горла. На самом деле прелюдия мне нравится значительно больше, чем сам секс. Мне платят за время, проведенное с клиентом, а не за секс, поэтому я стараюсь занять время по максимуму.

Мужчина снимает с пальца обручальное кольцо и кладет в тумбочку.

– Иди ко мне, красотка. У меня есть для тебя подарочек.

Я делаю шаг к нему, раздвигаю его ноги. Он обеими руками берет меня за бедра, прижимая ближе к себе. Его язык скользит по моему телу, по коже под грудью, пока не добирается до самой нежной ее части. За три года работы в эскорте я заметила одну вещь: на самом деле у людей довольно странные сексуальные пристрастия. Нет, я не сужу. Ведь я и сама занимаюсь тем, что многие осуждают.

Мужчина шлепает меня по попе, двигая вперед, пока моя разогретая плоть ни прижимается к его возбужденному члену. Пытаясь раздражить, он медленно двигает меня по кругу, я трусь о презерватив и постепенно становлюсь влажной от смазки. Мужчина входит в меня все глубже, и я притворно стону.

Мужчины такого типа любят все контролировать, поэтому я позволяю ему это делать. Речь не идет об удушении или об анале, поэтому я практически ничего не говорю. А он постоянно выкрикивает имя Кэрол, шлюха, грязная сука и продажная тварь. Та агрессия, которую он проявляет во время секса, подтверждает, что его жена явно отдает предпочтение в сексе кому угодно, только не ему.

Он запускает руку в мои волосы, громко стонет и замедляет резкие толчки. Закончив, он валится на меня, тяжело дыша мне в ухо. Я жду несколько секунд и отталкиваю, чтобы он перекатился на свою сторону кровати. Быстро встаю, беру свое белье и направляюсь в ванную.

Я купаюсь, смывая с себя весь пот и все соки, перед тем как одеться. Расчесав свои спутанные черные волосы и поправив макияж, я возвращаюсь в спальню, где мой клиент всхлипывает, закрывшись руками. Он поглядывает на меня исподлобья, до сих пор сидя в чем мать родила.

– Извини меня, – мямлит он, рыдая.

Конечно же, это не первый раз, когда передо мной извиняются, и определенно не последний. В конце концов, большинство моих клиентов женаты и вынуждены скрывать свои сексуальные похождения. Я улыбаюсь, чтобы убедить его, что все в порядке, даже если на самом деле мне это не нравится. Судить кого-то не входит в мои должностные обязанности.

– Не извиняйся, все хорошо.

– Нет, я – трус, я – слабак.

Мужчина все качает головой, пытаясь дотянуться до тумбочки. Достает золотое обручальное кольцо, надевает его на палец и, уставившись на него, продолжает говорить. Вообще-то я не обязана слушать, но иногда я это делаю, потому что хочу, чтобы и меня однажды кто-то также выслушал.

Надев свой плащ, я сажусь в кресло, пока он продолжает говорить о своей жене Кэрол, о ее изменах и о том, как сильно они любили друг друга в школе. Два года назад он стал практически банкротом. Вот тогда она начала изменять ему. Он не сказал ей, что вернул обратно почти все свое состояние, так как думает, что это единственная причина, по которой она была с ним.

История, конечно, печальная, но меня особо не трогает. Это жизнь. Так уж она устроена. Отношения заканчиваются расставанием, любовь проходит и, по правде говоря, секс – это всего лишь секс.

Как только он заканчивает свои причитания, я встаю и беру свою сумочку. Убедившись, что конверт с деньгами на месте, я направляюсь к двери.

– Спасибо, все было замечательно, – говорю ему.

Может я – бездушная, раз не успокаиваю его?

Дрожащими губами он спрашивает:

– Так что же мне теперь делать?

– Честно? Думаю, тебе стоит взять свои миллионы и чем-то серьезно увлечься.

– Кем-то новым?

– Нет, ни в коем случае кем-то. Может яхта, новая машина или коллекция, о которой давно мечтал. Но ни в коем случае не девушка.

В ответ он кивает головой:

– Да. Ты права. Спасибо.

Мужчина встает и идет в ванную. Я в это время открываю дверь и оставляю его в его жизни.

Я возвращаюсь домой, где меня уже ждет Снагли. Она сидит на кухонном столе и ласково мурлычет, показывая, что проголодалась. Я насыпаю корм и ставлю тарелку на пол. Игнорируя меня, кошка быстро прыгает к кормушке. Что ж, к такому отношению я уже привыкла. Это – часть моей жизни. У меня есть несколько друзей, хотя они скорее знакомые. Я особо ни с кем не сближаюсь, потому что люди обычно суют свой нос в мои дела.

Люди не осознают, что на самом деле такие же, как и я. Разница только в том, что я получаю лучшие «бонусы». Ты идешь на свидание, парень платит за обед, возможно, за кино, потом вы идете домой и трахаетесь. Иногда вспыхивают чувства, иногда нет, но не зависимо от этого, ты делаешь то же, что и я. Так лучше я возьму деньгами, чем он потратит их на вечер со мной, к тому же, я не хочу рисковать, чтобы не влюбиться. Плюс ко всему, за ночь я зарабатываю тысячи, а это гораздо круче, чем дешевое кино и салат из «Olivegarden» (*прим.: американская сеть демократических ресторанов*).

Единственная причина, по которой секс за деньги еще не узаконили, это то, что правительство никак не придумает какие налоги ввести на этот бизнес.

Но люди не хотят это понимать, наверное, чтобы думать, что они лучше.

Конечно то, чем я занимаюсь, нелегально, но для меня это также невинно, как и любое свидание. Просто я знакомлюсь через своего посредника, а не через сайты знакомств или в каких-то сомнительных барах.

Я набираю полную ванну горячей воды, добавляю пену, и наконец-то сбрасываю с себя свой вечерний наряд: узкое платье и белье, которое купила на прошлой неделе, и которое так не терпелось надеть.

За последние три года я заработала достаточно, чтобы купить квартиру в доме прямо на побережье в Пенсаколе во Флориде, из окон которой открывается шикарный вид на Мексиканский залив.

Я беру с собой бокал и бутылочку «ПиноГриджо», ставлю на край ванны и погружаюсь в обжигающую воду. Потягивая вино, я смотрю в окно, наблюдая, как волны разбиваются о берег. Я часто провожу так вечера. Для меня это способ расслабиться и поразмышлять о своей жизни. Не то чтобы мне это очень нравится, просто так я заполняю пустоту...

***

Музыка в наушниках телефона прерывается звонком. Я закрываю экран от солнечных лучей, чтобы увидеть, кто звонит. Это Кэнди – мой «работодатель». Конечно, это ее вымышленное имя, настоящее она никогда не откроет.

Вынимая один из наушников, я прикладываю трубку к уху:

– Да, я слушаю.

– Брен, дорогуша, – говорит она очень воодушевленно, – срочная встреча сегодня в три у меня. Ты сможешь прийти?

– Конечно, – отвечаю я.

– Отлично. Заранее не наедайся.

Женщина кладет трубку, и в моем наушнике снова включается музыка.

Кэнди начала свою «карьеру» в пятнадцать. Она была на два года младше чем я, когда начинала. Уже двадцать два года в бизнесе, поэтому сейчас она не трахается за деньги, она берет с нас процент за работу. Точнее сказать 15 процентов. Для меня и еще для нескольких девочек Кэнди стала, так сказать, наставницей. Мы – одна большая нестандартная семья, но другой я и не хочу.

Солнце начинает припекать, поэтому я встаю и стряхиваю песок с пляжного полотенца. Собрав свои вещи, я иду к частному заднему входу своего дома. Несколько профессиональных грузчиков помогают кому-то с переездом в один из блоков на первом этаже, поэтому я вынуждена отступить назад, чтобы пропустить мужчин, несущих здоровенный матрас.

Поворачиваясь, они задевают меня углом матраса и, не удержавшись, я больно падаю. Мой телефон катится по мраморному полу. Я стараюсь быстро встать и поднять его, чтобы никому не пришлось мне его подавать. Но широкоплечий мужчина, чей рост сантиметров на тридцать выше моих ста шестидесяти пяти, протягивает мне телефон. Его каштановые волосы в полном беспорядке, но широкая красивая улыбка компенсирует это.

– Извините, пожалуйста, вы в порядке? – вежливо спрашивает он.

Это совсем не его вина, что я упала. Но его дружелюбный тон подсказывает, что переезжает именно он.

Только сейчас я чувствую, как сильно ударилась, и поэтому начинаю растирать ушиб на попе. В ответ я пожимаю плечами:

– Думаю, будет синяк. Но в общем ОК, спасибо.

Я не говорю ему, что мое эго также пострадало.

Я люблю делать все быстро, я не беспомощное женское существо, которое нуждается в чьей-то помощи. Я горжусь собой и тем, что этого никогда не было и не будет в моей жизни. Я не допущу...

Думаю, до этого момента он не обратил внимания, что я в очень открытом, едва прикрывающем меня бикини. Его глаза исследуют мое тело, задерживаясь на несколько секунд на бедрах.

– Ужасно неловко, – говорит он хмуро.

Мужчина не сводит с меня взгляд своих серых глаз, глядя в которые, я вижу легкое возбуждение и понимаю, что он типичный сексуально озабоченный холостяк.

– Как я могу загладить свою вину?

Я выдергиваю у него свой телефон и смотрю, не разбился ли.

– Телефона достаточно, спасибо.

Резко повернувшись, я направляюсь к лифту. Встреча у Кэнди через два часа, а мне еще нужно принять душ и одеться.

– Кстати, меня зовут Эверет, – кричит он мне в след.

Не отвечая, продолжаю идти, поворачиваю за угол и слышу, как мужчина хихикает. Но я только закатываю глаза в ответ на его безнадёжные попытки произвести на меня впечатление.

***

Дом Кэнди всего в 10 минутах езды от меня, хоть и находится в другом городе. Но едва ли можно назвать домом столь шикарное место. Она живет в особняке, реально таком же, как у кинозвезд. Честно говоря, я практически уверена, что некоторые из этих звезд не раз бывали в ее доме. Конечно, мы живем не в Голливуде, а во Флориде, но тем не менее многие звезды пользуются ее услугами.

Практически все уже собрались на веранде Кэнди и наслаждались различными сырами, фруктами и винами. Я сажусь рядом с Хани. Хани – это также рабочее имя. Никто из нас не использует настоящие имена в бизнесе. К тому же у нас негласное правило называть друг друга только псевдонимами. Мое рабочее имя не отличается особой оригинальностью. Я выбрала имя «Невинность».

Кэнди выходит к нам в купальнике и шелковой тунике и, конечно же, в туфлях от Джимми Чу. Я думаю, у нее есть пара каждого цвета. Ей около сорока, но, несмотря на это, она шикарно выглядит в любом своем наряде. На улице более тридцати градусов и практически нет ветра, думаю, именно поэтому женщина так одета. Накрученные светлые волосы и идеальный макияж подтверждают, что купаться в этом наряде она не собирается.

– Дамы, добрый день, – говорит она, держа в руках «Маргариту». – Спасибо, что приехали.

Кэнди подвигает себе плетеное кресло с летней террасы и

присаживается.

– Не люблю собирать вас вот так, в последний момент, как сегодня. Но есть информация, которую я должна сообщить вам как можно скорее.

Сделав длинный глоток, женщина ставит стакан с зеленым ледяным напитком на столик и делает глубокий вдох.

– Джевел... Она... Она больше не с нами.

Глядя на безразличные лица девочек, я понимаю, что никому до нее нет дела.

Она была совершенно не такая, как все мы. Не тот типаж девочек, которых обычно нанимает Кэнди. Грубая, назойливая, к тому же, постоянно всех осуждала и критиковала. Но она приносила нереальные деньги, и это подкупало. Иногда она зарабатывала вдвое больше всех нас.

– Что ж, – равнодушно сказала Наоми, глядя на свои ногти, – отдай нам ее клиентов.

– Не в этом дело, – быстро отвечает Кэнди. Заметно, что она начинает нервничать все больше.

– Она была не той, за кого себя выдавала. Она работала агентом под прикрытием. Теперь все стало понятно, и я не перестаю себя винить за это.

– Ого-го, ничего себе? – на мгновение Наоми переводит взгляд со своих ногтей на Кэнди.

На самом деле мы все пристально смотрим на Кэнди. Все наперебой начинают задавать вопросы. Никогда раньше такого с ней не случалось, она достаточно долго работает в этом бизнесе, чтобы допустить подобное.

Кэнди явно смущена, она поправляет тунику и садится ровнее.

– Девочки, потерпите минутку, я все объясню.

Наши голоса затихают, но в воздухе висит куча вопросов – в основном, кого загребут первой.

– Не знаю, как я могла не заметить этого и прошу у вас прощения. Вы все вне опасности. Они уже приходили ко мне, вы их не интересовали, им нужен был список клиентов. Я вынуждена была сделать выбор и отдала им список Джона.

Женщина сконфуженно качает головой. И мне ужасно жаль ее. Несмотря на все риски этой работы, секс и деньги – все, что она знает и умеет в этой жизни.

– Вы... Вы – моя семья, и я не могу вот так просто бросить вас. Но бизнес придется приостановить практически полностью. Я договорилась со своей знакомой, у нее есть бизнес, правда не в Тампе. И она готова взять вас к себе, если вы согласитесь переезжать. Конечно, вы можете остаться со мной. Постепенно мы все возобновим, но это будет не быстро,

и, к сожалению, сейчас я не могу дать никаких гарантий.

Пока мы обдумываем слова Кэнди, она допивает свою «Маргариту». Я смотрю на «сотрудниц» и пытаюсь угадать, о чем они думают. Какое же решение они примут. Я слишком люблю свою работу, Кэнди и город, в котором живу, поэтому встаю первой:

– Я остаюсь с тобой.

Возможно, совершаю ошибку, но я верю в Кэнди. Я верю и люблю ее, как свою настоящую мать, и, к тому же, доверяю своей интуиции.

Еще три девочки встают вместе со мной. Две другие, которые работают с нами не так долго, решают, что лучше ехать в Тампу. Оставшиеся пять решение не озвучивают, говоря, что не о чем волноваться. Я тоже это понимаю, но все же чувствую, что Кэнди в опасности.

Минут через сорок, когда все уже расходятся, Кэнди просит меня остаться.

– У меня есть еще несколько клиентов, о которых я не сообщила ФБР, – говорит она мне.

– Это означает, что..?

Женщина кивает головой, понимая мой вопрос.

– Ты лучшая, Бренна. У тебя будет два постоянных клиента. Ты можешь выбрать, остальных я отдам Моне, Хане и Белле.

Я бросаюсь ей на шею.

– Спасибо! Ты всегда была так добра ко мне.

Глава 2

Эверет

– Бурк, быстро входи!

Черт. Я провалил последнее задание. Шеф надерет мне задницу. Я знаю это, но услышав, как шеф орет мое имя на весь участок, понимаю, что все гораздо хуже, чем я ожидал. Возможно, мне даже придется подать рапорт о переводе. Направляясь к кабинету шефа, я готов понести наказание и стараюсь не терять самообладание. Мужчина смотрит на кипу бумаг в своих руках и трясет головой в недоумении.

– Что это за хрень, объясни мне!

– Шеф, извините. Мы с Парсонсом не смогли договориться о тактике. Я на сто процентов был уверен, что мы заставим Мэнсона расколоться. Теперь я понимаю, что нужно было слушать Парсонса.

– Ты теперь это понимаешь? – он швыряет папку с бумагами на стол и

встает, толкая свой стул. – Теперь Мейсон в опасности. Вся банда готова убить нашего единственного тайного агента. Ты не просто налажал, Бурк, ты провалил все расследование.

– Сэр, прошу прощения. Я постараюсь все уладить.

– Слишком поздно.

Он выходит из-за стола. По его лицу я вижу, что мужчина размышляет о том, что можно предпринять с делом, которое я завалил. Я практически уверен, что он хочет меня уволить. Что ж, возможно завтра мне придется искать новую работу. Глубоко вздохнув, он говорит мне:

– Это первый раз, когда ты реально огорчил меня.

– И это не повторится, сэр. Я обещаю.

Он машет рукой:

– Да, я знаю это, потому что это больше не моя головная боль.

– Так... мне собирать свои вещи?

Я не собираюсь оспаривать его решение. Я заслуживаю такое наказание. Я должен был защищать Парсонса, а в итоге, он лежит с простреленным плечом в больнице из-за моей халатности.

Я всегда хотел быть детективом, с самого детства, и эта мечта никогда не угасала...

– Да, но я тебя не увольняю.

– Нет? – я вздыхаю с облегчением, но все же время не понимаю, чего ожидать.

– Тебя переводят в детективный отдел в Пенсаколу во Флориду. Они хотят накрыть быстрорастущий эскорт-бизнес в городе и им нужно новое лицо. Ты идеально подойдешь.

Флорида? Это ж очень далеко от Ричмонда в Вирджинии.

– Ого, – единственное, что я могу буркнуть, соображая, что придется уехать из родного штата. Мои родители скончались, но у меня есть младшая сестра, которую я совершенно не хочу оставлять. У нее есть муж и ребенок, но последние три года я старался уделять ей внимание, как только получалось.

После нескольких минут колебаний я спрашиваю:

– Почему именно Флорида?

– Сначала я думал отправить тебя к младшему детективу Джонсону, но когда получил этот рапорт, то понял: тебя надо или увольнять, или переводить туда. Если честно, ты один из лучших моих детективов, но такой промах может к черту уничтожить весь отдел, если я оставлю тебя. А я не могу так рисковать. Ну, твой выбор Флорида или талоны на еду?

– Я выбираю перевод, шеф.

– Молодчина. Я займусь документами на перевод. Ты должен быть там к пятнице.

– Но сегодня уже среда.

По взгляду шефа я понимаю, что это не обсуждается. Кивком головы я благодарю его и выхожу, сохраняя достоинство насколько это возможно. Я не представляю, как сказать Эмили. Она будет очень расстроена тем, что я оставляю ее на четвертом месяце беременности.

***

Когда я возвращаюсь домой, то сразу же звоню в компанию по перевозкам, чтобы организовать свой переезд. Перед отъездом шеф Биггинс сообщил мне о моей новой квартире, которую новый департамент будет оплачивать полгода, после чего мне придется найти себе новое жилье или оплачивать его самостоятельно. Возможно, к тому времени я уже освоюсь на новом месте.

Дома у меня всегда чисто и аккуратно, это привычка с работы. Все должно лежать на своих местах. Некоторые вещи я упаковываю сам, чтобы до них не дотрагивались перевозчики. Затем я покидаю свою квартиру и направляюсь к Эмили с сюрпризом-ужином от ресторана «Джалео».

– Что ты здесь делаешь? – открыв дверь, спрашивает она. Видя ее улыбку, мне еще сложнее сказать ей правду.

Улыбаясь, я протягиваю ей бумажный пакет:

– Надеюсь, ты голодна.

Потирая живот, сестра говорит мне, что всегда хочет есть.

Направляясь на кухню, муж Эмили – Себастьян достает пару сковородок, чтобы приготовить ужин.

– Он пришел с готовым ужином, – говорит моя сестра мужу.

– Отлично, спасибо, чувак, – отвечает он и кладет сковородки на место. – Я как выжатый лимон сегодня, совсем нет сил готовить.

Эмили вынимает из пакета контейнеры с едой, а Себастьян тем временем достает тарелки.

– Так о каком сюрпризе ты говорил? – не выдерживает Эмили.

Она знает, я не из тех, кто делает сюрпризы. И я знаю, что она не остановится, пока все не выпытает.

– Ну, я пришел попрощаться, – отвечаю я коротко и по существу. У меня нет времени на длинные и бесполезные беседы.

Она едва не роняет контейнер:

– Стоп, о чем ты?

– У меня неприятности на работе, и теперь особо нет выбора.

Поэтому я переезжаю во Флориду.

Когда мы были детьми, Эмили постоянно повторяла, что хотела жить там, где более тепло и солнечно, чем в Вирджинии. Я никогда не понимал ее, ведь жизнь здесь казалась мне идеальной. Тут никогда не жарко и не холодно, и солнца всегда достаточно. Но она все же мечтала о жизни на юге. И сейчас я должен думать о том, как правильно сообщить ей о месте, в которое собираюсь переехать, так как у нее загораются глаза. Я уже могу представить, как она уговаривает Себастьяна переехать туда.

– А куда именно? Тампа, Орландо, Неаполь?

– Ну, Пенсакола. Я, честно сказать, даже не знаю, где это.

– Чувак, я думаю это город пенсионеров, – тараторит Себастьян.

– Да, – грустно добавляет Эмили. Ее яростное воодушевление немного спадает.

Эскорт-бизнес в городе пенсионеров? Да уж, звучит отвратительно. Мысли о девочках, раздвигающих ноги, и об их болезнях напрягают меня.

Я не могу рассказать им о своем задании, даже несмотря на то, что это дело неопасное. Но семью никогда нельзя вовлекать, поэтому я стараюсь и вида не подавать.

– Ну, конечно же, я буду рад вас видеть в любое время, особенно когда родится мой племянник.

Я не могу не попрощаться перед отъездом с ее округлившимся животиком, в котором живет маленький мужчина, которого я жду уже четыре месяца.

– Конечно же, мы приедем, – отвечает сестра.

Мы наслаждаемся ужином, обсуждая, в основном, какого цвета будет детская, и стоит ли красить стены во время беременности, не опасно ли это для здоровья Эмили. Но, к сожалению, примерно через тридцать часов начинался мой первый рабочий день, и все заканчивается быстрее, чем я бы хотел. Прощаться с ней гораздо сложнее, чем я думал.

Сестра уверяет, что мы не прощаемся, а всего лишь расстаемся до следующего раза. Эмили всегда умеет находить положительные моменты в любых ситуациях. Так было, когда скончались наши родители, и я рыдал, как слабый маленький ребенок. Эмили утешала меня, утешала и говорила, что так должно было случиться, что родители должны уходить первыми. Я никогда не понимал, как она могла мне улыбаться в тот день и в другие дни нашей общей с ней жизни, но Эмили – тот еще фрукт.

Моя сестренка на несколько лет моложе меня, но кажется на несколько поколений мудрее и добрее. Мама часто говорила, что у нее старая душа. И чем старше я становлюсь, тем больше понимаю это

выражение.

Я не хотел расставаться, но, по крайней мере, у меня был шанс попрощаться.

***

Уже к 7 утра транспортная компания-перевозчик упаковывает все мои вещи. Выпив на ходу чашечку кофе, я направляюсь на юг в свой новый дом. Я делаю всего несколько остановок, чтобы поесть, заправиться и немного отдохнуть, после чего добираюсь до места, примерно, к одиннадцати часам вечера. Я и не думал, что долгая дорога так сильно может утомить и обессилить меня.

Я не хочу распаковывать вещи, поэтому на эту ночь останавливаюсь в отеле. К счастью, у меня есть с собой одежда и все необходимые вещи для завтрашнего первого рабочего дня.

Когда я просыпаюсь в пятницу утром, то направляюсь прямо в полицейский участок. Этот город очень красив: микс современных домов, роскошных пляжных домиков и небольших коттеджей, тянущихся вдоль улиц. Не такой большой как Ричмонд, но и не маленький городишка. Он не выглядит как городок пенсионеров, как говорил Себастьян, но у меня недостаточно времени, чтобы осмотреться. Уверен, что в скором будущем я все выясню.

Мой новый шеф уже ждет меня в своем кабинете. Я не ожидал, что он окажется так молод. А его длинные закручивающиеся усы в сочетании с лысой блестящей головой вообще сильно меня удивляют.

– Доброе утро, входите, – говорит он, когда я стучу в дверь.

Я сажусь на жесткий деревянный стул напротив него. На огромном рабочем столе стоит табличка: «Начальник Полиции: Томас О'Райли».

– Доброе утро, сэр. Я детектив Бурк из Отдела по борьбе с преступностью Ричмонда, – сообщаю я ему, хотя уверен, что он и так в курсе.

– Я в курсе. Я как раз пересматривал твое досье.

Он перелистывает страницы моего досье, но только кивает головой, ничего не говоря вслух. Я изо всех сил стараюсь оставаться спокойным. Обычно мне плевать, что люди думают обо мне или моих профессиональных навыках в работе, но после своего последнего провала я не могу не думать о критике, какой бы она ни была.

Через несколько минут мужчина складывает бумаги обратно в папку и, закрыв, кладёт её на стол.

– Тебя проинформировали насчёт твоего нынешнего дела?

– Только то, что это разоблачение эскорт-сервиса.

– Джинджер Бетфорд, также известная как Кэнди Шорс, владеет и управляет собственным эскорт-сервисом в течение нескольких лет прямо здесь, в Пенсаколе. Она оплатила большую часть изменений в нашем департаменте в обмен на то, что мы не станем совать нос в её дела. Да-да, я знаю и не хочу слышать о том, как мы здесь коррумпированы. Но это был не мой выбор. Во всяком случае, мы имеем информацию о том, что некоторые из её клиентов – городские чиновники. И так как выборы не за горами, то просочилось несколько имен, и нам не осталось ничего другого, как получить перечень её клиентов и предать его огласке.

– Итак... Вы сделали это или вам нужно это сделать?

– Мы сделали это, – отвечает он.

Моё замешательство лишь увеличивается.

– Мы не хотели получить просто перечень, мы заключили сделку с Кэнди. Если она добровольно сдаст нам имена всех своих тайных клиентов, то взамен мы отпустим ее сотрудников. Тем не менее, наше внимание привлек тот факт, что она сдала нам не полный перечень имен, хотя и пополнила его именами новых клиентов. Нам нужен кто-то, кто предстанет в качестве нового клиента, чтобы помочь полностью разоблачить весь спектр услуг, которые предоставляет Кэнди.

– Хорошо. Но вы же не хотите сказать, что мне придется заниматься сексом с проституткой?

Меня возмущает сама мысль об этом.

Шериф О`Райли смеётся над моей озабоченностью, хотя кажется, что смех не подходит человеку с его пропорциями и размерами.

– Честно говоря, было бы лучше, если бы ты этого не делал. После оплаты они должны провести с тобой время, и не обязательно, чтобы дело касалось секса. Это служба эскорта. Они могут сопровождать тебя на свиданиях или деловых встречах, представиться твоей женой, трофеем на вечеринке или фальшивой невестой на Рождественских посиделках. Судя по тому, что я слышал, каждый клиент индивидуален, но, честно говоря, сексуальными услугами Кэнди пользуются гораздо больше, чем заказывают миленькую девушку, которая будет сопровождать их на ужине. В любом случае, для тебя мы выясним подробности. Ну а сейчас твоя первая и единственная задача – назначить встречу с Кэнди. Для каждого потенциального клиента она проводит достаточно тщательную проверку, прежде чем свести с одной из своих девочек. Здесь информация о твоей новой личности, которую ты должен досконально изучить. Постарайся выйти на контакт с Кэнди в течение следующей недели.

– Будет сделано, сэр. Вы можете на меня рассчитывать, – я встаю, чтобы пожать ему руку.

– Великолепно. Зарегистрируешься завтра, здесь ты больше не нужен. Организовать свой рабочее место ты сможешь в понедельник, а пока я уверен, что у тебя еще куча нераспакованных вещей.

Я пожимаю руку шерифу О`Райли, прежде чем выйти из его кабинета, и сразу направляюсь в свою квартиру. По пути звоню транспортной компании и даю им знать, что готов к тому, чтобы они перевезли мои вещи.

***

Квартира оказывается куда больше, чем я предполагал. Ее площадь вдове превышает ту, что была у меня в Ричмонде. Не думаю, что у меня достаточно вещей, чтобы заполнить столько пространства. Я не очень хорош в шопинге, поэтому, скорее всего, оно так и останется пустовать. И это удручает даже при том, что я нахожусь очень близко к пляжу. Выглядывая из большого окна своей новой кухни, я вижу там несколько людей. Кажется, это молодые пары или старики, не так уж много детей. Я думаю, это связано с тем, что сегодня будний день, и большинство из них сейчас в детских садах или в других подобных местах.

Не могу сказать, что так уж часто бываю на пляже. Я был там около пяти раз за всю свою жизнь. Но так как технически он находится у меня во дворе, то будет неплохо время от времени приходить туда и отдыхать. Особенно в те дни, когда у меня будут сложные задания, отнимающие много энергии.

Дойдя до своего пикапа, я беру пару коробок, которые всегда держу на случай того, если вдруг что-то пойдет не так. Когда я возвращаюсь в дом, то вижу, как мужчины передвигают мой матрас и задевают им девушку, заставляя ее оступиться. И это выглядит далеко не как легкое падение. Меня выводит из себя то, что никто даже не извинился или не постарался помочь ей, хотя я не уверен, что они заметили ее или то, что ее телефон крутится спиралью по полу, вероятно, треснув от падения на мрамор.

Я бросаю свои коробки и бегу к ней. Она поднимается раньше, чем я успеваю приблизиться, так что меньшее, что я могу сделать, это поднять ее телефон. Девушка наклоняется, чтобы его забрать, и тогда ее великолепные зеленые глаза сужаются, глядя на меня. Вероятно, думает, что упала из-за моей халатности. И хоть это – не моя вина, я чувствую себя паршиво.

– Извините меня, – говорю я. – Вы в порядке?

Она почти в замешательстве, но невероятно возбуждает меня, когда начинает потирать свою попку.

– Появится немного синяков, а в остальном, уверена, у меня все хорошо.

Черт, я не могу ей помочь, при этом не глядя на ее тело. Оно миниатюрное, но не лишено приятных выпуклостей, особенно заметных в этом крошечном белом бикини. Мое горло сжимается при мысли о том, чтобы увидеть ее в чем-нибудь еще меньшем. И это не первая вещь, о которой я должен думать, встречая кого-то.

Мне приходится прикусить свой язык, чтобы не сказать, что у нее «действительно все хорошо», так как в ее глазах я буду выглядеть слишком заносчивым. Не будь я первый день в этом городе или ее соседом (по крайней мере, я предполагаю, что она здесь живет), то сказал бы ей намного больше о том, о чем действительно думаю. Но единственное, что я произношу:

– Это чертовски неловко. Могу я как-то искупить свою вину?

Со злобным выражением на лице девушка выхватывает свой телефон из моих рук.

– Телефона будет достаточно. Спасибо.

Она разворачивается и быстро идет прочь, покачивая своими бедрами. Я должен убедиться, что смогу поговорить с этой женщиной хотя бы еще раз. Вне всяких сомнений, она зажгла что-то во мне. Вернее, в моих штанах.

– Кстати, меня зовут Эверет, – кричу я.

И когда она не прикладывает никаких усилий, чтобы сказать свое имя, я понимаю, что ее жесткую оболочку будет сложно сломать. Эта свирепость сводит меня с ума, а сладкий южный акцент ее голоса только подливает масла в огонь. Вероятно, мне следует быть осторожным.

Глава 3

Бренна

– «Текилу Санрайз», пожалуйста, – говорю я бармену.

Когда он спрашивает о моем возрасте, я показываю свое липовое удостоверение личности, в котором написано, что мне двадцать два, а не двадцать.

– «Гиннес», – говорит мужчина, присаживаясь на барный стул рядом со мной.

Бармен уходит, и я обращаю все свое внимание на телефон. Я должна встретиться с новым клиентом через пятнадцать минут, этого как раз

хватит, чтобы прикончить свой коктейль.

– Часто здесь бываешь?

Я оглядываюсь на парня, который сидит рядом. Он выглядит знакомо.

– Нет, – говорю я ему.

И это правда. Тем не менее, отель, находящийся через дорогу, я посещаю часто. Кэнди уже заключила сделку с владельцем, так что большую часть дел мы улаживаем там. Я почти никогда не пью перед встречей с клиентами, но все те новости, что она рассказала мне на прошлой неделе, вымотали меня. И немного выпить в пять часов – это прекрасный способ избавиться от стресса.

Мужчина склоняет голову набок:

– Ты живешь в моем доме, не так ли?

Вот почему он показался мне знакомым. На этот раз его волосы зачесаны назад, да и одежду он надел получше. Она более подходящая, чем та неряшливая, в которую он был одет вчера.

– Да, один из твоих грузчиков меня сбил, – я оглядываюсь на свой телефон, но мужчина так и не перестает говорить.

– Верно. И как себя чувствует твоя задница?

– Подтянуто.

Он посмеивается:

– Уверен, так и есть. Я имею в виду, тебе еще больно?

– Это немного личное, тебе не кажется? – я смотрю на него с натянутой улыбкой.

– Итак, она улыбается, – говорит мужчина с усмешкой.

– Похоже на то, – я кладу свой телефон как раз в то время, когда приносят мой коктейль.

– У тебя есть имя?

– Да, – мы одновременно потягиваем свои напитки. Надеюсь, что на этом наш разговор и закончится. Не уверена, сколько намеков нужно ему дать, чтобы показать, что я не заинтересована в общении с ним.

Однако, после нескольких моментов молчания, он решает, что еще не закончил:

– И какое?

– Зачем тебе? – я смотрю ему прямо в глаза, желая услышать честный ответ. Я не собираюсь становиться его другом или кем-то еще. Я ненавижу, когда парни спрашивают мое имя или любую другую личную информацию. Я не ищу ни отношений, ни интрижек. Работа занимает все мое время, и, кроме того, я свободна делать то, что хочу.

Явно застигнутый врасплох моим вопросом, мужчина ерзает секунду.

И, конечно же, придумывает подходящий ответ:

– Ну, мы же соседи как-никак. Что, если у меня вдруг закончится сахар, а он мне будет нужен? Я постучу в твою дверь и скажу: «Хай, девушка с именем, которого я не знаю, могу я занять у тебя чашечку сахара?» По-моему, звучит немного грубо, – он улыбается блаженной улыбкой, понимая, что заработал парочку очков.

У воспитания в приюте есть свои плюсы – ты можешь достойно ответить на любые колкости.

– Хорошо, если ты знаешь, какая из квартир моя, то наименьшая грубость, которую я могу от тебя ожидать – это незнание моего имени.

Мужчина склоняет голову в наигранном позоре, и я ничем не могу ему помочь. Но улыбка снова появляется на моем лице, на этот раз менее натянутая.

– Судя по твоей скрытности, я мог бы предположить, что ты состояла в отношениях раньше, но не сейчас, так как в пятницу ты сидишь в баре и пьешь в одиночестве. Так я что-то сделал не так, или ты просто не заинтересована?

Прикончив свой напиток, я отодвигаю его и смотрю на телефон. У меня есть три минуты на то, чтобы встретиться с новым клиентом. Кэнди показала мне его профайл, так что я знаю, как он выглядит. Осматриваюсь, но пока не замечаю никого похожего. Когда я оборачиваюсь к настойчивому мужчине (кажется, он сказал, что его зовут Эверет), то улыбаюсь ему плотно сжатыми губами. Большинство бы подумало, что я смотрю немного стервозно. Уверена, так и есть.

– Я не ищу отношений, интрижек или чего бы то ни было. И если моя скрытность так очевидна, то, может, тебе следует понять намек и не быть таким надоедливym?

Он усмехается, одновременно вертя бутылку в своих руках. С минуту мужчина смотрит на меня своими темно-серыми глазами, а потом кивает в знак согласия.

– Хорошо. Честно говоря, я всего лишь ищу новых друзей, так как я новичок в этом городе, вот и все. Я был бы не против интрижки, но это не было моим намерением, – он блуждает взглядом по моему телу, возвращается обратно к лицу и при этом надменно улыбается.

Я с прищуром поглядываю на него, но уважаю его честность. Может быть, я более снисходительна, чем думала о себе?

Издалека замечаю своего нового клиента. Я смотрю на Эверета и говорю:

– Бренна.

Кинув десять долларов на стойку, я выхожу из бара и направляюсь к Уинстону Марселлу – основателю загородного клуба «Дрифтвуд», который является местом отдыха для богатейших людей в трех близлежащих районах. Раньше я видела его в газетах, но с тех пор, как он продал свой клуб, то не появлялся на публике последние пару лет.

Одет он с перчинкой и совершенно не вызывает никакого доверия.

– Уинстон?

– Чесити, я полагаю.

– Да, – отвечаю я с улыбкой. Я обхватываю своей рукой его локоть, и он ведет меня по направлению к выходу.

***

Прежде чем закрыть дверь нашего номера, Уинстон прижимает меня к стене. Губами мужчина скользит по моему подбородку, прижимаясь к нежной коже. Он целует и посасывает ее, потом тянется к моему уху и начинает с силой его покусывать.

– Господи, ты еще прекраснее, чем я себе представлял, – шепчет он мне на ухо.

Руками мужчина обнимает меня за спину, расстегивает мое платье, освобождая от него тело. Платье падает на пол, и через несколько секунд Уинстон делает то же самое с моим нижним бельем. Не теряя времени, он кладет свои пальцы на мою киску, доставляя мне удовольствие.

Когда мое тело готово, он толкает пальцы в меня, скользя внутрь и наружу. Большим пальцем он давит на мой клитор, убеждаясь, что я возбуждена. И продолжает делать это, в то время как мое тело напрягается все больше.

Несколько тихих стонов вырываются у меня из горла, но когда Уинстон продолжает эти сладкие атаки, звуки становятся все громче. Я чувствую, как он загоняет свои пальцы все глубже в меня.

– Бл*ть, я люблю этот звук, – шепчет он, все еще находясь напротив моего уха.

Мое тело расслабляется, но это ненадолго. Через несколько минут Уинстон валит меня на кровать, и я оказываюсь беззащитна перед ним. Он лезет в карман и достает оттуда пару наручников. Я бы никогда не догадалась, что они были там. Бросая их на кровать рядом со мной, раздевается сам. Он стоит в своей неприкрытой наготе, протягивая руки, чтобы снова взять наручники.

– Подвинься вверх, – приказывает мужчина.

Я подчиняюсь, мне заплатили за это. Он фиксирует мои запястья к

изголовью кровати. Будучи скованной, я всегда немного нервничаю, в основном, потому что боюсь, что клиент будет слишком грубым, но это часть моей работы, и я надеюсь, что он никогда не пересечет черту. К счастью, Кэнди бронирует номера на свое имя, так что если я не появлюсь через несколько часов, она может прийти и проверить.

Своими руками Уинстон разводит мои ноги, с наслаждением глядя на открывшуюся ему киску.

– Я хочу удовлетворить тебя. Люблю ощущать узкую киску вокруг своих пальцев. Нет ничего лучше, чем все эти соки на моем языке. Не могу дожидаться, чтобы заставить тебя кончать снова и снова.

То, как он говорит и отзывается о моем теле, определенно отличается от того, к чему я привыкла. Большинство клиентов заботятся только о себе, я им безразлична. И то, как я сейчас наслаждаюсь им, пугает меня, особенно когда я вижу его седые поредевшие волосы промеж своих раздвинутых ног.

Целый час нашего времени мы проводим, направив все свое внимание между моих ног, что доводит меня до множества оргазмов. Наверное, у меня никогда не было такого за одну ночь. Когда мы почти заканчиваем, мое тело становится вялым, а он держит свою эрекцию прямо перед моими глазами.

Пальцами одной руки он спускается ниже и снова начинает доставлять мне удовольствие, а другой скользит вверх и вниз по своему члену. И когда я достигаю пика, то сжимаю свои бедра вокруг его пальцев, испытывая еще один оргазм, завладевший мной. Через пару секунд он кончает мне на живот, покрывая его своей теплой спермой.

Я в изнеможении падаю обратно на матрас, а веки мгновенно становятся тяжелыми. Уинстон наклоняется и еще раз целует меня в челюсть.

– У тебя восхитительная киска, Чесити.

Я слабо улыбаюсь, неспособная в данный момент ни на что большее. Он протягивает руку и снимает с меня наручники, освобождая от ограничений. Мои руки безвольно падают. Я слишком устала, чтобы делать что-либо. Уинстон заходит в ванную комнату и через минуту возвращается с влажной мочалкой. Сначала он вытирает мою промежность, а затем и свои выделения с моего живота. У меня никогда не было того, кто бы так обо мне заботился. Это заслуживает похвалы.

Я стараюсь не думать о том, что он старше, чем мой отец.

– Спасибо, – могу я наконец-то промямлить, когда мужчина встает с кровати.

Он подмигивает мне, а затем хватается за свою одежду:

– Это я должен тебя благодарить.

Я тихо фыркаю:

– Да, за то, что легла под тебя, – закрываю свои глаза и улыбаюсь. Мое тело все еще находится на вершине блаженства, которое я получила.

Рядом со мной Уинстон кладет конверт. В первый раз я получаю деньги после секса. Обычно со мной расплачиваются вперед, но я была слишком занята этим неожиданным удовольствием. Открываю конверт и смотрю на пачку стодолларовых купюр. Здесь более четырех тысяч долларов, что почти вдвое превышает согласованную сумму. Будучи новым клиентом, он не должен платить так много.

Я помахиваю конвертом у него перед носом, давая ему знать, что весьма озадачена:

– Что это?

– Ну, – говорит Уинстон, не глядя на меня. – Я надеялся, что этого достаточно, чтобы брать тебя каждую ночь на этой неделе.

Он смотрит на меня с надеждой, что я скажу «Да».

К сожалению для него, у меня есть собственная политика. Не больше одного раза в неделю для каждого клиента. Не потому, что я занята или что-нибудь в этом роде. Обычно у меня более чем достаточно клиентов, поэтому я не хочу рисковать увлечься кем-либо. Не хочу, чтобы чувства любого рода связывали меня и клиентов. Никогда.

И это лишь один из пунктов в моем длинном списке. Кэнди понимает их все. Честно говоря, именно она подсказала мне идею для большинства из них. В первую очередь, она хочет защитить нас, что и доказала в начале этой недели.

Со вздохом я сажусь и качаю головой:

– Извини, но я не свободна до следующего вторника.

Секунду мужчина смотрит на меня с разочарованием, а потом кивает головой:

– Пожалуйста, тогда я хочу забронировать тебя этой ночью. Всего на два часа. Но для начала я хочу пригласить тебя на ужин.

– Я скажу об этом Кэнди, – заверяю я его.

Уинстон наклоняется и прижимает свои губы к моему подбородку. Я понимаю, что ему нравится целовать меня, и к счастью, политика против поцелуев у меня тоже имеется. Это еще одно правило, которое спасает от вспыхнувших чувств.

– Тогда жду этого момента, мисс Чесити.

Уинстон встает с кровати и двигается к двери полностью одетый, в то

время как я слишком слаба, чтобы просто стоять.

– Ты хочешь вернуть деньги назад?

– Нет, ты стоила каждого пенни, – он поворачивается, чтобы послать мне одобряющий взгляд.

Понятия не имею, откуда Уинстон взялся, но он, определенно, может стать моим постоянным клиентом.

Глава 4

Эверет

После того, как Бренна уходит с каким-то пижоном, который выглядит достаточно старым, чтобы быть ее отцом (а я надеялся, что это был ее отец), я жду напарника Джеффа, который должен встретиться со мной. Шериф О`Райли недавно позвонил мне и сказал, что я буду работать с одним из старейших детективов. В этом году он уходит на пенсию, так что не понимаю, почему именно его выбрали моим напарником.

– Берк?

Слева от себя я вижу пожилого мужчину с седой головой, которая уже начала лысеть. Он садится на стул, который всего пару минут назад занимала Бренна, и кладет свою ковбойскую шляпу на барную стойку. Он одет в обтягивающие синие джинсы и черную рубашку, застегнутую на все пуговицы. Уж я никак не мог представить, что мой напарник будет походить на ковбоя.

Протянув руку, он представляется:

– Гунтер. Джефф Гунтер.

– Эверет Берк, – говорю я ему. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, – мужчина кивает головой в сторону бармена и выставляет два пальца, указывая, что нам нужно два пива.

– Сегодня у нас не так много дел, которые можно было бы обсудить, но если мы собираемся стать партнерами, то должны узнать друг друга поближе. Именно так я настраиваю связь с партнерами.

– Звучит прекрасно, – говорю я ему. – У меня был только один партнер – Парсонс. Он был моим партнером с тех пор, как мы оба начали заниматься этим пять лет назад. По сути, мы стали братьями, но в последнее время не особо ладили.

Конечно, все это заставляет чувствовать себя виноватым, когда я вспоминаю наше последнее общее дело. Ненавижу, что подстрелил его. Я звонил ему десятки раз, но он так и не ответил.

– Ты занимался этим пять лет. Так сколько же тебе сейчас?

– Двадцать шесть.

– Без обид, но не рановато ли?

Я слышу подобное довольно часто, в основном потому, что для того, чтобы стать детективом, после колледжа требуется от года до трех лет. Тогда мне было бы около тридцати, если бы все выстроилось соответствующим образом. Впрочем, это не тот случай.

– Я окончил школу на год раньше, а спустя пять месяцев после окончания колледжа устроился в отдел полиции. Я был самым молодым младшим детективом в отделении полиции Ричмонда.

– Впечатляет. Судя по тому, что рассказал мне шериф О`Райли, в твоей жизни произошел кардинальный поворот. И каков же Ричмонд по сравнению с Пенсаколой?

– Отличается, – говорю я, стараясь не засмеяться. И это слабо сказано.

– Хотя я еще не узнал этот город, как полагается.

– Ну, он довольно-таки спокойный. И это облегчает нам работу. Но иногда бывает скучно.

Сравнивая уровень преступности двух городов, я бы сказал, что это просто предположение. Моя работа заключается в том, чтобы искоренять любое неправомерное поведение, несмотря на тяжесть проступка. Когда я ложусь спать, то мысль о том, что я, возможно, спас чью-то жизнь или внес в нее хоть малейшие изменения в лучшую сторону, заставляет мою душу успокоиться. Приятно знать, что со всем тем, что происходит в этом мире: гнев, митинги и беспорядки, я делаю его чуточку лучше. И хотя иногда мне не видна полная картина происходящего, я знаю, что на своем жизненном пути все делаю правильно.

Мы с Джеффом продолжаем говорить о нашей карьере в жизни, пока он не поднимает свой телефон и понимает, что пришло время прощаться.

– Будь я проклят! Если не попаду домой в течение десяти минут, моя старуха меня прибьет. Она весь день готовила тушеное мясо.

Я протягиваю ему руку для прощального рукопожатия:

– Увидимся в понедельник утром. Езжай аккуратнее.

– Само собой, – он открывает свой кошелек и достает оттуда два листка бумаги. – Если у тебя нет других планов на сегодня... Я выиграл это на прошлой неделе. Какая-то местная группа подписала контракт, у них сегодня концерт. Ну а я слишком стар для этих штучек, – он кивает головой, прежде чем снова расположить свою ковбойскую шляпу на голове.

– Спасибо, чувак. Обязательно воспользуюсь, – хоть я и не хочу идти на концерт один, но оставляю свои мысли при себе, не желая показаться

грубым.

Джефф бросает две двадцатки, чтобы оплатить большую часть нашего счета, а затем выходит из бара, оставив меня в полном одиночестве.

Не скажу, что чувствую себя одиноко, находясь наедине сам с собой. Да, у меня были друзья, но у нас не так часто совпадали графики, чтобы попить вместе пиво после работы. Иногда мы с Парсонсом могли выбраться, но только не посреди расследования. Нам нельзя было слишком много раз попадаться вместе.

Невысокая худенькая девушка с длинными каштановыми волосами подсаживается ко мне на пустой стул. Перекидывая свои волосы на голое плечо, она осматривает меня сверху вниз. Ее накрашенные кошачьи глаза выглядят соблазнительно, но я не могу не обратить внимания на чрезмерно бронзовую кожу, что, очевидно, связано с частым использованием автозагара.

– Я бы не отказалась от «Манго-Пич Сангрии», – говорит она мне кокетливо.

Почему бы и нет? Киваю головой бармену. Когда он подходит, я заказываю для нее фруктовый напиток, который, вероятно, стоит столько же, сколько пять моих кружек пива.

Девушка протягивает свою руку и кладет пальцы на мое запястье.

– Спасибо, – мурлычет она. – Как тебя зовут?

– Эверет, – отвечаю я.

– Я Джейлин. Раньше я тебя здесь не видела.

– Потому что я только что переехал.

– Ох. И откуда? – она берет напиток, который протягивает ей бармен, и обхватывает своими накрашенными губами соломинку. А я не могу понять, нравится мне ее внимание или нет. Она определенно не относится к тому типу девушек, которые привлекают меня физически, но прошло много времени с тех пор, как я трахался в последний раз. Мое последнее задание отняло слишком много времени.

На самом деле, моя бывшая, Джесс, была последней, с кем я вступал в интимную связь, и это было два месяца назад. Моя работа очень часто становится преградой в отношениях. Может, сейчас самое время для перепихона на одну ночь. Не считая ужасного оттенка ее кожи, девушка красивая.

– Вирджиния, – отвечаю я на ее вопрос.

– Я из Джорджии. Переехала сюда три года назад вместе с родителями.

Я давлюсь своим напитком. Она не может быть совершеннолетней,

если жила с родителями три года назад.

– Сколько тебе лет?

Девушка хихикает, будто то, что я купил несовершеннолетней алкогольный напиток – это какая-то удачная шутка. Я могу потерять работу, черт подери, могу потерять все из-за этой глупой ошибки. Могу поклясться, что с таким макияжем на лице она выглядит на двадцать с небольшим.

– Девятнадцать, – говорит она, закатывая глаза. – Возраст – это всего лишь набор цифр. Но я все еще под законом, если ты понимаешь, о чем я, – ее глаза что-то говорят мне, но я не могу понять, что именно.

Я выхватываю выпивку из ее руки и отодвигаю коктейль подальше от нас.

– Было приятно познакомиться с тобой, Джейлин, но думаю, тебе пора идти, – я стараюсь держаться как можно прохладнее, хотя все внутри говорит мне напугать, нахрен, эту девку, чтобы у нее больше не было желания принимать выпивку от незнакомцев. И единственное, что заставляет не сделать подобного – знание того, что у меня могут быть неприятности.

– Воу, – говорит она раздраженным тоном. Потом встает и регулирует длину ручки своей огромной сумки. А когда проходит мимо, толкает меня бедром и без слов покидает бар.

Для одной ночи этого достаточно. Вероятно, мне следует пойти домой и распаковать коробки. Я уже закончил с несколькими, но, определенно, не со всеми. Даже близко не со всеми.

Когда я подхожу к парковке, то вижу Бренну, выходящую через главный вход. Она одна, и я почему-то чувствую облегчение. В конце концов, может быть, это был ее отец. При этой мысли мне становится немного легче, потому что кому-то настолько красивой и молодой не следует путаться с тем, у кого седеют волосы. Может, мое влечение к ней слишком сильное для того, кто ее вообще не знает.

Я трясую головой, желая избавиться от любой мысли о Бренне. Нельзя, чтобы она отвлекала меня от моей новой работы. Мне нужно переключить свое внимание на что-нибудь другое.

***

Я открываю первую коробку и достаю несколько фоторамок. Некоторые из них пустые, так как фотографии с Джесси я порвал и сжег в камине в своей старой квартире. Остальные заполнены фотографиями моей семьи. Одну за другой я ставлю их на полку. Я не мастер в украшении

квартир. Мои руки не предназначены для этого, но я не хочу, чтобы стены были совсем голыми. Делаю все возможное, чтобы распаковать каждую коробку.

Проходит меньше часа, когда я успеваю опустошить три коробки. Остальные меня раздражают. У меня нет умения украшать, но есть ОКР (*Прим. перев.: обсессивно-компульсивное расстройство*), так что я понятия не имею, как все это разместить. Понимая, что в конце концов мой гнев найдет выход наружу, решаю, что с меня на сегодня достаточно.

Когда я снимаю джинсы, мой кошелек падает на пол. Я вспоминаю о билетах, которые дал мне Джефф, поднимаю и рассматриваю их. Не имею представления о том, где находится стадион «Бэйфронт», но концерт еще не начался. Решаю, что могу на него пойти, хотя мне и не с кем.

Снова натягиваю свои джинсы, засовываю кошелек в карман и выхожу из квартиры. Идя по коридору, я останавливаю взгляд на почтовом ящике, вместо того чтобы выйти через парадную дверь. Имя наглой Бренны Коннерс привлекает мое внимание. Уверен, она все еще дома, хотя, возможно, у нее есть личная жизнь в отличие от меня.

Не оставляя ни единого шанса на то, чтобы отговорить самого себя, я направляюсь к лифту и нажимаю на кнопку ее этажа. На шестом этаже есть только две квартиры, а это значит, что ее квартира с двумя спальнями, как и моя. Предполагаю, что она родилась в семье при деньгах, либо пашет день и ночь на работе. Она кажется слишком молодой, чтобы самостоятельно позволить себе такое место.

Я стучу в дверь и жду. Когда никто не отвечает, предпринимаю еще одну попытку. Если в этот раз она не откроет, то, как бы это паршиво не звучало, мне придется идти на концерт в одиночку. Правда, это все же лучше, чем копать в той горе дерьма.

Тут ручка двери поворачивается, и мне открывается умопомрачительный вид на ее длинные ноги, кожу, покрытую идеальным загаром, и твердые соски, проглядывающие через ткань шелковой ночной сорочки. Чувствую, как мой член дергается при виде открывшейся картины. Зная, что после нашего дурацкого разговора в баре о том, что я хочу быть просто ее другом, стояк – это не самая лучшая идея, я фокусирую все свое внимание на ее прекрасном лице. Она ухмыляется, будто знает, что вид этого белья убивает меня.

– Да? – спрашивает девушка, положив руку на бедро, при этом демонстрируя свою вздорную манеру.

Я с трудом осознаю, какие слова вылетают из моего рта. Заикаясь, я несую всякий бред о том, что выиграл билеты в баре, и мне нужен кто-то,

кто смог бы пойти со мной на концерт. Я не могу сказать о том, кем работаю, или что знаю кого-то помимо нее, кто мог бы сходить со мной. К моему удивлению, после недолгих уговоров она соглашается пойти со мной. По крайней мере, мне так кажется. Я все еще ощущаю себя безмозглым из-за того, что сказал ей.

Мне снова и снова нужно повторять себе, что ей нельзя меня отвлекать.

Когда Бренна поворачивается, чтобы пройти в свою спальню, я ничего не могу с собой поделать и пялюсь на ее попку, прикрытую ночной сорочкой. Моему члену нужно подумать о чем-то другом помимо заигрывания с ней, так что я прохожу в ее гостиную, желая осмотреться. Я всегда пытаюсь узнать что-то личное о человеке, с кем собираюсь подружиться или пойти потусоваться. К моему удивлению, у нее нет фотографий семьи или друзей, кроме одной, но и та выглядит довольно старой. Там изображена она и, возможно, мама или тетя. Никого похожего на ее отца, или кем там был этот чувак, которого я увидел с ней раньше.

Слыша скрип пола, я поднимаю глаза. Бренна выходит из спальни в белой облегающей футболке с надписью «Aerosmith», показывающей небольшой кусочек оголенной кожи ее живота над джинсами. Неважно, во что она, бл*ть, одета: в купальный костюм, ночную рубашку или в эту гребаную футболку. Она всегда выглядит соблазнительно.

– Это твоя мама? – спрашиваю я, показывая ей фотографию в моих руках. Уверен, девушка и так знает, о каком фото я говорю, ведь изображение этой женщины – единственное в ее квартире.

Бренна поворачивается лицом к кухне, явно не желая об этом разговаривать. Здесь есть какая-то история, и я чувствую, что должен ее узнать. Это часть меня – желание знать детали обо всем и обо всех. У каждого есть история, которую он скрывает, в большинстве случаев, для благих намерений. А у меня не всегда хватает терпения, чтобы не обращать на это внимания.

Моя любовь к секретам и тайнам началась давно. Будучи еще мальчишкой, я заставил своих родителей и сестру возненавидеть эту страсть. Ну а когда я вырос, став настоящим детективом, их раздражение обратилось в гордость.

Открывая холодильник, она, наконец, отвечает:

– Эм... Да. Ты готов?

Я понимаю, что это намек поставить фотографию на место и забыть о ней до лучших времен.

Глава 5

Бренна

Когда я возвращаюсь домой с работы, мы со Снагли смотрим фильм, уютно устроившись на кровати в моей спальне. Сейчас вечер пятницы, и я не делаю ничего интересного. Я уже выпила бокал вина и приняла ванну с пеной, и на ужин у меня была паста, приготовленная в микроволновке. Даже с деньгами, позволяющими мне делать все, что захочу, я сижу здесь, лаская свою кошку, и пускаю слюни по новому фильму с Райаном Рейнольдсом.

Снагли шипит, когда кто-то стучит в мою дверь, а потом и вовсе спрыгивает с кровати, чтобы спрятаться. Она не сторожевой питомец, да мне и не хотелось завести такого. Все в этой квартире нуждается в кодовых замках, не говоря уже о газовых баллончиках, которые я держу при себе все время. С моей работой и тем фактом, что я – белая женщина, которая живет одна, мне никогда не быть в безопасности.

Я встаю с постели, чтобы добраться до двери. В то время, когда я приближаюсь к ней, снова стучат. Смотрю в глазок и вижу своего соседа. Он догадался, которая из квартир моя, и это немного жутко даже при том, что я знаю о наших именах, написанных на почтовых ящиках у входа в дом. Мне следовало солгать ему о своем имени, но тогда в баре я почувствовала себя обязанной, ведь он просто пытался быть дружелюбным и честным.

Совершенно не заботясь о том, что я в тонкой шелковой рубашке, едва прикрывающей мои прелести, открываю дверь. Кладу руку на бедро, приподнимаю бровь и посылаю ему вопросительный взгляд:

– Да?

Его челюсть дрожит, прежде чем мужчина начинает говорить. Его глаза слишком сосредоточены на моем лице. Я практически чувствую его желание увидеть мое тело. Так же, как в прошлый раз. Видимо, наш разговор в баре заставил его относиться ко мне с уважением и как к другу, ведь это все, по его заверениям, что он от меня хочет. Хотя он явно солгал. Будет очень весело дразнить его, пока я могу это делать.

– Я просто... Я, м... Ты занята? – Эверет прочищает горло, стараясь говорить увереннее. Его плечи распрямляются и становятся шире, когда он делает глубокий вдох. Такое ощущение, что мы участвуем в каком-то старинном поединке, где он должен показать все свое мужество, а не пригласить меня потусоваться с ним.

То, с каким раздражением он смотрит на мою одежду, почти

заставляет меня рассмеяться. Думаю, надень я бюстгальтер, все было бы немного иначе, хотя не скажу, что у меня большие сиськи, которыми можно похвастаться. Мне едва ли подходит размер В. Думаю, они смотрятся больше из-за того, что у меня плоский живот.

– Да, – отвечаю ему. – Это все?

Между его бровей пролегает морщинка.

– Ты занята? – он заглядывает в квартиру, но свет почти везде выключен. И только из моей спальни светит достаточно ярко. Эверет кивает, прежде чем снова посмотреть на меня.

– Тот парень из бара? Понятно.

Мне следует заставить его поверить в то, что я не одна, но почему-то сейчас не могу ему соврать.

– Нет, мы всего лишь старые друзья. Я и Снагли просто смотрим фильм. А что? Ты чего-то хотел?

Я должна молчать, потому что, теоретически, намекаю ему на то, чтобы он пригласил меня куда-нибудь или что-то в этом роде. Мой рот, как правило, всегда открывается прежде, чем мозг успевает сказать ему заткнуться.

Лицо Эверета озаряет улыбка. Он не сдерживает своего волнения. Я действительно надеюсь, что он понимает – это все. Это всего лишь дружба. Ничего больше. Никогда. Я не могу рисковать и неважно, нравится мне этот человек или нет.

– Я понимаю, что делаю все в последний момент, но я выиграл билеты на концерт на стадионе «Бейфронт». И сейчас ты – мой единственный друг. Может, ты захочешь присоединиться ко мне?

– Я и не знала, что они проводят там концерты.

– Думаю, это какая-то местная группа, недавно подписавшая контракт. Я выиграл билеты в баре. Все это выглядит многообещающе и начнется менее чем через сорок минут.

Со вздохом я раздумаю над этим. Мне не мешает выбраться отсюда на одну ночь, даже если и с мужчиной, которого я не знаю. Это лучше, чем ужинать одной где-нибудь, да и стадион находится всего в трех милях отсюда, так что я смогу уйти в любой момент. Я открываю шире дверь и приглашаю Эверета войти.

– Хорошо, только позволь мне одеться для начала.

Мужчина прочищает горло и говорит:

– Без проблем.

Я могу только вообразить, как он наблюдает за мной, идущей в сторону спальни, но я не доставлю ему удовольствия тем, что обернусь.

Часы показывают десять. По крайней мере, погода все еще теплая. Концерт должен начаться в одиннадцать, и это не самое подходящее время для того, чтобы проводить его вне дома, но я молода и должна ценить то, что могу тусоваться всю ночь, не пожалев об этом на следующий день.

Эверет держит в руках единственную фотографию, которая есть у меня в квартире – старое изображение моей матери и меня в возрасте шести лет. И то, что он почувствовал необходимость взять ее с законного места, чтобы рассмотреть, мне совершенно не нравится.

Пока кошмары не начали съедать меня заживо, эта фотография стояла в моей комнате. Ну а сейчас она находится в гостиной – месте, где, как я предполагала, ее никто не будет трогать. Это единственное, что осталось у меня от мамы и моего прошлого до удочерения.

– Это твоя мама? – спрашивает Эверет, показывая мне фотографию.

Поворачиваюсь в сторону кухни и направляюсь к холодильнику, чтобы взять бутылку воды.

– Да, – отвечаю я. – Ты готов?

– Конечно...м... пошли.

Эверет ездит на белой GMC Sierra (*прим.: полноразмерный пикап*). Что совершенно не вяжется со здешним обществом и, конечно же, это точно не то, к чему я привыкла. Комбинировать платья и огромные грузовики не в моих правилах. Понимаю, что надеть сандалии и джинсы было хорошей идеей. Когда он заводит машину, из радио доносится кантри-музыка, и я гневно поворачиваюсь в его сторону:

– Мы что, идем на концерт блюграсс?

Он усмехается и выключает радио:

– Честно говоря, понятия не имею, что это. Если кому-то из нас не понравится, мы всегда можем уйти. Как я понимаю, ты не деревенская девушка, так ведь?

– По-твоему, я на нее похожа?

Его взгляд снова начинает блуждать по моему телу, в этот раз без возбуждения, но, определенно, оценивая.

– Нет. Совсем нет.

– Прекрасно, – говорю я откровенно.

Когда я была маленькой, (но уже достаточно взрослой, чтобы запомнить это, хоть и смутно), мой папа брал меня на ферму бабушки и дедушки. И делал это до тех пор, пока они не умерли. Я любила высокие травы полей, обожала кормить животных. Как ни странно, мне даже нравился запах коровьего навоза, распространявшийся по всему акру земли. А когда и мои родители умерли, я решила, что не хочу иметь ничего

общего с прошлым. А это значит, что мое проживание в деревне, в том числе и деревенская музыка, полностью забыто. Я не позволяю этим воспоминаниям возродиться, даже если какие-то из них хорошие.

После этого вся поездка на концерт проходит в непринужденной тишине. Место нашего назначения всего в нескольких минутах езды, так что неважно, играет музыка или нет. Стоянка для автомобилей возле стадиона не заполнена даже наполовину, и большинство их владельцев, должно быть, младше меня.

Я бросаю на Эверета сомневающийся взгляд. В ответ он усмехается, скорее всего, надеясь, что вечер закончится лучше, чем начался.

– Готова?

– Можешь не сомневаться.

Я открываю дверь и понимаю, что для того, чтобы выбраться отсюда, мне придется прыгать. С ворчанием шлепаюсь на гравий. Когда Эверет обходит грузовик, то хихикает. Он подходит с моей стороны, чтобы закрыть дверь.

– Извини за это.

– Я в порядке, – отвечаю поспешно.

Поскольку мы приближаемся к воротам, то можно услышать саундчек. Он не такой громкий, как я ожидала, но опять же, это – никому не известная группа. Эверет протягивает билетерше наши билеты, а та в свою очередь желает нам хорошего дня.

Будучи в фан-зоне, мы не имеем мест для сидения. Вместо этого нам приходится стоять возле сцены с пятьюдесятью другими людьми.

– Хочешь выпить? – кричит Эверет мне на ухо.

– Конечно, – отвечаю я.

Он уходит, не спросив, что я хочу, и оставляет меня одну в этой толпе незнакомцев. На мгновение музыка затихает, и свет на сцене гаснет. Но как только громкий взрыв эхом раздается в одной из колонок, начинают вспыхивать красные лучи прожекторов. Над сценой разгораются сотни разных огней, двигаясь в ритм музыке. Двое мужчин начинают двигаться по сцене, накинув ремешки гитар на свои голые плечи, в то время как третий усаживается за барабанную установку.

Гитаристы подходят к микрофонам, расположенным у передней части сцены, и смотрят на толпу:

– Кто тут готов к охрененной вечеринке?

Зал вопит. Толпа сходит с ума. Я хлопаю, потому что, честно говоря, не знаю, что еще делать. Быть так близко к сцене оказывается очень возбуждающим. Я никогда еще не была на концертах.

В меня врезается локоть, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть Эверета, который с улыбкой смотрит на меня, хлопающую в ладоши. Здесь становится слишком громко, чтобы мы могли общаться друг с другом, так что я беру предложенное им пиво и улыбаюсь. Возвращая свое внимание к сцене, понимаю, что музыканты стараются выдать себя за рок-группу. Я не против их музыки, пусть меня и начинает окружать запах скунса... А значит, мы окружены людьми, открыто курящими марихуану.

Я не курю, но пыталась. Во время пребывания в приюте было легко отказаться от курения и распития спиртных напитков. Это случилось тогда, когда я нашла свое удовольствие в сексе и поняла, что наркотики – не для меня, а вот трахаться стало моим призванием. В конце концов, все мы зависим от чего-то, что снимает нашу боль.

Вообще-то, я рада, что Эверет не присоединяется к этим людям. Он даже не достает обычную сигарету. На самом деле в глубине души мне откровенно наплевать на то, что этот парень делает, а что нет. Но раз уж он захотел быть моим другом, приятно знать, что от него не будет вонять этой дрянью. По-моему, курение разрушает людей.

К завершению концерта я ощущаю, что мои ноги дико устали, а организм полностью истощен. Хотя я действительно наслаждалась музыкой, которую исполняли артисты, но рада, что все закончилось. Когда толпа рассеивается, Эверет хватает меня за руку. словно на автомате стараюсь выдернуть свою ладонь, но он наклоняется и громко шепчет:

– Не хочу, чтобы мы потерялись.

Здесь только один выход, и я знаю, где его грузовик. Это – знак внимания с его стороны. Я позволяю ему держать мою ладонь, но это стоит больших усилий. Секс – одно, но когда вы пересекаете условную линию, чтобы целоваться и держаться за руки, то подобные вещи начинают нервировать.

Не могу вспомнить последний раз, когда я держала кого-то за руку, даже просто по-дружески. Кажется, это было перед тем, как я бросила школу. Могу предположить, что это был мой последний парень. Тогда мне было пятнадцать.

Когда грузовик Эверета появляется в поле моего зрения, я не могу ничего поделать с собой и вытягиваю свою ладонь из его руки. Он ничего не говорит, но лезет в карман, чтобы достать ключи. Я удивляюсь, когда он открывает передо мной дверь. Наверное, Эверет делает это потому, что ему открывается прекрасный вид на мою задницу, пока я забираюсь на сиденье.

Он ждет, пока я сяду на место, а затем закрывает дверь и идет на свою

сторону. Когда мужчина включает зажигание, то бросает взгляд в мою сторону. Из-за того что все автомобили выстроились у входа, нам понадобится несколько минут, чтобы покинуть стоянку. Почему-то мне кажется, что ему нравится это.

– Итак... каково твое мнение? – спрашивает он.

– Мне действительно понравилось. Спасибо за то, что пригласил.

– Да, было неплохо, – он выкручивает руль и устраивается позади остальных автомобилей. – Так какая же музыка тебе нравится?

– Это зависит от настроения. Не думаю, что могла бы выбрать только один жанр.

– Я тоже люблю перемены.

– Поэтому ты сюда переехал?

Эверет сразу же впадает в ступор, хоть и старается не показывать этого. Расслабившись в кресле, он смотрит куда угодно, но не на меня. Поднимается красный флаг, и я напоминаю себе, что нужно держаться от него подальше. Очевидно, что у нас обоих есть темные секреты, которые мы не хотели бы рассказывать, так что чем меньше мы проводим времени друг с другом, тем лучше.

Через несколько секунд он отвечает:

– Из-за работы.

Пока он не выехал на главную дорогу, я спрашиваю:

– И чем же ты занимаешься?

Это самый худший вопрос, который я только могла задать. Потому что, как правило, для меня это плохо заканчивается. Хотя из меня вышла прекрасная лгунья, я знаю, что испытывала бы чувство вины, если бы сказала Эверету, чем на самом деле занимаюсь.

– Я директор по маркетингу.

Смотрю на него, понимая, что нет ни единого доказательства правдивости его слов. Судя по его одежде и пикапу, он явно из какой-то сельской местности. Даже если у него и есть деньги на квартиру в моем доме и новую модель автомобиля, то, что Эверет может являться директором по маркетингу, кажется маловероятным.

Не говорю того, о чем действительно думаю. Это – не допрос. Если ему нравится то, что он на самом деле делает, то это не мое дело.

– Звучит... весело.

Эверет смеется над отсутствием восторга в моем голосе.

– Ага, конечно. Это всего лишь работа. Помогает платить по счетам. Чем ты занимаешься?

К счастью, он спрашивает это тогда, когда уже паркует пикап у нашего

дома. Не желая отвечать на его вопрос, я достаю свой телефон. На дисплее отображается одно сообщение от Кэнди. «Уинстон предлагает двойную цену за завтрашнюю ночь».

Покалывание внизу живота заставляет мое лицо покраснеть. Нечасто я встречаю клиента, встреча с которым кажется такой волнующей. Не то, чтобы я начинаю испытывать к нему что-то... Это чисто из-за удовольствия. Но как бы эта пульсация между ног и не требовала разрядки, мне придется ответить Кэнди, что я не стану встречаться с ним. Это против моих правил. Я уже говорила это Уинстону.

«Я бы с радостью, но не могу. Извини».

Грузовик гремит, когда Эверет открывает свою дверь. Я кладу телефон обратно в сумочку и вылезая из автомобиля.

Когда мы входим в дом, я снова благодарю Эверета за вечер и направляюсь в сторону лифта. Надеюсь, парень не думает, что это было свидание, потому что я не позволю ему поцеловать себя на ночь.

Ожидая, пока дверь лифта откроется, Эверет облачивается о стену и пристально смотрит на меня:

– Означает ли это то, что мы бы снова выберемся куда-нибудь вместе?

– Друзья это делают, – отвечаю я, напоминая, что мы лишь приятели. – Так что, да. Думаю, мы могли бы.

Несмотря на это, я говорю себе, что очень глупо позволять ему так много. Даже если все останется так же, как сейчас, это не скажется хорошо на нас обоих.

– Хорошо, – отвечает мужчина с многообещающей улыбкой.

Должна признать, когда он сверкает своими белыми зубами, я вижу в нем что-то харизматичное.

– Доброй ночи, Бренна.

– Да... эм... и тебе, Эверет.

Дверь раскрывается, и я проскальзываю внутрь прежде, чем он успевает сказать что-нибудь еще. Чувствую облегчение только тогда, когда лифт закрывается. Не знаю, совершаю ли я ошибку, но внутри меня зарождается какое-то тревожное ощущение. Если я не буду внимательна, все это окончательно запутается.

Глава 6

Эверет

Я вхожу в офис Кэнди, в котором анималистического принта больше,

чем в помещении для таксидермии. Он украшен яркими оттенками розового, фиолетового и других неоновых цветов. Стараясь не вглядываться в это варварское великолепие, я наблюдаю, как Кэнди копается в своем компьютере.

Сама женщина тоже смотрится дико. Она выглядит моложе, чем я предполагаю, но одета явно не в соответствии с возрастом. Волосы собраны на макушке, а ее платье скорее напоминает наряд подростка. Так же как тетради, ручки, да и все остальные предметы в этой комнате, ее очки – в черно-белую полоску.

– Майкл Ренсон, – читает она вслух.

Это имя, которое я получил для дела.

– Правильно.

– Пожалуйста, назовите дату своего рождения.

Мы проходимся по случайным деталям, которые, как я предполагаю, она уже знает; это для подтверждения. Так как у нее забрали весь список клиентов, уверен, что отныне во всем она будет соблюдать меры предосторожности. Именно поэтому я досконально изучил папку, которую вручил мне начальник полиции О'Райли с информацией о моей новой вымышленной личности. Не хочу испортить еще одно расследование, особенно зная, что мне нужно показать себя перед шерифом.

Женщина кажется довольной, когда спускает очки на переносицу и смотрит на меня поверх оправы.

– Идеально, – заявляет она с кокетливой улыбкой. – У меня есть анкета, которую вы должны заполнить. Когда допишете, я подберу для вас одну из своих потрясающих девочек, которая, уверена, удовлетворит вас, как никакая другая, – Кэнди говорит тягучим голосом в попытке быть соблазнительной. Эта женщина знает цену своим работницам.

Просматривая анкету, я должен стараться сохранить равнодушный вид. Нравится ли мне анальные игры? Связывание? Есть ли игрушки, которые можно использовать на мне? Какие у меня сексуальные предпочтения? Здесь так много вопросов, ставящих в тупик. Если бы они действительно были для меня, то я бы ушел отсюда прямо сейчас. Стараюсь отвечать на них так, как сделал бы это в реальной жизни, ищи я любовницу.

Когда заканчиваю отвечать, то передаю анкету обратно Кэнди. Она радостно улыбается, глядя на мои ответы, и рядом с каждым из них делает пометки. Мое лицо горит при мысли о том, что она осуждает меня. Это же абсурд. Я довольно простой парень, люблю эксцентричность в постели, но ничего похожего на эти крайности. Мне известно, что люди приходят сюда и ставят галочки напротив большинства из этих вопросов, так что я не

должен стыдиться. Тем более что формально я арендую не шлюху.

– Думаю, у меня есть девушка, созданная для вас, – ее энтузиазм меня раздражает. Это похоже на службу знакомств, исключая обеды и веселое времяпровождение. Прямо как отель для перепихона.

– Ее зовут Чесити. Ей двадцать, но не обманывайтесь ее возрастом. Она достаточно давно в этом деле, а ее предпочтения почти идеально совпадают с вашими. В то же время она является одной из лучших, а значит и стоит дороже. На проверку ваших данных и всего остального уйдет три недели. Тогда я бы могла вас познакомить. Как вы это находите?

– Есть ли кто-нибудь, кого я могу получить пораньше? – ненавижу говорить с такой жалостью, но это нужно для дела.

Я должен сделать все быстро. В моем деле сказано, что у меня нет отношений девять лет, и я очень одинок. Что мне хочется кого-то для общения и что во время разговора я бы перешел к сексу. Нелегко говорить о таком, но думаю, это сыграло в мою пользу. Похоже, Кэнди не сомневается в моих мотивах и внимательно слушает меня и даже не старается скрыть свое разочарование от моей просьбы.

– Да, конечно. Также есть Мона. Она не такой любитель ванили, как вы, но для моих дам ваше удовольствие всегда на первом месте... Каламбур, – Кэнди подмигивает, находя веселье в игре слов. – Судя по графику, вы могли бы встретиться с ней в конце следующей недели.

– Мне это подходит, – говорю я.

Она отмечает что-то на листке бумаги, потом снова смотрит на календарь рядом с собой, который весь в зашифрованных словах. Судя по тому, что я вижу, Кэнди – умная женщина. Стараюсь не анализировать вещи, которые она продельывает, так как знаю, что это займет время, но делаю мысленные заметки на том, что легче уловить.

– Определенные предпочтения обойдутся вам дороже. На первом свидании за один час с Моной, так же как и за последующий, мы возьмем с вас три тысячи долларов. Но если вы решите, что готовы для следующего шага на третьем свидании, то это будет стоить вам четыре тысячи шестьсот, – Кэнди по-прежнему говорит о правилах и разных условиях, которые ожидают меня как клиента, и о возможностях связаться с ней. Я слушаю ее и соглашаюсь со всем, а потом подписываю все необходимые документы.

После часа, проведенного в ее кабинете, я необычайно рад жару на улице. Я направляюсь в офис, на всякий случай двигаясь совершенно случайно (*прим.: беспорядочно, бессистемно*), и немедленно передаю шерифу О'Райли информацию, полученную от Кэнди.

Глава 7

Бренна

Вторую субботу каждого месяца я провожу одинаково: обедаю с другом, не имеющим ничего общего с тем, кем я работаю. Хиллари – официантка в маленьком местном ресторанчике «У Фриззли». Бывало, я приходила туда почти каждый день, чтобы пообедать, и она ждала меня. Когда-то я сказала ей, что ищу место, где мне было бы комфортно, и Хиллари помогла мне найти квартиру. Мы общались и наслаждались обществом друг друга вне ее работы. После восьми месяцев нашей дружбы она переехала в Клируотер. Ее мама заболела и нуждалась в помощи. Было сложно признать, что мне больно оттого, что Хиллари оставила меня, но мы не потеряли нашу связь.

Она помогает мне до сих пор. За последние два года я была в Клируотере, чтобы навестить подругу, лишь один раз. На самом деле, она хочет сама приезжать сюда. Чтобы навещать старых друзей и все такое.

Девушка знает, чем я зарабатываю себе на жизнь, и никогда не осуждает за это. Она говорит, что завидует моей смелости. Это слова Хиллари, не мои. По-моему, это не имеет ничего общего со смелостью, скорее, наоборот. Ее я обрела позднее, но не она стала настоящей причиной того, почему я начала заниматься тем, чем занимаюсь.

Это намного больше, чем мое желание скрасить одиночество, отчаяние и потребности. Контроль. Это – мой способ заполнить пустоту и уйти как можно дальше от мира, в котором я была вынуждена расти.

Я заезжаю на парковку «Эпплби» и останавливаюсь рядом с голубым «Ниссаном» Хиллари. В больших солнечных очках и со светлыми кудряшками на голове она стоит возле него. Я вылезаю из машины и машу ей. Подруга тут же срывается с места и подбегает ко мне на своих каблуках.

– Брен! – кричит она, обнимая меня. – Господи, как же я по тебе соскучилась!

– Прошел всего месяц, – напоминаю ей, посмеиваясь. – Но я тоже по тебе соскучилась.

Девушка протягивает мне свою руку, шевеля пальцами вверх и вниз. Я тут же замечаю великолепный серебряный обруч, на котором расположен квадратный бриллиант, красиво переливающийся на свету.

– Что? – восклицаю, задыхаясь. Я тяну на себя руку Хиллари и внимательно вглядываюсь в ее великолепное обручальное кольцо. – Когда

это случилось?

– На прошлой неделе. Было очень сложно держать это в тайне от тебя, но я хотела сделать сюрприз, – слезы стоят у нее в глазах, когда она вытягивает свою ладонь из моей и смотрит на кольцо. – Оно идеально, прямо как он.

– Как кто? Я не знала, что ты встречалась с кем-то, – мы достаточно часто обсуждаем с ней подобные вещи, чтобы я могла такое упустить. Пусть и немного, но меня пугает, что она открылась кому-то настолько быстро ради красивых наручников, замаскированных под кольцо с бриллиантом.

Вместе с ней мы начинаем двигаться в сторону выхода, и Хиллари рассказывает, что ее жениха зовут Трэвис.

– Мы встретились два месяца назад, – говорит она, немного покраснев. Не уверена, смущена она из-за того, что ей понадобилось два месяца, чтобы рассказать мне о женихе, или из-за того, что она решила прожить остаток своей жизни с кем-то.

Стараюсь не перебивать ее, когда она говорит о том, как они встретились.

–... и у него есть огромная яхта, где мы и провели наше первое свидание. Мы наблюдали за китами в море, я даже увидела акулу. Солнце уже садилось, когда он поцеловал меня. Это было так романтично. Я могла бы часами рассказывать о нашем свидании, но думаю, что от описаний нашего проявления любви тебя стошнит, – Хиллари пытается пролить свет на ситуацию, тем самым стараясь искупить свою вину. Я лишь улыбаюсь ей в ответ.

Когда мы садимся за стол, я спрашиваю:

– Вы подумали над датой?

Девушка прикусывает губу – предательская привычка Хиллари, которая с головой выдает, что ей стыдно чем-то хвастаться.

– Весной.

Я хочу накричать на нее: «Еще слишком рано! Не делай этого, пожалуйста! Дай ему время, Хиллари. Проведи с ним вместе хотя бы три года, чтобы узнать, для тебя ли этот парень». Но я не говорю ни слова. Вместо этого лишь тихонько киваю, пытаюсь заставить себя улыбнуться.

– Это... прекрасно, – говорю я ей.

Не думаю, что она заметила мои колебания, ну или ей откровенно наплевать, потому что подруга кивает головой с излишним энтузиазмом.

– Знаю, все это выглядит нереальным. Я встретила своего принца. Не могу дождаться, чтобы познакомить вас. Он тебе понравится. Обещаю.

Ее речь обрывает официантка, которая приходит, чтобы принять наш заказ на напитки. Когда мы встречаемся с Хиллари, я каждый раз заказываю клубничный «Дайкири» и не одну порцию. Никогда не чувствую вину за то, что напиваюсь, потому что моя подруга делает то же самое, и мы просто наслаждаемся остатком дня. А утро воскресенья станет тем моментом, когда нам обеим придется вернуться в реальность – в моей жизни снова никого не будет, а Хиллари придется вернуться в Клируотер.

– А что насчет тебя? – спрашивает она, когда нам подают напитки.

– Насчет меня?

– Есть ли кто-нибудь на личном? – она глотает свой «Космополитен» и ждет моего ответа.

Конечно же, никого нет, потому что мы обе знаем о том, что я никогда не пересекаю эту черту любви и отношений.

– Деньги, – отвечаю я.

Хиллари пытается не закатить глаза. Несмотря на то, что она никогда не осуждает мою работу, девушка всегда старается поспособствовать появлению у меня парня. Ни один мужчина на свете не примет мой выбор, а я в свою очередь не собираюсь меняться ради кого-то. Мне известно, что мужчины – обманчивые, лживые, напыщенные говнюки. Все они. Просто нужно дать время, и они покажут свое истинное лицо. Меня нельзя купить красивыми словами, надеждами на прекрасное будущее и кольцами с бриллиантом. Я сама смогу создать свое счастье... и продолжать при этом трахаться.

Скрестив свои руки, подруга опирается о стол.

– Ты же знаешь, что я люблю и уважаю тебя, Бренна. Но я также хочу, чтобы ты была счастлива.

– Я и так счастлива.

– Нет. По-настоящему счастлива. Не хочу, чтобы ты сложила руки, ненавижу смотреть, как ты лжешь сама себе. Я твой единственный друг. Ты никогда не покидаешь квартиру, если не идешь на работу или в магазин. Не думаю, что это нормально.

– Я в порядке, – отвечаю холодно.

Я думала, что Хиллари – последний человек, который будет пытаться оторвать меня от моего образа жизни. Я доверила ей свою историю. Хорошо еще, что не сказала о своих родителях. А она просила... часто, но я никогда не подпускала ее настолько близко. Боялась, что однажды она просто перестанет верить в меня. И это случилось раньше, чем я предполагала.

Взяв свой «Космо», Хиллари откидывается на мягкую спинку стула.

– Извини, – говорит подруга, прежде чем делает глоток.

– Да все в порядке. Я в порядке, – видимо, это единственные слова, которые я сейчас могу произнести.

Нам подают еду, но я не голодна. Капаю немного кетчупа на картофель и время от времени ем по одному ломтику, стараясь убить время. Самый любимый день месяца испорчен, и я не могу дождаться, чтобы поскорее уйти отсюда.

Поставив напиток на стол, Хиллари приступает к салату с курицей. Она явно не так расстроилась, как я, но у нее и нет причин на это. Девушка расправляется с салатом прежде, чем я успеваю съесть хотя бы половину своей порции картофеля. К куриной грудке я так и не приступила. Хиллари протягивает руки к чеку, когда нам его приносят.

– Я и сама могу заплатить, – напоминаю ей.

– Знаю, – Хиллари помещает свою карточку в черную папку для счетов, – но я чувствую себя просто ужасно. Я не хотела вести себя так, Брен. Ты сестра, которой у меня никогда не было, и я люблю видеться с тобой. Мне не нужно было говорить ничего подобного. Просто я беспокоюсь о тебе. Забочусь о тебе. Надеюсь, вскоре ты поймешь, что это – не образ жизни, а хобби, которое ты должна будешь бросить.

– Лучше не беспокоиться обо мне, когда у тебя есть собственные проблемы, – я беру телефон и кладу его в сумочку, а затем набрасываю ремешок на плечо. Встав со стула, оборачиваюсь, чтобы узнать, скажет ли еще Хиллари что-нибудь. И когда она ничего не произносит, говорю:

– Удачи тебе с этим... браком. Спасибо за ужин.

Когда я выхожу из-за стола, Хиллари кричит мое имя, но я не оборачиваюсь и продолжаю идти вперед. Не удивляюсь, что она не пошла за мной к машине. Я не жду от нее понимания того, куда двигаюсь по жизни или кто я на самом деле. Мне просто хочется, чтобы она приняла меня. А вместо этого Хиллари лишь напоминает мне, почему я не подпускаю к себе людей.

Возможно, я слишком бурно реагирую, но ведь мне пришлось закрыть рот, когда речь пошла о пути достижения ее счастья, и она могла бы сделать то же самое. Зачем мне мужчина, чтобы стать счастливой? Что такого он может дать, чего у меня нет? Работу, которую я буду презирать, детей, которых не захочу, семью, которая рано или поздно распадется. Будет секс, который у меня уже есть, но не будет загулов по магазинам или отпуска тогда, когда я захочу. Мне будут изменять и лгать. Это не для меня. Не предназначено для меня. И если Хиллари хочет выйти замуж за случайного человека, потому что у него есть деньги, а потом попасть под

его контроль на оставшуюся часть жизни и быть обремененной детьми, то это ее дело. Я не собираюсь с ней спорить или даже высказывать свое мнение, поэтому она должна уважать меня и не делать подобного со мной.

***

Остаток дня я провожу на пляже, слушая музыку в наушниках. Погода на этой неделе просто удивительная, поэтому я решаю в полной мере этим насладиться, прежде чем станет слишком жарко и влажно, как и в каждое лето во Флориде.

Когда тень загораживает мне солнце, я опускаю на глаза солнечные очки и смотрю. Эверет с любопытством смотрит на меня. Я вынимаю наушники и с подозрением оглядываю его.

– Знаешь, ты здесь уже достаточно долго, – говорит он мне.

– Знаю, и что?

– Как ты только не сгорела?

Я сажусь, чтобы достать бутылочку воды из мини-холодильника, который притащила с собой. У Эверета хватает наглости пристроить свою задницу на песке рядом со мной.

– Это называется «солнцезащитный крем», – делаю длинный глоток и тянусь к своему крендельку. Кроме парочки картофелин-фри несколько часов назад я сегодня ничего не ела.

– Не боишься, что у тебя будет рак кожи?

Ничего не могу поделать и улыбаюсь в ответ на его заботу.

– Не особо. Я регулярно прохожу медицинские осмотры и все такое. Плюс в этом мире еще столько вещей, о которых стоит волноваться, и ни одна из них не может остановить меня делать то, что я люблю. Особенно принимать солнечные ванны. Именно поэтому я живу рядом с пляжем.

– В этом есть смысл, – он проводит рукой по волосам, глядя на воду.

Горизонт теряется где-то между солнцем и морской гладью, умоляя меня окунуться. Я не большой любитель поплавать, тем более в океане.

Потом меня осеняет:

– Погоди. Откуда ты знаешь, что я здесь уже долгое время?

Рука Эверета соскальзывает вниз, закрывая лицо. Думаю, для того, чтобы спрятать улыбку. Кажется, он не замечает мой намек на то, что у него есть привычка следить за людьми.

– Я пришел с работы час назад, и ты была здесь. Ну а когда я заглянул в окно и увидел, что ты лежишь в той же позе, то решил удостовериться, что ты все еще дышишь.

– Дышу, как видишь.

Мужчина поворачивается, чтобы еще раз посмотреть мне в глаза, как делает всегда, когда я одета подобным образом. Думаю, что заставляю его чувствовать себя неудобно, но сейчас мне любопытно, хорошо это или нет. Может, он вообще не по девушкам, и в этом было бы даже больше смысла, несмотря на этот трахающий взгляд. Большинство парней уже бы попытались залезть ко мне в трусики, но не Эверет. Я уважаю это, хоть и немного взволнована.

Без разрешения он лезет в мой пакетик с крендельками.

– Эй, – я бью его по руке и смеюсь, когда все крендельки, кроме двух, падают в песок, – что за манеры?

– Они хорошо выглядят, – отвечает он, пожимая плечами.

Я также замечаю его самодовольную улыбку. Вот урод! Смотрю на него с прищуром.

– Мог бы и попросить.

Его единственный ответ – улыбка, достойная красной ковровой дорожки. В нем слишком много всего, что меня отвлекает. Когда я с ним, то забываю, что это опасно для нас – быть друзьями. Он сбежит, когда узнает мои секреты.

– Ну... – начинает Эверет издали, и я понимаю, что парень нервничает, – не хочешь настоящей еды?

Я кладу в рот еще один крендель.

– Не особо, – я знаю, куда все это ведет, поэтому не хочу обедать с ним. Это слишком рискованно.

– Не прямо сейчас, но... не хотела ли бы ты поужинать со мной сегодня? Скажем, в шесть?

– Не думаю, что это хорошая идея, – я беру пакет с крендельками и засовываю его в мини-холодильник вместе с водой и солнцезащитным кремом.

– Почему?

– Потому что мы всего лишь друзья, – отвечаю я.

– А это просто ужин... для друзей. Ничего особенного. Я сделаю нам бутерброды с тунцом, если это заставит чувствовать тебя комфортнее.

Как только я собираю все свои вещи, смотрю на него. Ничего не могу с собой поделаться и огрызаюсь на его предложение:

– Бутерброды с тунцом?

– Лучше, чем стейк с рисом, да?

– Нет, – говорю я ему, немного усмехаясь. – В этом мире нет ничего лучше стейка.

Когда я встаю, Эверет тянется к моему мини-холодильнику.

– Так что, поужинаешь со мной сегодня? Мне просто нужна компания, ничего больше, – он вытягивает руку перед собой почти в предупреждающем жесте, показывая, что не собирается пересекать черту. Либо он настоящий хитрец, либо действительно хочет дружить.

– Ты гей? – спрашиваю я поспешно.

Когда он встает в оборонительную позицию, все быстрее качая головой, понимаю, что обижаю его. Это не должно быть оскорблением, я хочу, чтобы он был геем. Тогда бы я точно знала, что мы не пересечем границы.

– Что? Нет. Нихрена. Я люблю женщин. Люблю сиськи и красивые задницы, и заниматься сексом. В смысле, я не думаю только об этом, но мне это нравится. Очень, на самом деле. Секс – это прекрасно. С женщиной. Только с женщиной.

Он принимает это на свой счет, начиная копаться в себе. У меня есть идея.

– погоди, – говорю я, прежде чем мое веселье превратиться в досаду, – я понимаю. Ты обычный парень, который любить потрахаться.

– Я не шлюха, – объявляет он. Его щеки и шея окрашиваются в бледно-розовый, что веселит меня еще больше. Но я стараюсь не подавать виду. Не хочу, чтобы он подумал, что привлекает меня. Черт, я даже не хочу, чтобы он привлекал меня. Но это не может быть так просто.

– Извини, – бормочу я, – я просто пытаюсь тебя понять.

Эверет направляется ко входу в комплекс. Я медленно иду вместе с ним и вижу, как он кривит свое лицо.

– Почему ты так обо мне подумала? В смысле, что я – гей.

Я останавливаюсь и осматриваю свое тело. Не скажу, что в нем есть что-то особенное, но оно же едва прикрыто.

– Просто я почти голая, а ты даже не пытаешься затащить меня в постель. Разговариваешь со мной без притворства. Уважаешь меня. Почему бы мне не предположить что-то подобное? – я не упоминаю, что у него яркая, белоснежная улыбка, идеально загорелое выбритое лицо. Плюс его волосы всегда зачесаны назад, кроме первого раза, когда я его видела. Вот тогда его волосы были просто ужасны, и я рада, что снова не оказалась свидетелем чего-то подобного. Геи заботятся о своей внешности, гетеросексуалы же больше озабочены противоположным полом.

– По-твоему, мужчина должен быть невежливым, высокомерным мудаком, который использует женщин исключительно для того, чтобы потрахаться?

Я киваю, исходя из своего мнения о парнях, которых знаю. Он сводит

брови на переносице. Видимо, мой ответ его удивил. Может быть, там, откуда он родом, это происходит по-другому, но на юге дела обстоят именно так. Всех подобных парней (я не говорю мужчин, потому что они, определенно, к таковым не относятся), с которыми вы ошиваетесь, нужно посылать куда подальше. Никому нельзя позволять унижать себя.

Я кусаю свою нижнюю губу, стараясь спрятать улыбку, но не думаю, что это работает. Он благоразумный человек. Может, у него и нет никаких скрытых мотивов, может быть, он прав. Я не знаю наверняка, но тяжело удержаться и не выяснить это.

– Ну, я не тусуюсь с парнями. Кроме тебя, видимо.

– А как насчет того седого чувака?

Живот скручивает. Черт! Я об этом не подумала. Я не хотела, чтобы он увидел меня с Уинстоном. Пожимаю плечами, стараясь играть в невинность.

– Это был мой дядя.

– Хорошо, – клянусь, я вижу облегчение на его лице, когда мы добираемся до двери. Мужчина останавливается, прежде чем открыть ее.

– Я имею в виду, мне не важно, кто это был. Но я бы не хотел, чтобы ты тусовалась с кем-то его возраста, зная, что ты веришь в то, что мужчины хотят только секса. Кто-то его возраста не должен бегать за такой молоденькой девушкой. Это неправильно.

– Почему же это неправильно? – я стараюсь особо не сопротивляться, но не думаю, что возраст имеет значение. По крайней мере, не столько, сколько все считают. Конечно, я не считаю, что старики должны трахаться с подростками, тем более против их воли, но мне двадцать лет, и я совершенно осознанно и охотно занимаюсь сексом, так что для меня не имеет значения, с человеком какого возраста я это делаю. Я не говорю про это, но мне просто любопытно покопаться в его мыслях. Может, я просто стараюсь защитить себя, но пытаюсь не показывать этого.

Эверет смотрит на меня, не отвечая. Наверное, прокручивает в голове верный ответ.

– Потому что это отвратительно. Ты молода, а он стар. Неважно, он же просто твой дядя.

– Правильно, – говорю я, с усилием пытаюсь улыбнуться.

Я стираю весь этот разговор из головы. Он не стоит моего стресса. Эверет открывает дверь, позволяя мне войти перед ним.

– Итак, – говорит он, когда мы останавливаемся в холле, – что насчет ужина?

Мне приходится какое-то время подумать, прежде чем ответить.

Господи, я возненавижу себя за то, что собираюсь сделать.

– Только если будет что-то получше бутербродов с тунцом.

– Договорились.

– А теперь отдай мне мой холодильник.

Мужчина мгновение смотрит на меня, прежде чем передать его мне.

– Тогда увидимся в шесть.

Попав в квартиру, я снимаю свою одежду и направляюсь в ванную комнату, чтобы принять душ. Я чувствую соль на своем теле. Она липкая, но после того, как я ее смываю, кожа ощущается гладкой. Как только я выливаю шампунь на волосы, в голове начинают вертеться разные мысли. И главная – почему я согласилась на ужин с Эверетом?

Знаю, что пообещала быть его другом. Честно говоря, я могла бы и отказаться, но исходя из того, как легко он меня отвлекает, не думаю, что смогла бы сделать это. Я едва ли могу ясно мыслить, когда он рядом, но когда его нет, то придумываю сотни умных слов, которыми могла бы ответить вместо согласия. И самое простое из этих слов – это просто «нет».

Смывая пену со своего тела, я ругаю себя последними словами и спорю сама с собой. Может, отменить все? Было бы легко сказать, что у меня появились непредвиденные семейные обстоятельства, а потом самой уехать в Бельвью и посмотреть фильм. Не думаю, что он бывал в соседних городах, чтобы понять, что я вру. К сожалению, не могу найти в себе сил, чтобы сделать это.

Оборачивая вокруг тела полотенце, подхожу к зеркалу и протираю его, чтобы взглянуть на свое отражение. Мои ярко-зеленые глаза смотрят на меня, и я, сделав глубокий вздох, говорю себе:

– Ты сделаешь это, Бренна. Не позволяй кому-либо изменить себя.

Я иду в свою комнату, чтобы одеться, уже в более приподнятом настроении. Натянув белые капри, я нахожу идеальную желтую майку и делаю небольшой акцент с помощью ювелирных украшений. Не считая прогулок по пляжу или в спортзал, я редко выхожу из дома. Я жила слишком долго без чего-то подобного, так что возможность блеснуть кажется мне притягательной.

И хотя моей матери нет со мной уже давно, я прекрасно помню, как она сказала: «Быть южной красавицей просто прекрасно. Красивых женщин, которые прилично одеваются, уважают намного больше других. Ты не заслужишь уважения, если выглядишь так, будто сама себя не уважаешь. Красивая одежда и парочка украшений – вот все, что тебе нужно, чтобы стать значимой».

К тому времени, как я заканчиваю, у меня есть еще двадцать минут. Пользуясь случаем, открываю бутылку вина и наливаю себе бокал. Я не должна этого делать, но вино определенно поможет избавиться от нервозности. Это всего лишь ужин с другом... Ничего больше.

Растягиваю свое драгоценное время, попивая вино из наполовину наполненного бокала. У двери Эверета я оказываюсь почти на пятнадцать минут позже того времени, на которое мы договорились. Он открывает мне с широкой улыбкой на лице.

– Не думал, что ты появишься.

– Потеряла счет времени.

– Конечно, – говорит он, намеренно растягивая слово.

Я никогда не умела хорошо врать, но в этот раз даже и не пытаюсь. Эверет поглядывает за мое плечо вместо того, чтобы позволить мне войти, а затем смотрит на меня настороженно.

– Я не очень хороший повар.

– О, прекрасно, – говорю я с сарказмом, – все таки бутерброды с тунцом?

Мужчина тихо посмеивается, потирая рукой голову. Я заметила, что это его нервная привычка.

– Надо было сделать, но нет. Я пытался пожарить стейк и, честно говоря, думаю, что нам нужно выбраться куда-то. Но мы можем остаться, если тебе нравится вкус жженой резины.

Скрестив руки, я поднимаю одну бровь вверх, давая знать, что слежу за ним.

– Прекрасно, но ты платишь.

– По рукам, – Эверет кажется слишком счастливым, и я надеюсь, что это не какая-то жалкая попытка пригласить меня на свидание.

Он быстро выключает плиту и свет, пока я стою в прихожей его квартиры, а потом хватает кошелек и ключи. Когда мы забираемся в его пикап, он с недоумением оглядывается по сторонам.

– Где здесь хорошее место для того, чтобы поужинать?

– Мы все еще хотим стейк?

– Конечно, – пожимает мужчина плечами.

Поскольку он использует эту жалкую попытку, чтобы затащить меня на свидание, я показываю ему дорогу в самый дорогой стейк-хаус в городе – «Виски Гриль». Когда Эверет открывает меню и изучает блюда разных стран вместе с ценами, то поглядывает на меня с недоверием.

– Надеюсь, это стоит того.

– О, само собой, – говорю я.

Моя улыбка не сходит с лица и становится еще больше, когда официантка принимает наш заказ, и я беру бифштекс с гарниром из креветок на гриле. Удивительно, что Эверет не скандалит. Но в больший шок меня вгоняет то, что он сам заказывает лосося за тридцать долларов. Я отпиваю из бесплатного бокала с вином, который нам приносит официантка. Эверет протягивает ей меню и, подняв свой бокал, смотрит на меня.

– Ты победила.

– Победила? Не думала, что это была игра.

– Не была. Я и в правду не умею готовить, но уверен, ты подумала, что это был какой-то сложный трюк.

Когда я не отвечаю, он добавляет:

– Я бы пригласил тебя на свидание. Если бы захотел.

– И почему же не захотел?

Он ставит свой бокал и наклоняется ко мне:

– То есть ты хочешь, чтобы я пригласил тебя на свидание?

Ненавижу это соблазнение в его голосе. Также далеко не горжусь собой, что заставляю его думать о том, что хочу этого.

– Нет, – отвечаю ему быстро, – это не то, что я имела в виду. Просто почему ты всегда стараешься выбраться со мной куда-то, хотя прекрасно знаешь, что я не хочу идти с тобой на свидание. Почему бы тебе не пригласить кого-то, кому это действительно может быть интересно?

Эверет откидывается на спинку стула, немного ошарив от моей честности.

– Я не ищу отношений, – говорит он сухо, – только дружбу. Но если ты не хочешь, я могу отступить.

Ну вот, теперь чувствую себя виноватой за то, что я такая ханжа.

– Не в этом смысле... Я не привыкла к этому.

– К дружбе?

– Именно, у меня нет друзей.

– Почему нет?

Официантка находит просто идеальное время, чтобы подать нам закуски – салат и теплый хлеб. Я благодарна за эту передышку, так как уверена, что этот разговор направляется не в нужное русло.

Как только мы начинаем есть, наш разговор строится в основном на том, насколько вкусна еда, какие наши любимые блюда и прочие вещи, которые не пересекают проведенных мною границ. Ну а к концу подаются наши основные блюда, так что разговор вообще сходит на нет.

Прикончив половину блюда, Эверет кладет свои серебряные приборы

рядом с тарелкой, потирает свой живот, показывая, как наполнился он от ужина, и говорит:

– Ну почему этот ресторан настолько шикарен. Здесь я не могу попросить пакет, чтобы взять остатки с собой.

– Так попроси контейнер на вынос, – не могу удержаться и хихикаю, – выглядит немного приличнее, ты так не думаешь?

Уголки его губ ползут вверх:

– Да, я спрошу официантку... Мэм, нет ли у вас миленького контейнера из пенопласта, желательно черного матового цвета, чтобы я мог взять с собой остатки своего блюда? Это звучит достаточно элегантно?

– Сделай это или слабо?

– Хрена с два, – почти кричит он.

Эверет мгновенно оборачивается, чтобы удостовериться, что его никто не слышит, и это заставляет меня смеяться. Ох, и люди на него определенно оборачиваются. Одна пожилая пара недовольно таращится на нас.

– Упс, – бормочет он, – видишь, что ты заставила меня сделать?

Я показываю на себя, изображая тревогу.

– Я? Да я бы никогда! – использую свой лучший южный акцент, – как ты смеешь винить меня?

Эверет смотрит на меня с восторгом.

– Ты не из Флориды, – констатирует он.

Думаю, что были еще более очевидные вещи. Я знаю, что мой акцент звучит по-деревенски. Я ведь из Алабамы, жила в разных его частях несколько лет назад.

– Я знаю, – это мой простой ответ.

Я не против того, чтобы назвать штат, откуда я родом. Но вот город или что-либо другое из моего прошлого остается под запретом. Мне не хочется ворошить все это.

– Мило. Мне нравится. Алабама, Луизиана или...?

– Алабама.

Его лицо смягчается, когда он видит, что мне неловко говорить на эту тему. Приложив немного усилий, Эверет улыбается:

– Готова вернуться домой?

– Да, я объелась.

– Аналогично.

Когда официантка подходит к нам и подает счет, он непринужденно спрашивает:

– Не дадите нам парочку контейнеров на вынос?

– Конечно, – говорит она, глядя на наши обеды, прежде чем уйти.

Эверет пытается как-то разрядить атмосферу:

– Не верю, что у меня хватило смелости. А она не показалась особо удивленной.

– Ибо кто забирает домой рыбу? – я зажимаю нос от отвращения.

– Тебе не нравится рыба?

Я пожимаю плечами.

– Никогда раньше не пробовала.

– Ты живешь на пляже. Как так случилось, что ты не пробовала рыбу?

– Она плохо пахнет, и она скользкая. Ее вылавливают в дурной воде. А еще вся эта чешуя, плавники и прочее. Просто отвратительно. Нет уж, спасибо.

Мужчина смеется, явно забавляясь моим отвращением к рыбе.

– Ты когда-нибудь ходила на рыбалку?

Размышляю над этим, потому что мне кажется, что я ходила с отцом на рыбалку, когда была маленькой, но не помню точно.

– Я не знаю. Может быть.

Он наклоняет голову набок, должно быть, смутившись моим ответом.

– Я люблю рыбалку. Правда, не был на ней пару лет. Но как только я узнал, что переезжаю на пляж, то сразу подумал о глубоководной рыбалке. Хочешь со мной?

Прищуриваюсь и говорю ему:

– Ты не сделаешь этого снова.

– Что?

– Снова заставишь обманом пойти на свидание.

– Кто еще кого обманывает?

Я ведь и правда обманула его, притащив в этот дорогой ресторан.

– Да, упс... Но серьезно, никаких свиданий.

– Значит, это не будет свиданием.

– Может, тогда нам следует установить правила?

– Правила? – улыбается Эверет, – для чего?

Я чувствую себя нелепо, когда упоминаю правила, но думаю, что это хорошая идея. В нашем случае это умная мысль. Сейчас у нас есть границы, которые можно пересечь. Но если мы продолжим так же беззаботно болтать и наслаждаться обществом друг друга, то нам вместе станет слишком комфортно, и эта линия окажется размытой. Это нужно для нашей защиты. Он даже не представляет, кто я, откуда пришла и кем стала. Он не смирится с тем, как я зарабатываю себе на жизнь. Что еще более важно – я не хочу с ним ничего подобного. Только дружба. Нам

хорошо там, где мы сейчас.

– Для этого. Для совместных тусовок, – поясняю я, – что-то вроде... не гулять вместе больше одного раза в неделю. Не обмениваться телефонными номерами, не писать смс. Не преследовать друг друга в социальных сетях. Просто видеться. И при встречах не задавать слишком много вопросов. Мы просто... знакомые, которые тусуются вместе не больше одного раза в неделю. По рукам?

Официантка приносит квитанцию для Эверета вместе с контейнером, прерывая наш разговор. Эверет берет квитанцию из черной папки, быстро подписывает и оставляет больше чаевых, чем я ожидала. Плюс он платит за нашу еду, цена за которую составила семьдесят долларов.

– Может, пополам? – спрашиваю я, интересуясь, не хочет ли он, чтобы я заплатила хотя бы часть от своей доли.

Мужчина смотрит на меня, не слишком довольный тем, что я предложила.

– Друг или нет, я не позволю женщине платить за ужин, тем более, когда я сам ее пригласил. Можешь называть меня старомодным, но я никогда не позволю тебе платить за еду, когда мы будем гулять.

Это почти заставляет меня бросить в него деньги и умолять позволить мне заплатить за свою долю, но я лишь принимаю его щедрость.

– Ну, тогда, спасибо. За ужин.

– Спасибо, что согласилась прийти, – добавляет он, – а теперь о правилах...

Мы сгребаем содержимое тарелок в коробки, которые нам дали, и он продолжает:

– Меня нет на «Facebook» или «Tinder» (*прим.: сайт знакомств*), также я не люблю писать смс, так что это подходит. Что касается времяпровождения. Что если наши графики не совпадут, и нам придется тусоваться вместе два раза в неделю. Каковым будет наказание?

Я слышу насмешку в его голосе, что заставляет меня закатить глаза.

– Твое наказание – не видеть меня в течение месяца.

– А каким будет твое наказание?

Я думаю над этим с минуту.

– В течение месяца у меня не будет друга, с которым я могла бы тусоваться.

Эверет хихикает, а потом кивает, закрепляя наш договор.

– По рукам. Наша дружба будет распространяться на один день в неделю, не более. Что-то новенькое для меня. Дружба с правилами и ограничениями.

– Это безопасно, – говорю я ему и сразу же ненавижу свой рот в тот момент, когда он открывается.

Его улыбка становится шире. Эверет знает, что для меня это сложнее, чем должно быть. Черт его побери!

Когда мы подъезжаем к дому, я не хочу вылезать из пикапа. Уверена, что в жизни не ела столько, как в этот вечер.

– Еще раз спасибо за ужин, – говорю я ему, открывая дверь.

Вместе мы идем в направлении дома. У входа Эверет пропускает меня вперед.

– Без проблем, – отвечает он, когда я прохожу мимо, – надеюсь, тебе все понравилось.

– Все было чудесно.

Я улыбаюсь ему, а он, в свою очередь, демонстрирует одну из своих обворожительных улыбок, показывая ямочку, которую я раньше не замечала. Не знаю, кто он, но этот парень определенно отличается от всех остальных, с которыми я знакома. Он такой надежный, заботливый, дружелюбный... и у меня определенно не должно быть подобных мыслей в голове.

– Бренна?

– М... да? – я даже не замечаю, что он говорит мне. Я полностью теряюсь в его очаровании, что наталкивает меня на мысль о том, чтобы ужесточить наши правила. Мне нужно пойти наверх и избавиться от этого ощущения. Может, следует попросить у Кэнди парочку лишних клиентов, чтобы вернуться в реальность. Пройтись по магазинам или отправиться в небольшую поездку. Любая вещь, которая сотрет всякую мысль об Эверете и его привлекательности.

Улыбаясь, он повторяет:

– Я спросил... какой день на следующей неделе ты сможешь освободить, чтобы порыбачить со мной.

– Погоди, ты все еще хочешь пойти на рыбалку?

Я вижу, как Эверет задает этот вопрос самому себе, но все равно пытается ответить с уверенностью:

– Ну... да.

Я раздражительно фыркаю:

– Мне же не придется дотрагиваться до рыбы или есть ее, верно?

– Нет, – веселье в его голосе заставляет трепетать ту часть моего тела, которой не следовало бы это делать, – я бы не решился заставить тебя совершить что-то подобное.

Игнорирую сарказм в его голосе и понимаю, что смогу это сделать.

Все будет хорошо! Я прекрасно провела вечер. Он не был настойчивым, не задавал вопросы, на которые я не могла дать ответ, и мы не пересекли проведенную линию. Я киваю в ответ:

– Тогда, да. Было бы неплохо.

Глава 8

Эверет

Я знаком со многими девушками, но ни одна из них не похожа на Бренну. Она загадочная, дерзкая, веселая и независимая. Все в ней привлекает меня, и я понимаю, что хочу гораздо большего, чем дружба с ней. И хотя этого, скорее всего, никогда не случится, я, честно, не встречал еще такого человека, которого бы окружали настолько толстые бетонные стены, как ее.

Как человек своей профессии я знаю, что это неизменно является отпечатком чего-то плохого в ее прошлом. Чего-то более ужасного, чем простой разрыв. Возможно, ее прошлые отношения строились на насилии. Это бы объяснило, почему она не назвала свою фамилию и не захотела, чтобы я нашел ее в интернете, также ей стало некомфортно, когда я угадал ее штат – Бренна не захотела говорить название ее города. И это было только каплей в океане ее противоречий.

Мне противна мысль, что какой-то бесчестный человек прикасался к ней своими грязными руками. И если я когда-нибудь найду того сукиного сына, который вызвал у нее такой страх при одном только упоминании об отношениях, клянусь, что заставлю его жизнь висеть на волоске, а он будет умолять меня оставить его в покое. Я заставлю его испытывать страх каждую минуту. Ни один гребаный мудака не имеет права так дотрагиваться до женщин.

Мое тело дрожит при этой мысли. Я даже не знаю, что случилось с Бренной на самом деле, это всего лишь один из возможных вариантов. Именно поэтому я не стал допытываться. Немного намеков, парочка случайных вопросов – и, в конце концов, я выясню это.

Я всегда мог пойти на работу и потянуть за нужные ниточки, чтобы выяснить, откуда она взялась. Кто она такая. Все публичные данные, даже немного личной информации. Но я не буду этого делать. Хочу дать ей шанс все самой мне рассказать. Хочу, чтобы со временем она открылась мне, доверилась, как другу... а, может, и кому-то большему, чем просто друг.

– Бл*ть, – шепчу я, но никто не слышит, кроме пустых стен моей

скучной квартиры. Я должен прекратить так переживать из-за Бренны.

Но это не так просто. Не с тем, как она была одета сегодня, да и вообще каждый раз, когда я ее вижу. Невесомые ночные рубашки, которые показывают ее напряженные соски даже через ткань, или крохотное бикини, которое оставляет так мало места для воображения, и узкие джинсы, благодаря которым видно, что она определенно качает свою попку. Бл*ть! Я возбуждаюсь.

Я включаю воду в душе, убедившись, что она холодная, как лед. Залезаю в кабинку прямо в одежде. Я должен смириться с реальностью, где мне нужно отвалить от этой девушки. По крайней мере, пока.

***

– Ну, что у тебя? – спрашивает мой новый напарник, Джефф Гунтер, усаживаясь в кресло напротив моего стола.

Он бросает свою потрепанную ковбойскую шляпу на кипу бумаг. К сожалению, у меня не так много полезной информации. Не прошло еще и недели после моей встречи с Джинджер – Кэнди, а это значит, что с Моной, первой проституткой, я встречусь не раньше следующей среды. И это то, что он уже знает. Как бы то ни было, мне пришлось задать пару вопросов людям из списка ее старых клиентов. Из почти ста семидесяти я опросил лишь пять. Джефф встретился с двумя, но собирается это исправить, так как я – единственный агент под прикрытием, и мы не хотим, чтобы меня застали с одним из старых клиентов.

– Не так уж много, приятель. Еще копаюсь. Я услышал несколько причин, почему они обращались к шлюхам, и основная – жены больше не подпускают к себе своих мужей. Думаю, все это бред, пусть они сами разбираются в своем грязном белье. К тому же, все они придумали одни и те же факты: что девушки сексуальные, молодые, но совершеннолетние, что их познакомила Кэнди. Никто не может описать девушек, не затрагивая размер их бюста или то, как руками крепко держат их за задницы. Все это туфта. Они говорят, как озабоченные подростки.

Джефф откидывается на спинку стула и смеется:

– Мы все всё еще подростки. Мой отец сказал мне, что женщины похожи на романы. Им нужна завязка, сюжет, причина, чтобы наполниться желанием. Мы думаем, что они сложные, когда на самом деле все наоборот. Они принимают решения головой и сердцем. А мужчины... – он снова издает смешок, – у нас две головы, и зачастую мы думаем не той, что надо.

– Даже если и так, как кто-то может взять свои с трудом заработанные

деньги и спустить их на проститутку? Она знает, как вести себя в спальне, но ее использовало так много людей, и я не могу представить, чтобы подобное доставляло удовольствие. К тому же, ты должен вернуться домой к своей жене, и возможно, даже к детям после всего этого. Как ты сможешь смотреть этим людям в глаза и думать, что с тобой все в порядке? Я могу понять желание секса, но что же будет после?

Он пожимает плечами:

– А почему люди делают то, что делают? Например, идут в школу и начинают обстрел, пытаются животных, бросают своих детей или принимают наркотики? Все дело в ощущениях, увлечениях и пристрастиях. Знаешь, людям нравятся запрещенные вещи. Согласен, не всем, но большинству. И когда они обращаются к проституткам, эскортам или любовницам (не говорю за себя, я всегда был верен моей старой леди), это не значит, что их любовь к своей второй половинке или семье не имеет для них значения. Иногда мужчины стесняются своих желаний, не хотят, чтобы жены знали о тех вещах, которые доставляют их мужьям удовольствие. Может, они просто не хотят душировать свою новобрачную, но это не проблема для случайной девушки, которая еще и умоляет о большем. У них есть свое мнение, и это уже не наша работа. Мы просто должны закончить эту операцию.

– Я знаю, что когда придет мой черед жениться, я никогда не заплачу кому-то за то, что может сделать для меня моя жена. Я не буду всем сердцем верить ей, если мне будет стыдно сказать о своих фантазиях. Если мне будут нужны острые ощущения, я схожу на скайдайвинг.

– Ты из хороших парней, Берк, – говорит он мне.

И эти слова заставляют почувствовать себя высотой в три дюйма (*прим. переводчика: 7,62см*) вместо шести футов (*прим. переводчика: 1,82м*). Не факт, что Джефф считает меня хорошим парнем, но я должен оспорить его слова о так называемых мужчинах и о том, что они делают за спинами членов своей семьи. Более девяноста процентов из них состоят в браке; мне это известно, исходя из цифр в документах. Кроме трех, тем, кто не связан узами брака, больше пятидесяти пяти. Именно в поступке этих людей я вижу хоть какой-то смысл – в конце концов, они одиноки. Но в любом случае я не желаю видеть, как кто-то злоупотребляет влагищами, запихивая в них свой член. Это претит мне.

– Как бы то ни было, – возвращаясь к нашей первоначальной теме, – я все еще работаю над этим, но уверен, что у меня для тебя будет больше информации к следующей среде.

– Надеюсь. Мона, верно? – он подмигивает мне, вставая и хватая свою

шляпу. – Я бы посоветовал тебе узнать ее настоящее имя. У нас нет этой информации. Мы знаем, что есть Мона, Чесити (*прим. переводчика: Chasity – невинность, англ.*), Хани (*прим. переводчика: Honey – мед, сладость*), Белла, и, конечно же, наша сладенькая Кэнди. У тебя есть план насчет того, о чем вы будете говорить?

Я закатываю глаза:

– Я планировал быть немного под мухой, так бы мне точно удалось разыграть свою якобы сломленность и рыдать, как маленькая сучка.

Напарник безудержно смеется:

– Вероятно, ты будешь в списке самых хороших парней, с которыми она когда-либо имела дело, – Джефф стучит кулаком по моему столу, прежде чем уйти, и мне приходится остановить его до того, как он отойдет слишком далеко.

– Хей, знаешь какие-нибудь хорошие места для рыбалки?

Он думает мгновение. Но прежде чем Гунтеру удастся что-то сказать, другой детектив выглядывает из-за угла:

– Позвони в «Крест Чартерс» (*прим. переводчика: компания, предоставляющая услуги глубоководной рыбалки и морских прогулок*), спроси о плавании в Риф и Затонувший корабль (*прим. переводчика: самая крупная сеть коралловых рифов в континентальной части США*). Там просто удивительно. Это примерно в сорока минутах езды отсюда, но оно того точно стоит. Я дам тебе номер, если нужно.

Я не могу вспомнить имя детектива, но благодарю его за эту информацию. Джефф качает головой в изумлении:

– Планируешь взять Мону на рыбалку или убить ее и выкинуть тело в море?

– У меня есть подруга, которая живет в том же доме, что и я, и она никогда не была на рыбалке. По крайней мере, не помнит, что была. Я хотел бы показать ей это.

– Простое свидание, ничего интересного, – он смеется, пока идет по коридору.

Выполняя нашу работу, он всегда остается приземленным парнем и, видимо, рад этому. Исходя из его возраста, я воздаю ему должное за то, что он продолжает сохранять улыбку на своем лице, несмотря на то, что сейчас услышал. У меня нет времени, чтобы исправить его: это – не свидание, но если быть честным с самим собой, я и не хочу этого делать. Возможно, я смогу найти еще какое-нибудь интересное занятие для нас до или после поездки в зависимости от того, как долго она будет длиться.

Спустя несколько часов, проведенных за работой с бумажками, я

чувствую, как приближается головная боль. Возможно, это из-за жужжащего звука, который издают лампы, или из-за того, что каждый пункт мне приходится перечитывать заново, ведь я все еще, мать ее, думаю о Бренне. Даже описание одной из девушек Кэнди похоже на Бренну. В этот момент мне приходится протереть глаза и отложить бумаги в сторону. Мои мысли возвращаются к ней во всех странных ситуациях и по непонятным мне причинам. Я должен прекратить издеваться над собой. Она недоступна, по крайней мере, пока, а у меня есть работа, которую я должен сделать.

Кто-то стучит в мою дверь, прежде чем через секунду открыть ее. Шериф просовывает свою голову, и я улыбаюсь, когда вижу на его ухоженных усах немного горчицы.

– Есть минутка? – спрашивает он.

– Конечно, – хрустя пальцами, я встаю, чтобы обойти свой стол и радуюсь, что отвлекаюсь от этих бумажек. Возможно, у него есть что-то, что поднимет мне настроение, или хотя бы не будет таким расстраивающим.

Войдя, он сует мне в руки папку, полную еще большим количеством макулатуры. Еле сдерживаю свой стон, надеясь, что это не имеет ничего общего с моим делом, и я смогу со спокойной душой отправиться домой.

– Ничего серьезного, – начинает он объясняться. Я переворачиваю первую страницу и вижу чей-то снимок и подпись к нему. – Это самые последние сообщения из ордера. Знаю, ты не патрульный офицер, но мне нужно, чтобы ты на следующих выходных двинул в Тампу (*прим. переводчика: город в штате Флорида*). Эти мужчины находятся везде от округа Эскамбия до Хиллсборо. Если увидишь кого-то из этих парней, шли ко мне, хорошо? У Джеффа тоже есть копии. Обычно я такого не делаю, но этих ребят разыскивают больше, чем по гражданским делам.

В моей голове вертятся разные мысли.

– Почему я отправляюсь в Тампу? – не говорю того, что это время, когда я собирался пойти с Бренной на рыбалку. Я не знаю ее расписания, но предполагаю, что именно выходные – время, которое она выделит для меня.

– Похоже, у Кэнди там есть друг, а еще лучше – конкурент. После того, как раскрылся список клиентов, несколько ее девушек ушли туда, и я хочу, чтобы Джефф их допросил, а ты сделал снимки и несколько заметок. Больше информации я дам тебе чуть позже на этой неделе.

– Звучит отлично, сэр, – говорю я. Даже несмотря на то, что сильно разочарован.

– Ты можешь взять папку домой. Не нужно беспокоиться об этом в данный момент, – он кивает мне и выходит за дверь.

***

Едва переступаю порог своей квартиры и даже не успеваю снять ботинки, как звонит Эмили. Я определенно скучаю по разговорам со своей маленькой сестренкой.

– Как дела? – отвечаю я на звонок.

– Я хотела спросить то же самое, – ее голос звучит торжествующе. – У меня все хорошо. Была на ультразвуке, а в следующем месяце будет 3D УЗИ, и это одновременно и захватывает, и портит мои нервы. Не уверена, что готова увидеть его лицо. Думаю, что хочу удивиться, когда он родится, – ее понесло. – Как ты? Уже заселился?

Я слышу рев двигателя, а это значит, что она, скорее всего, только что ушла от врача. Я счастлив сознавать, что она захотела поделиться со мной новостями вот так сразу, но это также оставляет и некий осадок – я не с ней в этот момент. Или мои родители. Я знаю, что она хотела бы, чтобы мама была рядом и помогла ей с детской и объяснила, как стать родителем в первый раз. В любом случае, в детстве у нас были прекрасные образцы для подражания, так что я знаю, что она станет прекрасной мамой – даже не сомневаюсь в этом.

Держа телефон между плечом и ухом, начинаю расшнуровывать свои ботинки.

– Неплохо. Работа хорошая, и я заселился в гораздо большую квартиру, чем рассчитывал. Мне она нравится, но квартира просто огромная. И пустая. Не уверен, где должен все разложить. Я все еще не распаковал половину коробок.

– Ну, для тебя есть хорошие новости. На самом деле, это единственная причина, по которой я звоню.

Эмили замолкает, и я понимаю, что она хочет, чтобы я что-то предположил.

– Ты... переезжаешь сюда? – не уверен, что может быть еще более обнадеживающим.

Я слышу, как прерывается ее дыхание, а это значит, что она хотела бы, чтобы это было правдой.

– Нет, к сожалению. Себастьян сказал, что это несправедливо по отношению к его родителям, и он подумает об этом. Так что, может, лишь через пару лет, если ты все еще будешь там. Как бы то ни было, у меня появилось свободное от работы время, так что я навещу тебя на

предстоящей неделе! – ее голос поднимается на октаву из-за волнения. – А это значит, что я помогу тебе обустроить твою квартиру.

– Себастьян едет с тобой, да? – спрашиваю я.

– Нет. Он не может забросить работу.

– Но ты не можешь ехать сюда одна! – прямо сейчас я говорю, как отец, но она же беременна. Это опасно как для ребенка, так и для нее.

Сестра тихонько хихикает на другом конце провода:

– Хорошо, папочка, – говорит она, – я полечу самолетом, это хорошее решение. Себастьян проводит меня до аэропорта, а ты встретишь, когда я приземлюсь, и все будет превосходно. Не беспокойся обо мне.

– Беременные могут летать на самолетах?

– Ты серьезно? Знаешь, сколько беременных совершают перелеты? – Эмили находит мою заботу о ней смешной.

– Да, я серьезно. А если живот лопнет, или что-то с давлением? Хорошо, это похоже на комментарий отца, и, возможно, даже и не близко к возможному развитию событий. Я просто хочу быть уверен, что летать для тебя безопасно.

– Серьезно? – в мое ухо врывается звук ее громкого смеха. Мне приходится на мгновение отстранить телефон от уха. – Нет, мой живот не лопнет, идиот. Есть небольшой шанс образования тромба из-за высоты и другие незначительные вещи, но это вряд ли произойдет. Мне нельзя употреблять соль и надо стараться пить много воды и вставать, чтобы прогуляться по салону раз или два. Это все. Я уже обсуждала это со своим доктором, и она сказала, что нет абсолютно никаких причин для беспокойства. Это не навредит мне или ребенку. До сих пор во время беременности я чувствовала себя прекрасно.

Меня успокаивает то, что она спросила своего врача, хотя мысль о том, что у нее может возникнуть сгусток крови во время беременности, пугает. Я знаю, что она не стала бы рисковать жизнью своего ребенка, чтобы просто навестить меня. Я позволяю принять мысль, что скоро увижу ее.

– Скажи, когда и где, и я буду там. Разве что не в эти выходные, мне нужно будет отправиться в Тампу.

– Тампа! – визжит она. – Мне завидно. Я тоже хочу увидеть Тампу.

– Там слишком жарко в это время года.

– Единственное место, где действительно жарко – это Ад. Даже если так, веселье там того стоит. Ты просто нытик.

– А ты чересчур оптимистична.

– Ты идиот, – слышится ее невозмутимый тон. Наш стеб заставляет

скучать по ней еще больше. Ненавижу быть вдалеке от моей сестры – единственной постоянной вещи в моей жизни. – Ну, я только что подъехала к дому, так что оставляю тебя и дальше занудничать. Позвоню завтра и скажу все детали и время.

– Звучит шикарно, Эм. Поцелуй ребенка от меня.

– Сейчас это совершенно невозможно, но Себастьян может попытаться.

С небольшим смешком я прощаюсь и вешаю трубку, а потом бросаю взгляд на свою пустую квартиру. Не прошло и недели, как я видел Бренну, но мне хочется навестить ее. Ее глупые правила не делают ничего, кроме как сводят меня с ума, блокируя все остальные мысли.

Может, мне нужно что-то придумать? Причину, позволившую мне подняться и поздороваться. Может, следует сказать, что мне нужен сахар? Ох, нет, я не могу сделать этого, потому что уже гипотетически сказал ей, что однажды могу обратиться за этим. Может, мне следует сказать, что нужно мыло для стирки? Дерьмо, я даже не знаю, как стирать. Когда-то это делала моя мама, а после ее смерти это делала Эмили. Думаю, вы скажите, что я избалован.

И в этот момент я почти вижу, как над головой загорается лампочка. Я могу попросить ее постирать мои вещи. Подождите, это наглость. Я не могу сделать это. Я могу попросить ее показать мне, как это делается. Технически это же не выходит за рамки, верно?

Зайдя в комнату, я беру небольшую корзину для белья. Она неполная. Я снимаю одежду, в которой был на работе, бросаю ее в корзину и, оставшись в одних плавках, осматриваюсь в поисках более удобного прикида.

Мне следовало бы сказать, что я случайно нашел свои треники, но, если честно, пришлось перерыть три коробки, чтобы найти их. Я бы не стал нарочно надевать их, особенно в девятнадцать градусов, но это все-таки день стирки, день случайной стирки и, если быть уж до конца откровенным, такие штаны делают мой член гораздо менее заметным, чем любые джинсы.

Пока оставляю белье здесь на случай, если Бренны нет дома, и направляюсь к лифту. У меня не должно быть таких чувств при мысли о встрече с ней. Поездка до шестого этажа кажется мне вечностью, и все это время я чувствую себя настоящей школьницей, желая увидеть лицо Бренны.

Какой же я жалкий!

Двери лифта раскрываются, и я клянусь, что холл выглядит в два раза длиннее, чем обычно. Я подхожу к ее двери и стучу, жду... и жду... и жду еще немного. Я стучу еще три раза и понимаю, что ее либо нет дома, либо

она игнорирует меня. Так что я направляюсь обратно по коридору, разочарованный тем, что так и не увидел ее.

Должно быть, лифт кто-то вызвал, потому что понадобилось какое-то время, чтобы он снова поднялся на этаж. Когда его двери открываются, я не могу в него зайти. Я прирастаю к месту. Сначала я готов прыгать от радости, когда вижу длинные черные волосы, обрамляющие ее прекрасное лицо. Не говоря уже об этих светлых, зеленых глазах, которые являются мне каждый раз, когда я закрываю свои. Но в тот момент, когда я вижу ее лицо, все во мне закипает от злобы и ярости.

Глава 9

Бренна

– У тебя новый клиент! – Кэнди, кажется, слишком взволнована новостями.

Хотя, нужно признать, я рада слышать о том, что бизнес не особо пострадал.

Я беспокоилась о том, что потеряла старых клиентов, о чем Кэнди объявила нам на прошлой неделе. Но что еще более ужасало, так это то, что, помимо Уинстона, я не получала никаких новых.

– Господи, спасибо, – говорю я, кладя свою сумочку.

Я должна сделать сегодня бразильскую эпиляцию, и Кэнди предлагает пойти со мной, так что мы можем поговорить о бизнесе.

– И когда я с ним встречусь?

– Через пару часов. Ты должна подписать договор до того, как встретишься с ним.

Это значит, что он либо политик, либо известен, либо слишком самонадеян.

– У тебя есть бланки?

– Да, они в машине.

Кэнди ложится обратно на стол, пока мы ждем косметолога, и накрывает себя большой голубой тканевой салфеткой. Я обнажаюсь снизу до талии и ложусь на соседний стол. Смотрю на Кэнди, когда мы обе прикрыты и готовы:

– Кто он?

– Мистер Бельведер.

– Как... отель «Бельведер»?

– Именно.

Дверь открывается, и входят две женщины. Это косметологи для каждой из нас. Они садятся у наших ног, подготавливают воск и все остальные инструменты. Мы не можем говорить о работе при посторонних, так что не теряем времени и стараемся расслабиться, насколько это возможно перед пытками, что нас ожидают.

Поскольку мы обе постоянные клиентки, нас не спрашивают о процессе, как это было в первый раз. Вместо этого я просто лежу на спине и слушаю, как разъединяют восковые полоски. Я стискиваю свои зубы, потому что неважно, сколько раз мне делали такую эпиляцию – боль меньше не становится.

После завершения процедуры и ее оплаты я встречаюсь с Кэнди снаружи в ее «РенджРовере». Она открывает бардачок и достает оттуда разные бумаги, вручая мне папку, содержащую контракт и документы о неразглашении. Листая ее, я понимаю, что мой клиент относится типу парней – любителей бондажа.

– Ну не знаю, Кэнди. Связывание?

– Я сказала, что это не твое, но Хани сейчас недоступна.

Мы обе знаем, что остальные девочки не клюнут на это. Это может выглядеть как веселье и игра в порно, звучать эротично в «Пятидесяти Оттенках» (*прим. переводчика: имеется в виду эротический роман Э.Л. Джеймс «50 оттенков серого»*), но связывание – не так просто, как кажется. Особенно с незнакомцем.

Вздохнув, я откидываюсь на сиденье и пытаюсь решить, стоит ли это того? Вполне возможно, что он мультимиллиардер. А также женат и имеет троих детей. Он многое поставит на карту, если пересечет черту.

– Прекрасно, – говорю я спустя мгновение, – он планирует стать постоянным клиентом?

– Я пока не уверена, – она жметя. Кэнди хочет, чтобы он им стал – из-за денег, я уверена, – он сказал, это зависит от того, как ты удовлетворишь его. Он хочет встретиться в своем отеле в Дестине (*прим. переводчика: город в штате Флорида*). Ты должна одеться подобающе, не в плане девушки из эскорта. Подойдет что-то более бизнес-кэжуал. На стойке скажешь, что твое имя Сьюзан, и ты из компании. Тебя проводят в его кабинет, а потом оттуда прямо к нему. Он обязан заплатить одиннадцать тысяч вперед.

– погоди, – прерываю я ее, – одиннадцать? Но это...

– Знаю, – говорит она, – наибольшая сумма, что ты когда-либо получала. Черт, я же всего дважды ее зависила.

Даже если он и любитель связываний, я с радостью сделаю это ради

такой суммы денег.

– Здесь все условия и оговорки. Прочитай их, прежде чем встретиться с ним. Поняла?

– Абсолютно, – я кладу листы на колени и быстро достаю нужные, сначала подписывая его экземпляры контракта и договора о неразглашении, а потом наши, прежде чем отдать их обратно Кэнди.

Она читает их, а потом снова засовывает в свой бардачок:

– Позвони, когда закончишь.

– Обязательно. Спасибо, Кэнди.

Покинув ее автомобиль, я машу Кэнди и направляюсь к своему. Погода сегодня ужасно жаркая, и я рада, что моя машина без крыши – серебристая BMW-6, полностью оплаченная. Я направляюсь домой, наслаждаясь ветром, играющим в моих волосах.

Прочитав о мистере Бельведере, я не должна удивляться тому, что буду полностью в его власти. В конце концов, он платит одиннадцать тысяч за один час со мной. Хотя его запросы и странные. Никаких стрингов, кружевных бюстгалтеров, ничего красного, каблуки не менее четырех дюймов (*прим. переводчика: примерно 10 с небольшим сантиметров*), волосы должны быть распущены и слегка завиты, никакого необычного пирсинга. Список все не заканчивается и не заканчивается, но у меня есть четыре часа, прежде чем я должна уехать, и это позволяет мне дважды пройти по каждому пункту и понять, что я ему не подхожу.

Я раньше видела его в журналах, в основном с семьей. Он не выглядит как плохой человек, и он достаточно молод для того, что имеет. Возможно, ему около сорока пяти. Он ниже остальных среднестатистических мужчин, и я могу предположить по его животу, что он любитель пива. Не могу представить, что с ним будет все слишком уж плохо, даже боясь некоторых возможностей.

Дестин в часе езды отсюда, иногда больше из-за пробок, так что у меня достаточно времени. Я не поднимаю крышу автомобиля, чтобы не испортить прическу, но мне нужно взбодриться, так что я подключаю свой айпод к адаптеру, выбираю лучший плейлист и слушаю музыку через колонки. Это скрашивает дорогу туда, поэтому я фокусирую свое внимание на других вещах. Мои мысли пробегаются по путанице с Эверетом, спором с Хиллари и медленным продвижением работы. Я рада, что могу подпевать старой доброй Кристине Агилера и другой веселой поп-музыке.

Я добираюсь до отеля за несколько минут до назначенного времени. Проверив в зеркале макияж и поправив помаду, хватаюсь за кошелек и телефон, а потом направляюсь в помещение. Администратор – тощая

блондинка, которая даже не улыбается, когда я подхожу.

– Сколько? – спрашивает она.

– На самом деле, я ищу мистера Бельведера.

Ее глаза бегло осматривают меня сверху вниз, она довольна ответом. Возможно, ей повезло, что я не из корпоративных, потому что я могу гарантировать – никто с таким отношением не стал бы работать на меня.

– И вы?..

– Сьюзан. Я из компании.

Она немного расширяет свои глаза, вероятно, в ее голове появляется та же мысль, что и у меня мгновение назад – «ей не следует здесь работать». Хотя она и не извиняется, что очень раздражает. Я должна привыкнуть к высокомерию и косым взглядам, когда заселяюсь в отель, в основном потому, что популярна в некоторых из них. Персонал знает, зачем я здесь, но что-то в этой девушке меня смущает.

Девушка снимает трубку и просит кого-то по имени Карлос прийти к столу регистрации.

– Один момент, – говорит она мне перед тем, как уйти.

Возможно, она знает, что я на самом деле не из компании. Возможно, я что-то напутала.

– Сьюзан?

Я поворачиваюсь на голос. Старик, который, скорее всего, уже должен быть на пенсии, стоит рядом со мной и улыбается.

– Да, это я.

– Для меня удовольствие встретиться с вами, – он протягивает мне свою руку для рукопожатия.

– Взаимно.

– Следуйте за мной, и мы пройдем в кабинет к мистеру Бельведеру.

Я иду сзади Карлоса через вестибюль мимо лифтов прямо к деревянным французским дверям. Он дважды стучит, прежде чем открыть дверь и отступить в сторону.

– Спасибо, – говорю я ему.

Кивнув головой, он поворачивается и уходит.

– Закрой дверь, – доносится до меня приказ.

Я делаю, что мне сказано. Обернувшись, я вижу мистера Бельведера, одетого в дорогой черный костюм. Он останавливает взгляд на моей одежде:

– Ты красивее, чем на фотографии.

И хотя я не вижу и намека на улыбку, принимаю это за комплимент.

– Спасибо, – отвечаю я.

Подойдя ближе, он продолжает разглядывать меня сверху вниз, пытаюсь убедиться, что я соответствую его стандартам. Его пальцы пробегают по моей заднице, а потом он заставляет меня развернуться.

– Я не могу пригласить тебя в одну из моих комнат. Там везде камеры, и кто-то может увидеть. Я также не могу встречаться с тобой в других отелях, потому что люди меня узнают. Нам нужно делать это в моем офисе.

– Для меня это приемлемо.

Он подходит к своему столу и открывает ящик, вытаскивая конверт.

– Это твое. Можешь пересчитать, если хочешь, – он швыряет его на стол и ждет.

Я подхожу, беру конверт и открываю его. Он забит стодолларовыми купюрами. Я прячу его в свою сумочку и оставляю ее на столе.

– Софа, – указывает он.

Не уверена, хочет ли он, чтобы я легла на нее, так что я сажусь и скрещиваю свои ноги, но он требует большего. Уверена, он из тех людей, кому нужен полный контроль. Это я выяснила, когда читала его список.

Открыв другой ящик своего стола, мужчина достает оттуда несколько игрушек, включая плетку и изоленту. Мои ладони потеют, зная, что, скорее всего, будет больно, но это стоит каждого цента в моем кошельке.

– Нравится быть связанной? – спрашивает мистер Бельведер, разглядывая меня и удерживая какой-то странный предмет в своей руке.

До этого момента я не позволяла использовать на себе чужие игрушки. Конечно, каждый клиент, с которым я трахаюсь, должен быть проверен на различные отклонения, так что я знаю – он чист, но мне неизвестно, использовали ли эти игрушки на ком-нибудь другом. Всем, кто подписывал договор с Кэнди, говорили об этом. Но по какой-то причине, когда я вижу, как он вытаскивает все эти вещи, меня терзают сомнения, что он не слишком заботится о правилах и инструкциях.

Мой живот скручивает при мысли о том, что произойдет. У меня странное чувство, как будто должно произойти то, чего я не ожидаю. Интуиция подсказывает, что деньги могут не стоить этого. Наверно, сейчас уже поздно отказываться. Я должна быть терпеливой ради Кэнди. Я и раньше ошибалась в людях, мистер Бельведер не стал исключением.

Я пожимаю плечами, поигрывая с ним:

– Пробовала парочку вещей.

– И какая твоя любимая? – спрашивает он, вставая и подходя ко мне с изолентой в руках.

Когда дело доходит до таких вопросов, часть моей работы – думать быстро. Несмотря на то, что мне страшно, я говорю:

– В целом, мне нравятся ролевые игры, люблю ожидать того, что грядет. Если же ты спрашиваешь о подчинении, то мне нравится получать приказы от моего... мастера.

Я стараюсь сказать слово «мастер» как можно мягче, чтобы он знал, что я буду покорной.

Кажется, это работает, потому что я вижу, как мужчина облизывает свою губу.

– Разденься для меня. И сделай это медленно. По-настоящему медленно.

Встав перед ним, я снимаю свои вещи по одной, надеясь, что для него это достаточно медленно. И когда приходит время снять нижнее белье, он стонет.

– Станцуй для меня, – просит он.

Ради таких ситуаций я брала уроки стриптиза вместе с Моной. Мои движения не очень согласованы, но я стараюсь. В любом случае, не думаю, что его сильно уж заботят танцевальные движения, он просто хочет посмотреть на мое покачивающееся напротив него тело.

Он почти пугает меня, когда громко приказывает:

– Встань на свои гребаные колени, шлюха.

Я делаю, что велено. Он стоит прямо передо мной, освободившись от своих трусов и брюк, оставив их болтаться на лодыжках.

– А сейчас соси мой член. Я хочу, чтобы ты держала свои руки на моей заднице. Тебе нельзя останавливаться до тех пор, пока я тебе не прикажу. Ты поняла меня?

– Да, сэр, – отвечаю я.

Когда мой рот начинает ласкать его совсем невнушительный член, он сжимает мои волосы и в основном сам делает мою работу. Из его стонущего рта временами вырываются оскорбительные слова, такие как «шлюха», «сучка». Он даже называет меня грязной пи*дой. Не знаю, сколько проходит времени, наверняка больше, чем я ожидала, но Бельведер начинает проталкивать свой член еще дальше в мою глотку, и если бы он был больше, я бы наверняка подавилась.

– Я собираюсь кончить в твой рот, драная сука, но тебе лучше не глотать. Ты меня слышишь?

Я киваю ему, неспособная ответить другим способом. Это уже перебор, но я думаю о тех деньгах, что лежат на его столе, и понимаю, что смогу сделать то, что он просит. Ну, в данном случае, приказывает.

Мужчина слишком крепко сжимает мои волосы, я чувствую сильную боль и невольно стискиваю зубы. И это заставляет меня случайно провести

зубами по его эрекции. Он опускает свою руку вниз и сильно ударяет меня по лбу, заставляя упасть обратно на пол. Клиент смотрит на меня, возмущенный моим поступком. Я незамедлительно начинаю извиняться:

– Извините, мистер Бельведер. Я не хотела.

– Ты, бл*дь, смеешься надо мной? – шипит он сквозь зубы, – ты, мать твою, шлюха, тебе нужно знать, как сосать гребаный член.

– Я знаю. Я сделаю это для вас, – я знаю, что это может стоить Кэнди клиента, а возможно, и моих денег, что он заплатил.

Мужчина скалится, наслаждаясь моей мольбой.

– Да? – его голос глубокий, не потерявший своего требовательного тона, – встань на четвереньки, прямо сейчас.

Быстро развернувшись, я встаю так, как он приказал.

– Не двигайся! – кричит он.

Я не двигаюсь и не говорю ни слова. Он смотрит на меня пару минут, а потом очень сильно стягивает мои ноги изолентой. Затем я чувствую что-то вроде веревки на своих бедрах, но не смотрю. Мои мысли подтверждаются, когда он опускается на колени рядом со мной и оборачивает веревку вокруг моих запястий, тем самым связав их с ногами. Из-за этой ситуации я не чувствую себя хорошо, особенно после того, как он был так неосторожен с моими волосами, но он не бьет меня, так что я молчу. Он отрывает еще один кусок изоленты, заклеивая им мой рот. Ненавижу, что меня оставили без стоп-слова, которое должно было быть обязательным условием для нас обоих.

Рот мистера Бельведера приближается к моему уху:

– Я накажу тебя, – обещает он, и я понимаю, что мне не будет приятно.

Я плотно закрываю свои глаза, жалея, что не отказалась от этого клиента. Может быть, деньги этого не стоят. Конечно, не стоят, если он собирается быть таким жестоким. Но мне кажется, что прошло уже полчаса, а это значит, что я на половине пути, чтобы выйти за дверь вместе с деньгами, которые буду тратить несколько месяцев, и никогда не вернуться обратно.

Вздохнув через нос, я успокаиваю себя. «Ты можешь это сделать», – говорю я себе.

Не проходит и минуты, как он встает на колени позади меня. Он играет со мной немного, и это заставляет не бояться его прикосновений. Потом он толкает что-то в меня – что-то определенно непохожее на его член. Он груб... Очень груб.

Это больно.

Я сжимаю свои зубы, зажмуривая глаза еще крепче, и делаю лучшее, что могу – фокусирую свое внимание на чем угодно, кроме того, что происходит сейчас, кроме... Я не могу. Не могу сфокусироваться ни на чем. Это слишком больно!

Спустя несколько мгновений я чувствую, как что-то течет по моей ноге, и я почти уверена, что у меня идет кровь. Бельведер не замедляется и не ослабляет хватку, и я боюсь, что если попытаюсь прекратить это, то пожалею. И только по этой причине остаюсь неподвижной.

Он поднимается и отходит. Я использую эту возможность, чтобы сделать несколько глубоких вдохов через нос, но мне все сложнее и сложнее дышать. Я ничего не понимаю, пока несколько слезинок не начинают капать из моих глаз, из носа бежит, и мне начинает казаться, что я сейчас потеряю сознание.

И когда мужчина снова пристраивается сзади меня, я чувствую удар по своей коже. Он сильно бьет меня по бедру. Эта боль гораздо сильнее любой, что я когда-либо чувствовала. Через секунду я снова чувствую удар хлыстом по коже. Я не могу молчать. Крик вырывается из меня, но из-за клейкой ленты это больше похоже на вибрацию.

– Ох, тебе нравится? – спрашивает он.

Тот факт, что он думает, что я наслаждаюсь всем этим, делает его в моих глазах полоумным. На самом деле, он очень близок к определению «социопат».

Снова удар, на этот раз в то же место, что заставляет кожу гореть. Я поворачиваюсь телом в другую сторону, извиваясь, как только можно, не желая получить удар снова. Начинаю вертеть головой, надеясь, что он увидит, что я не могу больше терпеть. Я не могу. Это против наших правил. Он должен остановиться, когда я ему скажу, но, судя по тому, как он на меня смотрит, ему плевать.

Я не могу описать выражение его лица, это что-то среднее между полной злостью и ярым возбуждением. Мужчина делает шаг вперед, возвышаясь надо мной. Я не чувствовала себя такой потерянной и запутавшейся с того дня, как нашла своих родителей мертвыми в их спальне несколько лет назад. Маленькая девочка внутри меня когтями пытается вырыть путь наружу, умоляя, чтобы все это закончилось. Но он этого не видит или ему все равно.

То, что происходит дальше, причиняет боли намного больше, чем я готова принять...

Я ухожу из отеля все в ушибах и порезах. На час позднее, чем должна была. Деньги этого не стоят. На самом деле, я бы заплатила эти самые

деньги, чтобы ничего подобного больше не произошло со мной или кем-либо еще в этом мире.

Когда он дает мне разрешение уйти, то предупреждает: если я посмею кому-то сказать о нем, то это произойдет снова... и не один раз.

Тихо выскользнув из дверей, я направляюсь к машине, спрятав свое лицо и стараясь изо всех сил не хромать. Я чувствую, что он наблюдает за мной. Он ждет, чтобы я все испортила прежде, чем выйду с его территории. Я не даю ему такого удовольствия.

Тяжелые слезы текут по моим щекам всю дорогу домой. Я еду быстрее дозволенного, но приходится останавливаться несколько раз, потому что мои глаза застилает пелена, и я не могу видеть дорогу перед собой. В один момент со мной случается паническая атака. Когда я подъезжаю к зданию дома, то вижу грузовик Эверета. Последнее, что мне нужно – чтобы он увидел меня в таком состоянии.

Опустив козырек с зеркалом, я осматриваю себя. Под глазами синяки, губы немного припухли, но ни одна красная помада не может скрыть это. Зеленые и желтые синяки расползаются по всей шее, поэтому я лезу в сумочку, чтобы достать консилер, и пытаюсь скрыть весь этот ужас. Потом накидываю на себя шелковый шарф и надеваю солнцезащитные очки. Теперь я буду ощущать себя немного уверенней, если столкнусь с ним. Но все равно несколько раз молюсь про себя, чтобы Эверет меня не увидел.

И только когда захожу в лифт, чувствую, что свободна от неожиданной встречи с ним. Я снимаю очки и кладу их в свою сумочку. Мой телефон вибрирует в кармане. На его экране высвечивается имя Кэнди. Я думаю, что должна сделать в данной ситуации. Знаю, что должна сказать о случившемся, но страх того, что может (а возможно и случится) со мной, если я наступю на Бельведера, парализует меня.

Слышится звонок лифта, двери открываются, и я оглядываюсь, готовая выйти отсюда, и вижу последнюю вещь, или скорее человека, которого ожидала увидеть.

Улыбка Эверета сразу исчезает, и я наблюдаю, как его лицо искажается яростью:

– Что... за... черт!

Я стараюсь верить, что он может видеть только мои глаза и, возможно, губы. Синяки на моей шее прикрыты, а сам он не смотрит на мои ноги. Я смыла кровь средством для снятия макияжа, а порезы на бедре скрыты тканью платья.

Я смотрю на него, не зная, что мне сказать или сделать.

– Хай, – говорю я, играя так хорошо, как только могу, с моих губ

срывается грустная ухмылка, – упала сегодня после работы. Досталось от экскаватора, – закатив глаза, я указываю на один из них, зная, что он увидел отеки и синяки. – Чертов камень попал мне прямо в глаз. Я думала, он вывалится из глазницы, я не шучу, но сейчас все хорошо. Чувствую себя намного лучше. Правда, этот видок не исправят ни ибупрофен (*прим. переводчика: лекарственное средство*), ни очки, ни два бокала вина, которые я сейчас выпью.

Я выхожу из лифта, останавливаясь напротив Эверета, и жду, что он скажет что-то в ответ. Он этого не делает. Как бы то ни было, мужчина следует за мной до двери. Я закрываю глаза, когда достаю ключи из своей сумочки, в надежде, что он поймет намек и уйдет. Повернувшись к нему еще раз, спрашиваю:

- Тебе что-то нужно?
- Кто сделал это с тобой, Бренна?
- Никто. Я же сказала, что упала.
- Я спрашиваю снова – кто сделал это с тобой?
- Никто, – быстро встаю в оборонительную позицию.

Возможно, даже слегка испугавшись. Не Эверета, а ситуации в целом.

Резко выдохнув, он сжимает руки в кулаки. Я вижу, что он пытается успокоиться, поэтому не могу сказать, что случилось и с кем. Даже намекнуть. Мне нужно смириться с этими побоями, потому что, если я расскажу хоть о малой доли того, что случилось, мне придется рассказать остальное, а я не могу этого сделать.

– Эверет, – говорю я с терпением, надеясь, что доброта в голосе заставит его поверить мне, – я упала. Честно. На мне туфли с почти пятидюймовыми (*прим. переводчика: 5 дюймов = 12,7 см*) каблуками, к чему я совсем не привыкла, я копалась в телефоне и ни на что другое не обращала внимания. Я поскользнулась, пыталась ухватиться за машину, чтобы не упасть, но упала. Было очень больно, я даже немного поплакала, а затем моя подруга Джиана подняла меня и отряхнула, мы посмеялись над этим. А сейчас я собираюсь сидеть дома и отмокать в ванне с солью. Я в порядке, честно, – каждое слово тихое, искреннее и... полный бред, но, кажется, он верит мне. По крайней мере, притворяется, что верит.

Я вижу, как он сводит свои зубы. Эверет смотрит на меня, на мгновение уставившись на мое лицо, а потом медленно скользит взглядом по моему телу. Мне некомфортно. Возможно, он мне не верит. Не знаю, что еще сказать, но точно не правду.

Эверет прижимается рукой в моей щеке. Его ладонь невесомая, немного дрожит от волнения и очень теплая, и это меня успокаивает. Не

часто мне доводится ощущать такие нежные прикосновения.

– Я не знаю, что сказать, – по его голосу понятно, что он мне не верит. Я сдерживаю панику, понимая, что должна доказать свою правоту. – Бренна, ты можешь быть честна со мной, – молит он. – Я и раньше сталкивался с подобными ситуациями. Если тебя кто-то обидел или навредил, пожалуйста, скажи мне. Я окажу тебе помощь, в которой ты нуждаешься. Мы можем пойти в полицейский участок и...

– Стоп, – прерываю я его, – остановись сейчас же. Во-первых, спасибо. Я ценю, что ты стараешься, правда, – уверена, поспешность, с которой я говорю, не заставляет меня звучать благодарной, но так и есть. Я благодарна ему. – Но копы меня не спасут. Им наплевать на помощь людям, это всего лишь маска. Они хотят признания, денег и чтобы за это их оставили в покое. Плюс, если бы тут был насильственный подтекст, хоть это и не так, что они сделают? Я могу тебе сказать – абсолютно ничего! Вот что! В любом случае, я в порядке, точнее, была в порядке, пока ты не начал наезжать на меня.

Эверет в отчаянии качает головой. И все это доказывает, что он понятия не имеет, что творится в реальном мире.

– Ты шутишь? – он поднимает на меня голос. – Ты думаешь, что копы не помогут тебе, если ты подверглась насилию?

– Не-а.

– Как ты можешь так думать, Бренна?

– А это важно?

– На самом деле, да. Мне противно, что ты так думаешь. Они существуют для того, чтобы защищать людей.

Ничего не могу поделать, и на моем лице появляется оскал:

– Эм, нет.

– Да, – продолжает он спорить.

– Так кто ты... коп?

– Нет, я просто говорю, что...

– Что ты понятия ни о чем не имеешь, – добавляю я, – я в порядке. И не собираюсь повторять тебе это.

– Я просто стараюсь помочь, – умоляет мужчина.

К сожалению, на данный момент с меня его помощи достаточно. Всунув ключ в замок, я быстро вдыхаю, держа в себе все, что хочу сказать. Знаю, что если скажу все, что думаю, то, вероятно, нашей дружбе придет конец. И хотя мы знаем друг друга всего ничего, я не хочу потерять его.

– Я в порядке, Эверет. Спасибо, что думаешь обо мне, но я скажу снова – я просто упала, все в порядке.

Не смотря на него, я захожу в квартиру. Но когда пытаюсь закрыть дверь, Эверет преграждает мне путь.

– Что ты делаешь? – шиплю я.

Он закрывает за собой дверь и пристально смотрит на меня. Его холодные серые глаза излучают гнев, и я понимаю, что он не успокоится.

– Я не оставлю это просто так. Ты холодная. Построила эти стены вокруг себя. Ты осторожна во всем, что ты делаешь и что говоришь. Ты отказываешься обсуждать свое прошлое. Не думаю, что у тебя есть друзья. И это нормально, у тебя есть на это полное право. Но когда ты появляешься с подбитым глазом, огромной царапиной на лице и кровью в волосах, и, кто знает, что ты еще там прячешь под своей одеждой... И не смей говорить мне, мать твою, что ты упала! – его голос, наполненный гневом и досадой, поднимается все выше и выше

– Уходи, – у меня нет других слов.

Он ставит меня в тупик. Эверет слишком многое замечает во мне, и я злюсь на себя за это. Не говоря уже о том, что, как оказалась, я скрыла следы, оставленные на мне этим ублюдком, Бельведером, хуже, чем думала.

И когда он не уходит, мой голос поднимается до визга:

– Ты должен уйти!

Качая головой, Эверет поднимает свои руки ладонями ко мне. Таким образом он показывает, что не причинит мне вреда, я понимаю это, но не собираюсь просто сидеть и принимать что-то подобное. У него нет никаких причин, чтобы копаться в том, что произошло со мной как сейчас, так и в моем прошлом.

– Прекрасно, – говорит он секунду спустя, – прекрасно, Бренна. Я пытался помочь, но... – мужчина еще сильнее качает своей головой, направляясь к двери. – Ты знаешь, что... Ты можешь отталкивать меня, если хочешь. Можешь обороняться и злиться. Все, что хочешь. Меня переполняет злость, но... если тебе нужна помощь, защита от того, кто сделал это с тобой, ты знаешь, где я живу.

С этими словами он закрывает дверь, захлопывает на самом деле. И то, что его голос наполнен искренностью, заставляет меня вздрогнуть при звуке агрессивного стука двери. Возможно, я уничтожаю даже крохотный шанс на нашу дружбу, но я также спасаю его от мучения быть моим другом. Он пока не понимает, а может и никогда не поймет, что я делаю ему одолжение.

После нескольких минут бессмысленного рассматривания двери, когда крохотная часть меня начинает умолять его вернуться и обнять меня,

потому что только так я почувствую себя в безопасности, понимаю, насколько жалко мое существование. Мне не нужен парень, чтобы чувствовать себя в безопасности. Ни Эверет, ни кто-либо еще. Но, тем не менее, мне нужен друг.

Зайдя на кухню, я полностью избавляюсь от своей одежды, нижнего белья и всего остального. Все это направляется в мусорку. Мои туфли на каблуках просто шикарны. За них я заплатила больше, чем за всю остальную обувь, но я не смогу больше смотреть на них, как раньше, поэтому они тоже отправляются в помойку. Я достаю мусорный пакет, завязываю его и бросаю в дверь. Злость и агрессия душат меня. Я чувствую, что теряю контроль.

Порывшись в кухонном шкафу, я достаю бокал и иду к винной полке, чтобы достать самую дорогую бутылку, что у меня есть. Но прежде чем ухватиться за нее, говорю себе, что сейчас не время для расслабления и распития вина. Это время для того, чтобы чертовски сильно набраться и забыть, кто я. По крайней мере, на пару часов.

Наклонившись, я достаю с полки бутылку «Грей Гус» (*прим. переводчика: водка*) и открываю ее, чтобы сделать приличный глоток. Водка обжигает горло, но это не останавливает меня от того, чтобы сделать еще несколько глотков.

Пройдя через всю квартиру в ванную, я включаю душ и вступаю под каскад горячей воды, желая смыть с себя всю грязь сегодняшнего дня. Слишком много мест на теле, которые просто горят, и вода, окрашенная в розовый цвет, бежит прямо в слив. Я думала, что обжигающая вода принесет мне немного покоя хоть на несколько секунд, но вместо этого я только сильнее чувствую, как совесть грызет меня изнутри. Сжимаю ладонь в кулак и бью костяшками пальцев по каменной стене. Они не кровоточат, на них нет ни трещинки, что еще больше выводит меня из себя, поэтому я бью снова. И в третий раз. Мой средний палец уже начинает опухать.

Но сейчас это неважно, потому что все мое тело, и внутри и снаружи, ужасно болит.

Я не брежу своей работой, но она мне определенно нравится. У нее невероятно много преимуществ. Но также есть моменты, когда она кажется мне реально хреновой, и я задаюсь вопросом, а не лучше ли мне найти настоящую работу? А затем вспоминаю, что эта работа значит для меня. Секс, деньги, знаменитости, секреты, развлечения и, что более важно, все это совершенно без обязательств... всегда. Но никогда я еще не доходила до той точки, когда не была уверена в своей способности выйти

из комнаты.

Я больше никогда не хочу попасть в такое затруднительное положение.

Впредь я больше не буду позволять кому-либо снимать себя, помимо моих постоянных клиентов. Я буду защищать себя. Знаю, Кэнди сразу же все поймет, когда я расскажу ей.

Кэнди, дерьмо. Мне нужно поговорить с ней.

Выключив душ, я вылезаю и оборачиваю одно полотенце вокруг себя, а другим обматываю волосы. Отскакиваю от зеркала, как от огня. Мое отражение – последнее, что я хочу видеть прямо сейчас.

Мой телефон в сумочке, и когда я вынимаю его, то вижу три пропущенных вызова и два сообщения. Все от Кэнди. Иногда она может вести себя хуже, чем мамочка-наседка. Я нажимаю на кнопку «перезвонить».

– О, господи, ты заставила меня волноваться, – говорит она вместо приветствия.

– Я дома, со мной все в порядке, – отвечаю я.

Закрывая глаза, задаюсь вопросом, стоит ли мне рассказать о том, что случилось, сейчас, или немного подождать.

Затем она спрашивает:

– Как все прошло? Он хочет стать постоянным клиентом?

Ненавижу то, что ее голос полон надежды. Я бы даже сказала, радости. И именно поэтому мне так сложно ответить на ее вопрос:

– Я не могу с ним больше видаться. Ни одна из девочек не может.

Безмолвие, повисшее между нами, длится секунд тридцать, которые кажутся мне вечностью из-за моих расшатанных этой ситуацией нервов. Не хочу говорить вслух о том, что случилось, но нет смысла что-либо скрывать.

– Что случилось?

– Он... Он... м...

– Бренна, ради бога, ты должна рассказать мне, что случилось. Ты в порядке?

– Все отлично, – быстро рассеиваю ее беспокойства. Но только для того, чтобы добавить новые. – Он был груб со мной. Слишком груб. Я собираюсь взять отгул на какое-то время, и ты должна отменить все встречи с моими клиентами на две недели. После этого, думаю, я буду спать только с моими постоянными клиентами, а для остальных могу предоставить только услуги спутницы, – мои глаза все еще закрыты. Я кусаю свою губу, боясь того, как она может отреагировать.

Когда женщина начинает говорить, я могу поклясться, что обилие

эмоций буквально душит ее:

– Детка, тебе нужно посетить врача? Может, стоит провериться? Что он сделал? Мне прийти к тебе?

– Я в порядке, все прекрасно, Кэнди, – я не хочу, чтобы она примчалась сюда и из-за этого разрушила свой бизнес. Я большая девочка и я вполне могу себя защитить. Это доказано последним десятилетием моей жизни. – Серьезно. Вычеркни его, как клиента, и я буду работать. Спасибо, что думаешь обо мне.

Следует еще одна пауза, после которой она говорит:

– Как скажешь. Я доверяю тебе, Брен. Я люблю тебя, как родную дочь, ты же знаешь.

– Знаю и очень тебе благодарна.

– Хорошо, милая. Я напишу тебе завтра, – задор в ее голосе исчезает.

И из-за этого я даже начинаю ощущать себя виноватой. Как будто это моя вина. Но потом стараюсь не думать об этом.

– Хорошей ночи, – мы завершаем разговор, и тогда я возвращаюсь к «Грей Гус», беря бутылку и направляясь в спальню.

***

Прошло три дня с того инцидента. Уже три дня как я зализываю свои раны, а мой глаз выглядит еще ужаснее, чем был до этого. А шея и того хуже. Все синяки окрасились в отвратительный зелено-желтый цвет с фиолетово-синими оттенками. Я бы не покинула дом по другой причине, но у меня заканчивается спиртное.

Надев легинсы и свободный топик, я оборачиваю вокруг шеи шарф, пытаюсь сделать эту конструкцию настолько модной, насколько способна, а затем накладываю на лицо тонну макияжа, распускаю волосы, несмотря на влажную погоду, и завершаю весь образ солнечными очками оверсайз (*прим.: очки на пол-лица*). Кажется, мне удалось прикрыть все, кроме царапины на руке и небольшой ссадины на губах. Пытаюсь придать им немного блеска, но это делает ссадину еще более заметной, так что я стираю всю помаду.

Положив ключи в сумочку, я открываю дверь, надеясь не наскочить на Эверета.

Я потратила слишком много времени, анализируя всю ситуацию. Одна часть меня ненавидит то, как подло я с ним поступила, а другая говорит, что я сделала все правильно. Для каждого из нас. Одна часть меня хочет пойти и извиниться, а другая, более крупная, кричит: «Ни за что на свете!» Одна часть меня хочет сказать ему, что это сделал со мной случайный

парень, когда я проходила мимо, а другая – оставить все, как есть. Я слушаю именно этот голос, несмотря на то, что остальные постоянно отчитывают меня за это. Ничего такого, что не мог бы исправить алкоголь.

Что паршиво, в моем стиле никогда не было напиваться, никогда это не было тем способом, к которому я прибегала, когда чувствовала себя униженно. Вместо этого я использовала секс, и именно так я оказалась там, где я сейчас. И сейчас именно из-за секса я прибегаю к алкоголю. Думаю, сейчас это единственный способ унять боль, по крайней мере, пока шрамы еще свежие.

Я направляюсь в винный магазин и беру бутылку «Патрона» (*прим. переводчика: текила*), попутно захватывая все, что может мне понадобиться для того, чтобы сделать парочку разных коктейлей. Хорошо, больше, чем парочку. Я также решаю прихватить пачку чипсов, так как в последнее время ем не так много.

Я провела последние несколько дней без душа и тому подобных процедур, но не в это утро. Мне пришлось пройти несколько кругов, в которых я выпивала все больше и больше. Но в них также было место и для обнимашек со Снагли, и для нескольких быстрых разговоров с Кэнди. А помимо этого была огромная куча абсолютно ничего. По крайней мере, ничего того, что я помню.

Уверена, что через несколько дней все придет в норму, по крайней мере, настолько, насколько это вообще возможно после того, как кто-то отобрал последнюю стоящую часть тебя.

Вернувшись в дом, я направляюсь к почтовым ящикам и проверяю их на тот случай, если мне что-нибудь пришло. Уверена, в основном, это счета. Полагаю, что могу брать их спокойно и не прятаться, ведь я не видела грузовика Эверета снаружи. Вытащив почту, я засовываю все конверты в один из пакетов, которые держу в руках, а затем направляюсь в сторону лифта.

Боковым зрением я замечаю Эверета в вестибюле. Его волосы сейчас в таком же беспорядке, как были тогда, когда я в первый раз увидела его. На нем тренажерные шорты и облегающая майка, и я ненавижу себя за то, что хочу увидеть еще больше его тела. Поэтому я быстро заскакиваю в лифт и делаю вид, будто бы вообще его не замечаю. Это легко сделать с мобильником в руке.

Когда я возвращаюсь в свою квартиру, то не выдерживаю. Думаю, это первый раз, когда я бьюсь в истерику и слезах из-за чего-либо. Говорю себе, что это из-за ночи с тем козлом, который так жестоко надругался надо мной, но все мои мысли фокусируются на том, как я обманула

Эверета. А это, в свою очередь, напоминает, что мне не с кем поделиться своими переживаниями, потому что незадолго до этого я разрушила свои отношения с Хиллари.

Разместив все свои вещи на столе и включив игрушку, которую подобрала для Снагли, я пролистываю список контактов в поисках номера Хиллари. Честно говоря, меня крайне удивляет то, что она отвечает. И прежде чем все извинения вырвутся наружу, я рыдаю.

– Что с тобой? Я могу приехать к тебе, если нужно, – выпаливает она, оставаясь все той же милой, дорогой подругой, которой всегда была.

Ненавижу себя за то, что была так эгоистична по отношению к ней. Несмотря на все мои усилия и попытки не рассказывать ей правду, все-таки приходится это сделать, избегая имен и слишком подробных деталей. Прямо до того момента, когда я взбесилась на Эверета.

– Я не хочу повторяться, Бренна, но думаю, тебе все-таки нужно уйти из этого бизнеса.

– Я понимаю, почему ты так думаешь, правда, – говорю я ей честно, – но я уже сказала Кэнди, что больше не буду ни с кем помимо моих постоянных клиентов. Я знаю и доверяю им. К тому же, их не так много, но достаточно, чтобы оплатить счета и немного поразвлечься. Но ничего больше, – я не говорю ей, что все еще буду сопровождать людей, куда им потребуется, но не спать с ними. Ей не нужно еще больше волноваться. Я делала это так долго, что нет никаких сомнений в том, что со мной все будет в порядке.

Она фыркает, что отзывается треском в моем ухе:

– Хорошо. Я даже не собираюсь принимать твою точку зрения, но если это произойдет снова, то, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, посмотри на ситуацию в целом. Ничто из этого не стоит твоей жизни.

– Так и сделаю. Обещаю.

– Хорошо. Ну а теперь об этом парне, Эверете, – слышу, как ее голос приободряется, произнося эти слова, – кто он? Почему я прежде о нем не слышала? Ты влюблена в него?

– Нет! – ахаю я. – Совершенно нет. Я едва его знаю. Он живет в одном доме со мной, вот и все.

– Ох, это не все. Почему он ждал тебя у двери в тот день? Ты оттолкнула его так же, как и любого другого, о ком заботишься?

Последние ее слова режут, как нож. Уверена, она не хотела, чтобы это прозвучало так резко, поэтому я позволяю этим словам влететь в одно ухо, а вылететь из другого, оставляя по пути шрам от сказанного.

– Понятия не имею, почему он был здесь. Все, что я знаю – он

перешел черту, которую не должен был.

– Какую такую черту?

– Быть... излишне любопытным.

– Имеешь в виду, заботящимся о тебе?

– Нет, любопытным. Все это никак его не касается.

– А если честно, ты можешь себе представить мужчину, который, заметив все эти отметины, не попытался бы докопаться до истины? Это бы сделало его полным мудаком. Он заботился о тебе, Бренн, а ты должна извиниться.

– Не-а.

Подруга вздыхает еще раз, показывая всю ненависть к моей упертости. А я ненавижу то, как чертовски она права, так что думаю, наше чувство по «шкале разочарований» примерно равно.

– Прекрасно, ты победила. Он был не прав в том, что заботился о тебе, что влюбился в тебя и что просто был обеспокоенным человеком. Как ужасно с его стороны.

Ничего не могу с собой поделать и улыбаюсь. Она права, мы обе это знаем, но я никогда не признаю этого вслух. Именно поэтому вступил в силу ее сарказм. Хиллари слишком хорошо меня знает.

– Спасибо, – говорю ей, – это как раз то, что я имела в виду.

Мы говорим еще немного, я спрашиваю ее, как обстоят дела с Тревисом. Я не собираюсь позволять своим мыслям о том, что она поганиз свою жизнь этим решением, мешать моему общению с Хиллари, потому что если я и сделала какие-то выводы из этого разговора, так это то, что мы обе несогласны с выбором жизненного пути другой стороны, но все еще можем уважать друг друга, заботиться, и самое главное, оставаться друзьями.

После нашего разговора я чувствую себя в тысячу раз лучше. А особенно меня радуют ее слова о том, что она приедет через несколько недель, чтобы разделить со мной наш традиционный ежемесячный обед.

Кладу телефон на тумбочку и замечаю, как давит на меня тишина в доме. Но мне также известно, что я не могу пойти и позагорать со всеми этими синяками, так что достаю бутылку «Патрона» из сумки. Мне нужно еще несколько дней, прежде чем я буду готова снова вернуться в реальный мир. «Всему свое время», – говорю я себе. Через какое-то время все вернется на круги своя.

Глава 10

Эверет

Этим она никого не обманет. По крайней мере, меня. Бренна почти всегда носит бикини, значит, за всей этой одеждой она скрывает что-то. Наверное, много чего. Множество порезов и синяков, и кто знает, что еще. Я не хочу знать, как много их у нее. Также как не хочу знать, появились ли у нее новые.

Смотрю из окна кухни, возможно, походя на ищейку и наблюдая за тем, как Бренна стелет свое полотенце на песок. Она садится на него, прежде чем вынуть солнцезащитный крем из миниатюрного розового холодильничка, который всегда таскает с собой.

И когда Бренна начинает втирать крем в свою нежную кожу, Эмили толкает меня, вглядываясь в сторону людей на пляже:

– Ну и кто из них она?

– Кто?

Я не упоминал Бренну или любую другую женщину при своей сестре. Эмили с утра занималась тем, что делала мою квартиру больше похожей на дом. Я пытался возразить, говорил, что могу все обустроить сам, но она настояла и сделала это в свойственной только ей манере. Эмили утверждала, что любит все организовывать и украшать, убирать, готовить, что перед появлением моего племянника над ней берут верх материнские инстинкты. Не было никакой вероятности, что проведя со мной добрых шесть часов, она поняла, что я кем-то увлечен. Я не отвлекался, не упоминал никаких имен и не давал намеков.

Я гляжу на Эмили, а та скалится в мою сторону:

– Ты не единственный детектив в семье. Может, я и школьный учитель, но у меня такая же интуиция, как и у тебя. Кто она? Что ты сделал, чтобы разрушить ваши отношения?

– Кто сказал, что я что-то разрушил?

– Ты, когда на твоем лице появляется этот неприятный сердитый взгляд, когда ты смотришь на... – она снова уставилась в окно. – Здесь не так-то много молодых девушек, так что я предполагаю, что это та, что в розовом.

Я оглядываюсь назад, но мне не нужно проверять, чтобы сказать с уверенностью: «Нет, она не в розовом». Один из предметов одежды Бренны голубой с белыми вертикальными полосками. Ее волосы собраны в пучок на макушке, но несколько прядей выбилось и теперь красиво обрамляют ее лицо. Также на ней очки-авиаторы.

– Так что же случилось? – снова спрашивает Эмили спустя мгновение.

– Ничего, – говорю я, отходя от окна.

Сестра следует за мной напрямик к холодильнику. Я достаю бутылку «Гаторейда» (*прим. переводчика: Gatorade – общее название серии изотонических напитков, производимых компанией PepsiCo*), и Эмили подходит ко мне. Прежде чем холодильник закрывается, она вытаскивает из него миску с фруктами, купленными ею в магазине, и облакачивается на стойку.

– Не говори «ничего», – она вонзает вилку в кусок арбуза, затем пялится на меня какое-то время в надежде, что я что-то скажу. И прежде чем откусить от арбуза, приподнимает свои брови, – должно быть, все паршиво, раз ты ничего не говоришь.

Я рассказываю Эмили практически все, если дело не касается работы. Подозреваю, что это одна из причин, по которой я ничего не хочу говорить. Хотя Бренна для меня и не одно из заданий, то, что случилось с ней, кажется мне странным, и я не могу посвятить сестру в детали. Поскольку девушки, видимо, никогда не встретятся, особенно, судя по тому, что Бренна, как я понимаю, никогда не заговорит со мной снова. Я сажусь на стул рядом с сестрой и закрываю лицо ладонями.

Повернув голову в сторону Эмили, я вижу, как она съедает несколько кусочков арбуза, пристально глядя на меня. И сейчас со своими коротко подстриженными каштановыми волосами и большими круглыми карими глазами она, как никогда, походит на маму.

– Она живет в этом здании, – признаюсь я. – Мы едва ли были друзьями, даже нигде не тусовались, да и разговаривали не так уж и много, но я всегда и везде наслаждался ее обществом. Что-то в ней притягивает. Она отличается от остальных девушках во всех допустимых смыслах. Трудно не очароваться ее гордостью или яркими зелеными глазами, или тем, как она пытается не улыбаться, когда я говорю с ней. Она так усердно играет, но дело в том, что я не уверен, что она притворяется. Не знаю, – я качаю головой, – мы становились друзьями, и мне это действительно нравилось, я хотел узнать ее лучше, но она меня отшила.

– Что случилось?

– Кое-что.

– А конкретно?

– Кое-что.

– Не заставляй меня играть в эти игры, я беременна, и ты не можешь бесить меня. Поверь, тебе это не понравится.

– Ты сучка, – шучу я.

Эмили дает мне по голове так же, как это бы сделал отец, и я не могу

удержаться от смеха.

– Хорошо-хорошо, – говорю ей, – я стоял рядом с ее дверью на прошлой неделе, а она возникла непонятно откуда, да еще все побитая и в ссадинах. Я спросил ее, что случилось, и сделал это предельно спокойно, но она сказала, что упала на работе. Упала глазом на камень, если быть точным. Я знаю, что это неправда, по многим причинам, поэтому попытался вытянуть из нее то, что произошло на самом деле, но она закричала, чтобы я ушел, и теперь избегает меня всеми возможными способами. Однажды я столкнулся с ней, но она лишь опустила глаза в телефон и вела себя так, будто меня вообще не существует.

Эмили бросает вилку в тарелку с фруктами, отодвигая все от себя:

– Подожди-ка. Во-первых, ты действительно уверен, что ее фингал появился не из-за падения?

– Да. У меня было такое ощущение, будто у нее по каким-то причинам произошла жесткая стычка со своим бывшим, и когда она появилась в том виде, в котором была, у меня не осталось сомнений.

– Это было на прошлой неделе?

Я киваю в ответ на ее вопрос.

– Ты снова не пытался помириться с ней?

– Это бессмысленно.

– Это не бессмысленно. Мне снова нужно треснуть тебя? Господи, парни, вы полные идиоты! – Эмили спрыгивает со стула, закатывая глаза. Она снова выглядывает в окно и смотрит на пляж. – Кто из них она?

– Темные волосы, собранные в пучок, сине-белый купальник. Она лежит примерно в тридцати футах (*прим. переводчика: примерно 9,1 метров*).

Не думаю, что мне следовало называть все эти детали, ни разу не взглянув в окно.

– Тебе нужен грандиозный поступок.

– Прости, что? – оборачиваюсь я, глядя на сестру.

Но Эмили все еще смотрит в окно. Не знаю, что она там ищет, но женщины могут накопать больше деталей в таких делах, чем мужчины, поэтому есть вероятность, что сестра сможет помочь мне.

Поворачиваясь, чтобы взглянуть на меня, она облокачивается на тумбочку, скрещивая руки на груди. Из-за этого ее живот выпячивается еще больше, но как бы то ни было, она на шестом месяце беременности, и в моих фантазиях являлась мне с еще большими габаритами и округлостями. Я ожидал, что ее живот будет просто огромным.

– Грандиозный поступок, – повторяет она, – ну, ты знаешь, вбежать в

церемониальный зал, когда любовь всей твоей жизни собирается выйти замуж, и закричать, что ты против этого брака из-за своей любви к невесте. Или стоять прямо под окном ее спальни с бум-боксом, горланя слова вечной любви и верности ей. Или возникнуть в аэропорту за пару секунд до того, как она сядет на самолет в Европу.

– Эм... – я таращусь на Эмили. Кажется, в последнее время кто-то смотрит слишком много фильмов. – Ну, она не выходит замуж, не уезжает в Европу и живет на шестом этаже, так что не думаю, что перечисленное тобою возможно.

Клянусь, вся страсть к происходящему умирает в глазах сестры после моих слов.

– Заткнись. Это просто примеры. Ты должен найти что-то, что вернет ее назад, это как наживка на крючке, но потом тебе нужно удержать ее.

– И ты собираешься мне помочь?

– Может быть, – пожимает плечами Эмили, – если ты меня покормишь.

– Ты только что съела всю вазу с фруктами на пятнадцать долларов.

Она начинает двигаться в сторону коридора, попутно потирая свой живот.

– Эй, я беременна твоим племянником и для того, чтобы увидеть тебя и распаковать твои коробки, мы летели пять часов в полном одиночестве, так что тебе лучше меня покормить.

Да, она определенно молодая версия мамы. Я слезаю со стула, мельком гляжу в окно и направляюсь в спальню, чтобы взять кошелек.

Бренна все еще лежит на пляже, на этот раз – на животе. Она слегка подергивает своими ступнями, наверное, в такт музыки в наушниках. И в этот момент я говорю себе, что если и есть какой-то грандиозный поступок, способный навсегда покорить ее, я его найду.

Возможно, это – не любовь, и даже не простая влюбленность, но я точно могу сказать, что она – та женщина, которую я хотел бы видеть в своей жизни. Если я не добьюсь ее, это сделает кто-то другой, тот, кто может оказаться полным ослом, а она впустит его в свою жизнь. Я не могу этого допустить.

***

Проходит еще два дня, а от Бренны не слышно ни слова. Эмили приходит в голову несколько идей, которые могли бы помочь, но меня ни одна не вдохновляет. Может быть, все эти широкие жесты не для меня. Я уверен, кто-то из нас двоих в конечном счете придумает идеальный

сценарий, по крайней мере, так мне говорит сестра. Которая в данный момент спит в моей постели и храпит так громко, что я слышу ее с дивана. В свою первую ночь здесь она собиралась постелить себе на нем, но черта с два я бы позволил своей беременной сестренке спать здесь. Когда я сказал ей это, она не стала спорить. У меня была еще одна свободная комната, но в ней не было кровати. И за те несколько дней, что Эмили провела здесь, мы смогли превратить ее в небольшой домашний офис. Она согласилась, что мне нужно прикупить еще мебели, но я решил с этим повременить, так как не знаю, буду ли жить здесь после того, как закончу свое дело.

Завязав свои кроссовки, встаю и разминаю спину. Я паршиво спал прошлой ночью. Может быть, на этом диване и удобно сидеть, но спать на нем – совершенно другое дело. Мое тело ноет из-за того, что долго пробыло в одном положении. И сейчас я чувствую себя минимум на сорок лет, а не на двадцать шесть. Поэтому мне нужна пробежка.

Воздух чистый и свежий, а солнце только начинает появляться на небосводе. На самом деле, я все еще могу видеть луну, которая исчезает с каждой секундой. Знаю, что скоро температура поднимется, так что я немедленно перехожу на легкий спринт и ускоряюсь, миновав квартал. Я по-прежнему бегу вдоль пляжа по бетонной дорожке, которая проложена параллельно морю. Глядя на то, как много лодок плывет по его волнам, я ловлю себя на меланхоличной мысли, что уже никогда не возьму Бренну на рыбалку.

Пробегая мимо пристани, я замечаю маленькую желтую лодку с выцветшими словами «De Toute Beaute», написанными черной, местами потрескавшейся, краской. К сожалению, я не говорю по-французски, но предполагаю, что здесь написано что-то, связанное с красотой. Я замедляю темп, двигаясь прямо к лодке, которая привязана к одному из доков. С каждым шагом, который приближает меня к этому маленькому судну, понимаю, что в нем есть что-то, что зовет меня.

Внимательно оглядываясь, из каюты появляется пожилой мужчина, по крайней мере, из того, что, по моему мнению, должно быть каютой. Я рыбачил бесчисленное количество раз, но никогда не делал этого в океане. Не говоря уже о том, что у нас был понтонный катер – самая большая лодка, на которой я когда-либо был. Она была габаритнее, чем эта, с каютой и большой площадью внизу.

– Как дела? – спрашивает старик, бросая плетеный канат к причалу. – Чудесное утро, не правда ли? – его акцент немного похож на французский, что объясняет иностранные слова на борту лодки.

– Конечно. Хорошая у вас лодка, – я прохожусь рукой по борту. Возможно, она и старая, но определенно построена так, чтобы долго служить своему хозяину.

– Верно.

Он маленького роста и худощавый. На нем коричневая шляпа, прикрывающая его голову, пара симпатичных брюк и желтые сапоги для рыбалки. Конечно же, он выглядит как заядлый рыбак.

– Это моя гордость и отрада. Я построил ее пятьдесят три года назад, а она все еще бесстрашно идет по волнам.

– Вы ее построили? – спрашиваю я, кивая в сторону лодки.

Сняв шляпу, мужчина стирает пот со лба, прежде чем натянуть ее обратно. Выбравшись из лодки, мужчина встает передо мной на причале, глядя на свое сокровище.

– Конечно. «De Toute Beaute» названа в честь моей покойной жены. Ее звали Анастасия, и она была самым красивым существом, что я когда-либо видел.

– Очень грустно слышать это, – говорю я ему, выражая соболезнование.

Он горестно усмехается:

– Она ушла почти десять лет назад, сейчас не о чем сожалеть. Я смирился с этим. Жена хотела, чтобы ее кремировали, а прах рассеяли над морем. Я так и сделал. Поэтому каждый раз, когда я выхожу в море, то чувствую, что моя любовь со мной.

Любой бы мог сейчас увидеть искреннюю любовь в его глазах, как к покойной жене, так и к этой лодке.

– А у тебя есть спутница? – спрашивает он.

Я смотрю на него так же, как он смотрел на меня, исследуя его глаза

– Я работаю над этим, – говорю ему, пытаюсь придать голосу немного игривости. Запустив руку в волосы, понимаю, что весь вспотел, и нужно будет принять душ перед работой. – Ладно, мне скоро нужно двигаться на работу. Я просто хотел взглянуть на вашу лодку. Она привлекла мое внимание, когда я пробежал мимо, поэтому решил подойти и посмотреть поближе.

Его улыбка дрожит:

– А ты знаешь, она продается. Мне восемьдесят семь. Не могу больше держать ее при себе.

Не уверен, намекает ли он мне, чтобы я выставил себя в качестве покупателя. Единственное, что я знаю – у меня никогда не было настоящей лодки, и я об этих плавучих средствах передвижения почти ничего не знаю.

Даже не имею малейшего представления о том, во сколько мне обойдется эта лодка.

– Надеюсь, вы найдете достойного покупателя, – говорю я после некоторых раздумий.

Смотрю, как старик кивает своей головой, пытаюсь улыбнуться немного шире.

– Жаль, что у меня нет детей. Рак простаты, – заявляет он.

А этот человек не стесняется обсуждать свою жизнь.

– Подхватил эту дрянь, когда мне было тридцать. Анастасия была опустошена, но вот я здесь. Здоровый как конь. Ну, по крайней мере, большинство дней в своей жизни. Ну, ты понимаешь, человеку в моем возрасте без проблем со здоровьем не обойтись, – он усмехается, умудряясь находить юмор во всей этой трагедии.

Мертвая жена, которая не смогла родить ему детей, рак, который он победил, и то, что, скорее всего, этот человек скоро будет на смертном одре. Мое сердце болит за этого старика. Особенно за то, как открыто и искренне он разговаривает с таким незнакомцем, как я.

– Ну, хорошо, не буду больше тебя задерживать. Меня зовут Корбин, кстати.

Немного приблизившись, чтобы пожать его протянутую руку, я говорю ему:

– Эверет. Эверет Берк.

– Приятно познакомиться, мистер Берк. Хорошего вам дня.

– Вам тоже, сэр.

Весь в поту, я возвращаюсь в свою квартиру. Сейчас самое время принять душ. Вижу, как Эмили выходит из спальни, зевая и вытягивая руки над головой.

– Твоя кровать очень удобная, – заявляет она.

– Уверен, так и есть. Тебе нужно в ванную, а то я сейчас пойду в душ?

– Нет, все в порядке. Прими душ, а я сделаю кофе, – проходя мимо меня, сестра морщит нос, – да, тебе определенно нужен душ. От тебя разит потом. Чем это ты занимался утром?

– Был на пробежке.

– С каких это пор? – спрашивает она.

– Думаю, начиная с этого утра, – пожав плечами, направляюсь в комнату, чтобы захватить вещи, которые мне предстоит надеть сегодня.

Я быстро принимаю душ и одеваюсь. После моей полной подготовки к повседневной рутине я возвращаюсь на кухню. Эмили тут же протягивает мне чашку со свежесваренным кофе.

– Спасибо. Уверена, что с тобой все будет в порядке?

Она вопросительно поднимает брови:

– Да, уверена. Может быть, схожу на пляж или еще что.

Одаряю ее строгим взглядом, интересуясь, можно ли загорать при беременности. И прежде чем я могу вымолвить хоть слово, Эмили кладет свои руки на живот, полностью готовая для спора со мной.

– Да, я могу пойти на пляж, – утверждает девушка.

Именно так мы и росли. Сестра всегда знала, что я собирался сказать, прежде чем я успевал сделать это.

– Хорошо, у меня есть солнцезащитный крем... эм... – пытаюсь вспомнить, где я его оставил.

– В ванной комнате. Я положила его на полочку под раковиной. А теперь приступай к работе и прекрати быть таким «большим братом».

Я подхожу к входной двери, оборачиваюсь и говорю:

– Я и есть твой большой брат.

Она хихикает, и тут же раздается щелчок дверного замка.

***

Джефф уже сидит в моем кабинете, когда я появляюсь там.

– Завтра большой день, – заявляет он, как будто и без его напоминаний я этого не знаю.

Я ворчу в ответ, занимая свое место. Включив компьютер, смотрю на папку документов, лежащих на столе.

– Что это? – спрашиваю я и открываю папку.

– После того, когда ты взял отгул, у меня появилось немного свободного времени вчера, так что я собрал вместе всю информацию о выходных в Тампе.

– Уже передал это шерифу?

– Еще нет, просто я подумал, что ты мог бы перечитать это все и внести пару замечаний.

– Я могу сделать это после того, как проверю свою электронную почту. Мне нужно подготовиться к завтрашней встрече с Моной.

Хватаясь за свою ковбойскую шляпу, он встает, чтобы уйти.

– Если я тебе понадобится, то ты сможешь найти меня на вокзале. Я буду проводить небольшие опросы. Ты знаешь мой номер.

– Само собой, спасибо, дружище.

Пообедав, я направляюсь в кабинет шерифа. Он хотел пройтись со мной по некоторым деталям насчет завтрашнего дня с Моной. О’Райли встает, когда я вхожу, и тут же мне в глаза бросается то, что он сбросил свои

усы. Если честно, не уверен, идет ему так больше или же нет. Ухмыляюсь, когда он по привычке проводит ладонью по лицу там, где еще недавно были волосы.

– Проиграли пари? – спрашиваю я с долей юмора.

– Жена сказала «либо все, либо ничего» и, если честно, я могу отрастить шикарные усы, но бороду? Нет, это не для меня.

Черт, это паршиво. При желании я мог бы спокойно отрастить приличную бороду. Мне уже дважды приходилось это делать для расследования. Ну а в остальных случаях я не оставляю ни волоска на лице, потому что мне противен этот зуд чего-то лишнего на лице.

– Что есть, то есть. Ну а сейчас о завтрашнем дне. Что там у нас?

– Мона уже будет ждать в номере гостиницы «Корал Вью». Я предложу ей выпить, делая это так, будто уже сам приложился к бутылке, затем сделаю вид, что сорвался, и скажу о расставании с Мэнди, на которой хотел жениться и с которой мы встречались три года. Скажу, что мне нужен слушатель, а не тот, с кем можно переспать. И прежде чем истечет мое время, я задам ей пару вопросов о ее прошлых отношениях и попытаюсь связать все ею сказанное в одно целое. Потом посмотрим, что это нам даст.

– Во сколько ты с ней встречаешься?

– В шесть.

– Жду твоих заметок на моем столе в четверг утром. Ваше второе свидание уже назначено?

– Пока нет, Кэнди хочет подождать конца первого, на случай того, если Мона мне не подойдет.

Шериф кивает, принимая мой ответ.

– Может, тебе и следует сказать, что она не подходит? Что тебе нужен кто-то, похожий на твою бывшую. У нее каштановые волосы, верно? – он открывает папку, чтобы посмотреть детали о моей фальшивой девушке. – Какого цвета волосы Моны?

– Рыжие, – ворчу я.

У меня нет никаких претензий к рыжим девушкам, я просто не нахожу их привлекательными. И это облегчает мне задачу не поддаться соблазну того, что она захочет со мной сделать. Точнее, вместе со мной. По-моему, она перетраханая шлюха. Это все, о чем я стану думать, когда буду с ней, да и вообще с любой девушкой, работающей на Кэнди.

– У Мэнди темно-каштановые волосы. Есть еще одна девушка с такими волосами, работающая на Кэнди. Есть и другая, у нее волосы черные, это мы знаем из полученных показаний. Кэнди не вдавалась в

подробности, но я могу дать ей знать завтра, что рыжие – не мой вариант.

– В таком случае, когда закончишь с примечаниями, можешь идти.

Вставая, я желаю шерифу хорошего дня, а затем снова направляюсь в свой офис.

***

Приехав домой, я впадаю в шок от того, как изменилось квартира с момента моего ухода утром на работу. Уверен, что каждая коробка распакована. Дома чисто, очень вкусно пахнет, и все смотрится гармонично. Но вместе с чувством полного удивления и благодарности я чувствую еще и злость от того, что Эмили, без сомнения, переутомилась из-за проделанной работы.

Пройдясь по квартире, я захожу в спальню и вижу, что моя сестра не отрубилась прямо на кровати вопреки моим ожиданиям. На самом деле, ее вообще нет. Ни в спальне, ни в пустующей комнате, в которой стоят небольшая раскладывающаяся детская кроватка и сумки Эмили. Как, черт возьми, за такой короткий промежуток времени она успела все это сделать? Думаю, подобной силой обладают лишь женщины.

Когда я понимаю, что в квартире Эмили нет, то выглядываю из окна кухни. Уже больше четырех часов, но так как сейчас середина лета, солнце уверенно и ярко светит высоко в небе, щедро поливая своими лучами весь берег. Замечаю свою сестру, одетую в бикини. Она идет вдоль кромки воды и совершенно не обращает внимания на свой округлившийся живот. Я рад, что она не обделена уверенностью в себе, и ее не волнует, что подумают люди, плюс, по правде говоря, она самая красивая беременная женщина, которую я когда-либо видел.

Глядя на сестру, ее счастье и элегантность, что отражаются в каждом ее движении, я с легкостью могу представить, как наша мать была беременна одним из нас. Однажды она рассказала нам, что большую часть беременности мной чувствовала себя ужасно. Изо дня в день ее тошнило. Она очень похудела. Мама говорила, как ее рвало всем тем, что она ела последние два дня, а потом как пыталась очистить мусорное ведро, пока папа был на работе. И она начинала плакать, потому что для того, чтобы уничтожить дурной запах, нужно было приложить очень много сил. Но на шестом месяце беременности все это исчезло, и она говорила, что ничто не ценила больше, чем то, как я пинался ногами у нее в животе, а папа, свернувшись калачиком, пел мне песенки. Я любил слушать эти рассказы, и всегда хотел, чтобы что-то подобное произошло и со мной.

Я хочу чувствовать любовь и ту самую связь, которую могут

испытывать только родители к своему ребенку. И я действительно рад, что у Эмили есть Себастьян. В мире нет человека, более достойного такого счастья, чем она.

Надев шорты, я направляюсь к двери, чтобы присоединиться к своей сестре в этот прекрасный вечер во Флориде. Эмили улыбается, когда я подхожу к ней и обнимаю, благодаря за всю ту тяжелую работу, что она сделала.

– Без проблем, – говорит она.

– Не понимаю, как ты это сделала. Не устала?

– Я поспала, – говорит сестра, пожимая плечами. – Я в порядке.

– Как ты нашла время, чтобы вздремнуть? Я не понимаю, как за такой промежуток времени тебе удалось сделать то, что ты сотворила с квартирой?

Игнорируя все, что я сказал, сестра указывает мне на место достаточно далеко от берега, где плавает пара людей.

– Я хочу искупаться, но ты не думаешь, что тут могут быть акулы? Я представляю, как одна из них съедает кого-нибудь живьем.

Я смотрю на то место, о котором она говорит. После того, как Эмили упоминает об акулах, я призадумываюсь. Стараюсь вести себя так, словно это меня не пугает. Но так как я должен быть мужчиной, то не излагаю своих мыслей вслух.

– Уверен, эти ребята достаточно здесь прожили, чтобы знать наверняка. Не думаю, что они заплыли бы так далеко, если бы это было слишком опасно.

Она кивает, молча соглашаясь со мной:

– Может, мне следует искупаться? Я никогда прежде не плавала в океане.

– Только... не отплывай так далеко. Знаешь, на всякий случай.

– Ты не пойдешь со мной? Ты же тоже никогда ногой не ступал в океан. Это будет первый раз для нас обоих.

– Так и есть, – говорю я ей. – Но я лучше прогуляюсь.

– Испугался? – сестра бросает мне вызов.

Качая головой, я говорю ей:

– Не-а. Просто не хочу плавать, вот и все.

– Да ты боишься, – Эмили расплывается в улыбке, когда выдается случай подразнить меня.

– Нет, я просто не хочу.

– Трусишка.

– Бл*ть, да не боюсь я.

Она отступает и, не глядя на меня, направляется в море. Эмили хочет, чтобы я признал свой страх. Этот стеб присутствует между нами еще с тех пор, как мы были детьми.

– Прекрасно, – говорю я, останавливая ее. – Прекрасно, мне не нравится идея быть растерзанным акулами.

Не успеваю я это сказать, как ребенок рядом начинает кричать и плакать.

– Папочка, этот дядя сказал, что там акулы! – надрывается он. – Он сказал, что они нас растерзают.

Эмили прикрывает рот рукой, чтобы заглушить свой смех. Я же быстро поворачиваюсь к отцу ребенка:

– Нет, сэр, я этого не говорил.

Мужчина встает со своего места и направляется к сыну.

– Нет, Стэнли, здесь нет никаких акул, – последнюю фразу он с рычанием кидает мне.

В этот момент он кажется мне более страшным, чем акула, которая бродила бы по песку. Мальчик продолжает кричать, а я не чувствую ничего, кроме стыда.

Повернувшись к Эмили, я прищуриваю глаза:

– Видишь, что ты заставила меня сделать?

Она снова плюхается в воду, полностью игнорируя мое замечание. Я стою в воде рядом с сестрой, на случай если в воде что-то есть, но не плаваю. Я всегда оберегал ее, и стал делать это более усердно, когда наши родители умерли.

Через час или, может быть, немного больше, Эмили, наконец, вылезает из воды. К тому времени я уже сижу на пляже, готовый вернуться домой. Она хватает полотенце, на котором осталась куча песка, и вытирается.

– Я хочу есть, – говорит она.

Когда я встаю, чтобы вместе с ней направиться в квартиру, Эмили бросает мне мимоходом:

– Я а придумала твой грандиозный поступок.

– А ты не могла сказать это прежде, чем втянуть меня в неприятности с отцом того ребенка?

Сестра ухмыляется.

– Упс, – смеясь, она идет к дому, двигаясь немного впереди меня.

Глава 11

Бренна

Наконец синяки сходят настолько, что следы от них можно скрыть консилером. Сейчас я выгляжу более похожей на себя, чем за всю эту неделю. Если что и изменилось, так то, что мое тело кажется худее, а этого не было в моих планах. Думаю, все дело в приличном количестве алкоголя. Хотя есть и плюсы – спиртное помогло мне собраться с мыслями. Оно расслабило меня, успокоило, а еще заставило засомневаться в каждом действии своей жизни и в том, ради чего стоит рискнуть, а ради чего – нет.

Когда все в моей голове улеглось, я поняла... что мне нравится то, кем я являюсь в этой жизни. А произошедшее на прошлой неделе было лишь помехой. Препятствием, которое нужно преодолеть. И я готова оставить это в прошлом. Мне пришлось пройти через вещи и похуже, гораздо хуже. Ничто не сравнится с тем, когдаходишь в спальню родителей, всю забрызганную кровью. Эхо от выстрелов до сих пор пугает меня, когда я сплю. Так что быть избитой мужчиной рядом не стоит с тем, что мне пришлось пережить в восемь лет.

Лишь благодаря своему прошлому я стала тем, кто я есть. Приемные родители, не единожды избивавшие меня, или те, которые могли исчезнуть на несколько дней, не дав мне ни крошки. Дырявая одежда, в которой мне приходилось ходить в школу четыре дня, так как никто не горел желанием защитить ее, а сделать это самой мне не разрешали. Наркотики, которые я попробовала и тут же возненавидела, переспавшие со мной мужчины, не позвонившие на следующий день. Человек, которого, как мне казалось, я любила, переспавший в пятнадцать лет с моей якобы лучшей подругой и разбившей мне сердце.

Три года назад моя жизнь была отстойной. На самом деле, я не могу подобрать адекватного слова, которое могло бы описать, как прошли мои подростковые годы. То, чем я занимаюсь, а именно, развлекаю мужчин за деньги – это дело всей моей жизни. Потому что здесь нет места для чувств, никто не переходит черту, и мне больше никогда не придется носить одежду из благотворительного центра. Да, моя жизнь далека от совершенства. Я поняла это некоторое время назад, но она идеальна для меня.

Поэтому, очищая прошлой ночью свой желудок, я вспомнила, почему за весь день не пью больше одного коктейля или бокала вина. Вспомнила, почему ненавижу наркотики и другую дрянь, влияющую на мое тело и способность здраво мыслить. Вспомнила, что была сильной, независимой, что дни, в которые я наслаждалась тем, что делаю по жизни, перевешивали

остальные.

Так что сегодня я встаю прямо перед зеркалом, попутно избавляя себя от всей одежды и нижнего белья. С распущенными волосами, макияжем, я рассматриваю то, что от меня осталось. Счастье... личность... вот, чем я живу. Иногда люди платят тысячи за мое тело. И только по этой причине я должна себя чувствовать не меньше, чем на миллион долларов. Не говоря уже о шикарной гардеробной, нижнем белье, да и обо всей квартире в целом.

И двенадцать лет назад, когда я калачиком свернулась рядом с телом своей мертвой матери, мне в голову не могло прийти, что жизнь вот так сложится. Думала, что мне суждено на вечность быть обреченной, хотя, если говорить честно, я никогда не была уверена, хочу ли вообще прожить так долго.

Бывало, я не представляла, как ребенок может прожить без родителей. Мне казалось это трагедией, реальностью, разбивающей твоё сердце. Я встретила не меньше сотни других детей-сирот. Некоторые из них, как и я, попали в детский дом из-за нелепой случайности, других же сдали родители. Никогда не знала, что из этого хуже. Некоторые стали юристами или врачами, другие сами взяли на себя роль приемных родителей, многие стали зависимыми от какой-нибудь дряни или покончили с собой, а остальные... Я не могу сказать точно. Все, что я знаю – мы приняли наше прошлое и позволили ему повлиять на нас, в лучшую или худшую сторону.

И хотя мой выбор профессии у многих вызывает неодобрение... несмотря на то, что случилось на прошлой неделе с мистером Бельведером... несмотря на тот факт, что у меня с трудом найдется хоть один друг, нет детей или семьи, которая бы заботилась обо мне... думаю, прошлое направило мою жизнь в хорошее русло.

Порывшись в шкафу, достаю оттуда черную мини-юбку и красную блузку, а затем бросаюсь на поиски в ящиках черного нижнего белья. Сегодня я последую совету Хиллари. Хотя я не хочу симпатизировать Эверету, но должна признать, что мне нравится его дружба, или, по крайней мере, то, что есть между нами. Никто не отменял моих правил. Я не могу позволить себе влюбиться в него, но из него выйдет прекрасный друг. Так что я одеваюсь, усердствуя немного больше, чем должна бы.

Красная помада ложится на мои губы. Немного парфюма, и я пахну как вихрь ванили и жасмина, а черные туфли от Луи Виттон делают меня выше на три дюйма (*прим. переводчика: примерно 7,62 см*). Разглядываю себя в полный рост в зеркале, на этот раз будучи полностью одетой. Возможно, я немного перестаралась, особенно для наряда, который

должен говорить: «Давай будем друзьями». Но, совершенно точно, я выгляжу уверенно и красиво.

Захватив сумочку, я выхожу из квартиры, запираю дверь и двигаюсь напрямик в лифту.

Когда я спускаюсь на первый этаж, в моем животе появляется что-то, желаемое, чтобы я бросила эту затею. Что-то предупреждающее о трудностях, если я, послушав Хиллари, извинюсь перед Эверетом и помирюсь с ним... если скажу, что снова хочу быть его другом... Если я поделюсь с ним деталями этой истории, Хиллари мне идеально в этом поможет. Сейчас все в моей жизни готово перевернуться с ног на голову.

Может, мне следует сначала сходить в магазин? Тогда все это не будет смотреться так, будто я оделась для него. Ведь я определенно выгляжу не как девушка, решившая просто выйти из своей квартиры. Скорее, все мои старания похожи на подготовку к свиданию. Или к работе. Но уж явно не для встречи с другом.

Я действительно начинаю сожалеть об этом.

Вздохнув, я направляюсь к входной двери. Как только выхожу на улицу, то понимаю, что грузовика Эверета нет на месте. Тут же проверяю свой телефон. Сейчас только четыре часа. Должно быть, он все еще на работе. Я начинаю забывать, что у нормальных людей есть нормальные рабочие дни. С этими мыслями сажусь в машину и еду в магазин, чтобы купить немного продуктов, а по дороге от нечего делать звоню Кэнди. Мне не нужно затаиваться, ибо на этой неделе я так прилично и не поела.

Я ненадолго задерживаюсь в магазине, но когда возвращаюсь, мне в глаза бросается припаркованный белый грузовик. Тут же ловлю себя на мысли, что хочу знать, откуда приехал Эверет, как развлекается, не считая случайных концертов, кантри-музыки и рыбалки. Мне любопытно, мечтает ли он о жизни в деревне и как ему живется сейчас на пляже. Ненавижу это свое желание знать как можно больше о нем, а еще больше то, что мне будет не так просто задать все интересующие меня вопросы. Не потому, что мы не созданы друг для друга как друзья, а из-за того, что я боюсь его ответных вопросов.

Это целиком моя вина и, может быть, со временем я смогу больше открыться ему. Сейчас же это кажется сложным, поэтому за своими раздумьями мне требуется немало времени, чтобы выйти из машины. Я отношу домой все продукты за один раз, так что когда возвращаюсь вниз по лестнице, мои нервы кажутся еще более натянутыми, чем были раньше.

Выпрямив плечи и высоко подняв голову, с уверенностью подхожу к квартире Эверета. Я задерживаю свой кулак у его двери на пару секунд,

прежде чем мне хватает, наконец, смелости постучать. Мое эго сейчас будто стоит на тонком льду, умоляя поскорее уйти без извинений, каких-либо объяснений или желания сделать хоть что-то правильное. А потом оно вообще сдувается, когда никто не отвечает.

Я стучу еще несколько раз, но, простояв здесь несколько мучительных минут в полном одиночестве, решаю, что он, должно быть, еще не готов простить и забыть все то, что я наговорила. Не желая оставаться совершенно одной в своей пустой квартире, принимаю решение пойти подышать свежим воздухом на заднем дворе.

Воздух сегодня влажный, но не обделен тем самым нежным ветерком, присущим побережьям. Я сижу на скамейке, так как одета не совсем подобающе для лежания на пляже. Скрещиваю свои лодыжки и смотрю вокруг, наблюдая, как люди, не думая ни о чем, беззаботно развлекаются, будто для этого у них нет других мест. Потом я вижу улыбающуюся беременную женщину, плескающуюся в воде. В ней есть что-то привлекательное, даже немного знакомое. Разглядев ее повнимательнее, я завидую ее уверенности, возможности беззаботно играть в океане, пока ее беременный живот закругляется под бикини, и ее улыбке, которая каким-то образом заставляет и тебя захотеть стать счастливым.

До тех пор, пока я не вижу, кто заставляет ее смеяться... Эверет.

Мое сердце тут же наполняется болью, разрывая грудную клетку и комком упав на землю. Как будто рой пчел бьет в бетонную стену, что я выстроила, готовый разнести ее в пух и прах.

И возможно, только возможно, что я немного драматизирую. Однако я даже не подозревала, как больно мне будет увидеть Эверета с кем-то еще. С кем-то, кого он безумно любит. Вы можете видеть это в его взглядах на эту женщину. Неудивительно, что он даже не пытается наладить со мной отношения.

Я сижу и наблюдаю за ними, несмотря на ноющую боль. И скажу вам честно, это как раз то, что мне нужно. Напоминание о том, что Эверет не для меня. Свидания, отношения, будущие дети – все это часть той жизни, что не предназначена мне. Той жизни, которой у меня нет и никогда не будет. Так что смотреть, как Эверет передает ей полотенце, когда она выходит из воды, дает мне уверенность, что все в этом мире правильно. Очевидно, что они принадлежат друг другу, а у меня нет и шанса. Даже на секунду.

И теперь я понимаю, что, когда он говорил, что хочет быть лишь другом, Эверет именно это и имел в виду.

«Тогда что насчет того случая, когда он держал твою руку?» –

начинает спорить со мной подсознание. – «Это было лишь для того, чтобы мы не потеряли друг друга в той толпе», – пришлось мне себе напомнить.

Меня чуть не подлавливают из-за глупых издевок над самой собой. Я вижу, что Эверет и его жена направляются в мою сторону, чтобы зайти внутрь. Быстро, как только могу, встаю со своего места. Но не успеваю сделать и трех шагов, когда мои туфли скользят, заставляя широко расставить ноги. Полагаю, что в этот момент я выгляжу как Бэмби, в первый раз оказавшийся на льду. Тут же падаю на колени и ощущаю ту самую боль в коленях, которая возможна лишь от прикосновения с асфальтом.

– Черт! – шиплю я, пропуская воздух между зубов.

Перевернувшись, сажусь на землю, чтобы изучить повреждения. Но гораздо более крупный урон мое эго переносит, когда я слышу:

– Ты в порядке?

Глядя вверх, понимаю, что Эверет видел мое элегантное падение. Его девушка стоит, прикрывая рот ладонью, стараясь сдержать смех.

– Ага, – говорю я с горечью.

Он протягивает мне свою руку, но я ее не принимаю. Нелегко подниматься в одежде, которую я выбрала, но мне все же удастся сделать это с той небрежностью, на которую я только способна. Мне приходится отряхивать песок со своих ног и задницы, при этом стягивая пониже свою юбку. Закончив, я выпрямляюсь с высоко поднятой головой.

– Мне было интересно, как ты? – говорит Эверет, будто ничего не произошло. – Я хотел зайти и увидеть тебя, но не думаю, что тебе хотелось побыть в моей компании.

С момент разглядываю его девушку, а потом говорю:

– Похоже, у тебя были дела поважнее. Я в порядке. Все просто прекрасно, – и когда я слышу голос Хиллари, утверждающий, что мне нужны друзья, и что я должна перестать отталкивать от себя людей, то решаю добавить, – но спасибо, что спросил.

Кажется, что-то в нем пробуждается в ответ на мои слова, но он не спешит делиться этим. В любом случае, он не может этого сделать, потому что его беременная девушка или жена выглядывает из-за него и говорит:

– Привет. Я Эмили. А ты, должно быть, Бренна, – она встает рядом с Эверетом, слишком уж любезно мне улыбаясь.

– Это я. Приятно познакомиться, – наверное, сейчас мне следует улыбнуться, но я этого не делаю.

Что-то в ней больше не заставляет чувствовать зависть, вместо этого я чувствую... горечь.

– Хорошо. А сейчас мне пора идти, – говорю я Эверету. Впопыхах стараюсь придумать какую-нибудь отговорку, которая бы оправдала мой побег. – Мне нужно поменять наполнитель в кошачьем туалете Снагли.

Чувствую, как лицо краснеет от сказанного, но больше на нем нет ни одно признака, выдающего мой стыд.

Я вижу, как мужчина старается сдержать смех, при этом никак не комментируя мое заявление. Слава богу!

– Ну... – замолкает он, оглядываясь на Эмили, прежде чем снова взглянуть на меня. – Хочешь присоединиться к нам за ужином?

Меня шокирует, что он спрашивает об этом. Видимо, у него ко мне вообще нет никаких чувств. И если честно, я разочарована в себе за одну лишь мысль о том, что это возможно, а еще больше, что мне нравится мысль, если бы эти чувства действительно существовали. В любом случае, теперь, когда я с полной уверенностью убедила себя, что то, как я проживаю свою жизнь, а именно, без нужды в ком-то, с кем можно было бы совместно провести будущее, меня полностью устраивает, то решаю, что, возможно, мне лишь стоит извиниться за свое поведение в последнюю неделю и за то, что я порвала любые связи с ним.

– Слушай, я лишь хочу сказать, что искренне сожалею о прошлой неделе. Мне не следовало так срываться на тебя, когда ты просто пытался помочь. А теперь я, вспоминая то, как отреагировала, понимаю, что перешла черту. Ты по-соседски старался поддержать, был озабочен всей этой ситуацией, и я ценю это. Я не могу поблагодарить тебя сегодня, но надеюсь, что у тебя будет хороший вечер с твоей...

И прежде чем я успеваю что-либо сказать, девушка исправляет мое предположение:

– Сестра. Я его сестра.

– С твоей сестрой, – я киваю головой, стараясь лишний раз не чувствовать себя неловко. Видимо, это все, что я могу сейчас сделать для себя. – Наслаждайся ужином со своей сестрой. Ну а мне нужно к Снагли.

– Чтобы поменять наполнитель в ее туалете? – спрашивает Эверет с самодовольной улыбкой.

Я чувствую, что мое лицо покрывается румянцем. Оно загорается в одно мгновение.

– Помимо всего прочего.

Он усмехается себе под нос:

– Скоро увидимся.

– Было приятно познакомиться, – говорит Эмили. – Я много слышала о тебе, и мне было интересно сопоставить лицо и твое имя.

Глаза Эверета сразу же увеличиваются в размерах, а мой желудок крутит сальто. Этого определенно не следовало делать. Стараюсь хоть как-то выкрутиться. Это лучшее, что я сейчас могу.

– Эм... да... взаимно.

– О, так ты слышала обо мне? – спрашивает она невинно, и я понимаю, что на самом деле ничего о ней не знаю, и мне следует сказать правду, которая в свою очередь смутит меня еще больше.

Я больше не вынесу этого разговора. Глядя на Эверета, вижу, что он ждет, когда я скажу правду. Ненавижу его за это. Снова посмотрев на Эмили, я качаю головой:

– Нет, – говорю ей. – На самом деле он ничего не упоминал о своей семье. Я предположила, что у него ее вообще нет. Ты откуда?

Девушка шлепает по его руке.

– Ты не сказал о своей любимой сестренке? Какого черта? – она говорит это таким шутливым тоном, что я снова ей завидую.

Эверет смотрит вниз на нее, а уголки его губ приподнимаются.

– Ты моя единственная сестра, – он перемещает взгляд на меня, приподнимая брови.

– Спасибо за то, что втянула меня в неприятности.

Пожимая плечами, отвечаю:

– Твоя вина. Не моя.

Мужчина все еще смотрит на меня, но ничего не говорит. Наверное, потому что Эмили все еще продолжает щебетать.

– Его единственная сестра, которая носит его единственного племянника. Наша семья небольшая, но мы есть друг у друга. А у тебя есть братья или сестры?

– Нет.

– Должно быть, тебе ужасно одиноко, – она надувает губы в жалобном жесте. Не то, что мне нужно.

– У меня есть подрастающие братья и сестры, просто они мне не родные, – в момент, когда слова вылетают из моего рта, я понимаю, что открываю ту часть своего прошлого, которой с трудом делюсь с Кенди или Хиллари.

Я не люблю распространяться о том, что выросла в приемной семье. Я сбежала оттуда перед восемнадцатилетием, что могло бы навлечь на меня много бед. Это во-первых. Во-вторых, я не хочу, чтобы кто-то копался в моем прошлом. Но опять же, я не вижу, чтобы Эмили хотела это делать. Эверет – возможно. Может, если я дам ему несколько намеков тут и там, то у него пропадет желание рыться в том, что ему знать не нужно.

– Я... не понимаю, – отвечает Эмили.

– Приемная семья, – добавляю я. И мне почти больно это признавать.
– Почти десять лет я провела в приемных семьях. За это время у меня появилось много братьев и сестер, но ни один из них не является кровным родственником, и ни с кем из них я больше не общаюсь. Так что нет, никаких родственников.

Они оба замолкают на секунду, а затем Эмили улыбается так, будто ничего и не произошло.

– Я всегда хотела сестру. Кого-то, кто не будет засовывать лягушку в твой купальник, когда ты плескаешься в озере, или не накидает муравьев в твоей сэндвич на пикнике, который ты всеми силами старался сделать идеальным, а еще не обрежет тебе одну косичку за день до того, как ты должна была сфотографироваться для школьного альбома, – она впивается глазами в Эверета, когда тот, демонстративно отвернувшись от нее, что-то насвистывает. – Мальчишки – отстой!

Затем она гладит свой живот и говорит:

– Но ты же не будешь таким, да? Ты не будешь делать все эти ужасные вещи. Ты будешь особенным маминым мальчиком, невинным и совершенным.

Эверет фыркает:

– Не учи его быть засранцем

– Что? – она смотрит с ужасом. – Как ты вообще мог это сказать?

– Ты собираешься вырастить ребенка, которого потом засунешь себе в задницу. Ему нужно лазить по деревьям и играть в мечи с палками.

– Он выколет себе глаз!

– Хорошо, мамочка, – одаряет он ее острым взглядом. – Хорошо, что меня не будет рядом с ним, я-то уж научил бы его, что значит быть мальчишкой.

Затем она громко сглатывает, разочарованная чем-то, что должно было быть смешным. Мне немного неловко, но по непонятным причинам я не могу отвернуться от их перепалки.

– Почему ты такой вредный?

– Я не вредный. А просто утверждаю, что ребенок не должен быть маменькиным сынком, он должен обыскивать дом и играть в грязи, разрезать змей и учиться стрелять из пистолета. Он должен делать эти вещи, а не печь печенки и смотреть программы по «Lifetime» (прим. переводчика: *Lifetime* – Американский кабельный телеканал, специализирующийся на фильмах, комедиях и драмах, где главные роли играют исключительно женщины).

– Ты вредина, – видимо, это все, что ей удастся придумать.

А я не имею голоса в этом споре и вообще не хочу никому давать советы о том, как воспитывать ребенка, и мне чертовски хорошо известно, что даже если бы моя жизнь зависела от этого, я бы не смогла это сделать.

Эверет качает головой:

– Нет, не вредина. В любом случае, – глядя на меня, он ухмыляется, и я снова чувствую себя неловко, – так как мы все-таки не добрались до рыбалки, а прошла уже целая неделя, не хочешь ли ты выбраться куда-нибудь... скажем, в эти выходные?

Кэнди по телефону говорила, что Уинстон хочет что-то организовать в пятничный вечер из-за того, что отменил его в прошлую субботу. А еще у нее был назначен новый клиент на субботу, которого она должна будет сопровождать на благотворительном ужине.

– Думаю, в воскресенье днем – самое то.

Эмили прыскает от смеха:

– Ты просто выводишь всех из себя, да?

Она проходит мимо нас, оставляя меня в полном недоумении, что же сейчас произошло? Эверет в отчаянии проводит рукой по лицу.

– Что это с ней? – спрашиваю я, неуверенная, действительно ли хочу это знать.

– Гормоны беременности.

– Я не понимаю.

– Ну, когда ты беременна, гормоны в твоём...

– Это мне понятно, – перебиваю его. – Я имею в виду, почему она сказала, что ты меня выводишь?

Его серые глаза с секунду смотрят на меня, а по выражению его лица сложно что-то понять.

– Когда ты упомянула воскресенье... ты сказала это так, словно выбраться со мной куда-то было нелепой идеей. Возможно, она подумала, что я расстроил тебя... снова.

Я даже не знаю, что сказать на это...

– Мне не хотелось, чтобы это так прозвучало. Просто у меня есть планы на эти выходные, и я старалась придумать, какой день бы подошел больше.

– Так ты хочешь погулять со мной? – мне ненавистно то, с какой надеждой Эверет смотрит.

– Ну, это не то, что мне хотелось бы обязательно сделать, это...

– Не делай мне одолжения, – вдруг его голос из гладкого и сладкого снижается до раздраженного и расстроенного.

До меня слишком поздно доходит, что неправильного я сказала.

– Это не то, что я имела в виду, – в спешке говорю я.

Он не обращает на это внимания.

– Не беспокойся. Эмили уезжает через два дня, и я хочу провести с ней побольше времени, – он начинает отдаляться от меня.

И мне следует позволить ему уйти, разорвать отношения, но по какой-то чертовой причине я все-таки хватаюсь за его рубашку и не позволяю отойти. Остановившись, Эверет смотрит сначала на мою руку, а затем медленно продолжает свой путь к моим глазам. Я стараюсь умолять его только своим взглядом.

– Все пошло не так. Я хочу погулять с тобой, но просто... – в раздражении опускаю свою руку.

– Бренна, – я смотрю на него, когда он произносит мое имя, вкладывая в него какой-то особый смысл, – я не заставляю тебя тусоваться со мной. А если ты все-таки согласишься, то я не заставлю тебя делать вещи, которые ты не захочешь. Друзья, помнишь?

Его слова вызывают у меня улыбку. Могу поклясться, что он искренен в том, что говорит, и я благодарна, что он понимает мое беспокойство. Кивая, я говорю:

– Друзья.

– Так что, если ты хочешь потусоваться со мной в воскресенье – прекрасно, а если нет... что ж, может быть, в другой раз. Я буду для тебя достаточно хорошим, – он пытается выкрутиться, показывая мне свою улыбку, но ничего не выходит. Ясно, как день, что он хочет больше, чем просто дружбу, но сейчас я это игнорирую.

– Ты уже очень хороший, – поправляю его я. – Воскресенье подходит идеально, – и прежде, чем из меня вырвется что-нибудь еще, добавляю. – Ну а сейчас мне действительно пора идти. Было приятно повидаться.

Затем я ухожу, понимая, что итак слишком сильно облажалась. И это скажется на нас обоих.

***

Я засовываю ароматную куриную лапшу в микроволновку, прежде чем ответить на сообщение. Хиллари хочет знать все подробности моей встречи с Эверетом, включая то, как я могла додуматься, что Эмили – это его беременная девушка. Я же, в свою очередь, не пропускаю ни одной детали, даже те, которые были самыми неловкими.

Она называет это романтикой, а я – пафосной перепалкой. Она считает, что это задумки самой судьбы, чтобы нам в нашем прекрасном

будущем было что рассказать несуществующим внукам, а я напоминаю ей, что ничего прекрасного в моем будущем не будет, как и детей. Читаю последнее отправленное Хиллари сообщение: «Так что же вы собираетесь сделать в воскресенье?»

В то время, когда я начинаю печатать, что у меня нет ни малейшего понятия об этих планах, кто-то стучится в мою дверь. Оглянувшись, смеюсь про себя. Если это Эверет, то он увидит, что ткани в моей пижаме не так уж и много. Это лишь светло-розовые шелковые шортики и маечка в цвет. По-крайней мере, на этот раз я надела лифчик.

Я заглядываю в дверной глазок и вижу, что это не Эверет, а его сестра, и понимаю, как они с ним похожи. Открывая дверь, улыбаюсь Эмили:

– Привет.

– Привет! Эм... знаешь, я приготовила больше еды, чем нужно. Уверена, что не хочешь присоединиться к нам за ужином?

– Ох, я вижу, что провокации – это ваша семейная черта. Спасибо за приглашение, но я как раз в процессе приготовления своего ужина.

– Это – не ловушка, я просто подумала, что было бы неплохо тебя пригласить.

Микроволновка тут же подает сигнал, что мой суп готов. Брови Эмили взлетают вверх вместе с уголками рта:

– Что ты готовишь?

– Суп.

– О, вкуснятина. Хорошо, но если ты хочешь обжаренные во фритюре куриные крылышки в кляре, то спускайся. Было бы здорово с тобой познакомиться поближе. А если ты не голодна, то мы как раз собирались сыграть в пятикарточный дро, и ты могла бы присоединиться.

Я с подозрением смотрю на нее:

– Пятикарточный дро? Никогда не слышала.

– Покер. Ты никогда не играла?

– Можно и так сказать.

– Прекрасно. Прихвати свой суп и... одежду, – она смотрит на мою пижаму или, точнее, на ее отсутствие. – И присоединяйся к нам.

Я уже начинаю думать, что не Эверет подослал ее, как мне сначала показалось, а все это исключительно идея Эмили.

Усмехаюсь в ответ на ее слова:

– Пас. Нет настроения для посиделок в компании. Но я ценю твое приглашение, правда, но думаю, что сегодня мне лишь хочется посидеть и расслабиться.

Все те милые искорки, что были в глазах Эмили, разом испарились.

– Послушай, что происходит между тобой и моим братом? – она скрещивает руки.

Я вижу, что делает она это в защитном жесте, поэтому сглатываю кусочек страха, застрявший в горле. Она думает, что я играю в игры. Но это не так уж и далеко от правды.

– Мы просто друзья.

– Друзья играют в покер, – усмехается она.

– Я понимаю, почему ты обороняешься. Ты защищаешь свою семью, и я не виню тебя за это. Если бы у меня был брат, я бы вела себя точно так же. Тебе не стоит обо мне беспокоиться. Отношения с ним меня не интересуют, как и все остальное, поэтому и я держу некую дистанцию. Я не давала ему каких-то намеков или надежд на то, чего быть просто не может. Я не развожу его. Даже не флиртовала с ним, если уж на то пошло. Пытаюсь ограничить свое время с ним, границы не пересекаются, а чувства не задеваются.

Девушка громко вздыхает и выпрямляет руки, начиная неосознанно потирать свой живот.

– Ты ему нравишься, Бренна. Возможно, больше, чем просто друг, но он этого не скажет. Я видела, как он наблюдал за тобой через кухонное окно, как он произносил твое имя, слышала, как он говорил с тобой. По всему этому было несложно догадаться, как он к тебе относится. Как бы ты сама к нему не относилась, он влюбляется. И если ты честно не хочешь отношений с ним, то, возможно, тебе и вовсе следует отойти. Ничего из разряда «давай будем просто друзьями». В вашем возрасте парни и девушки не могут быть просто друзьями, не пересекая никаких границ.

– Я всегда была с ним честной, – начинаю защищаться я, но она продолжает.

– И он воспринимает это как игру, в которой сложно победить. Возможно, это и сыграло большую роль в том, как сильно ты его зацепила. Могу я спросить почему? Почему ты не хочешь отношений с моим братом?

Мне не нравится, что этот разговор происходит на территории моей квартиры, тем более, что, по сути, он происходит в дверях.

– Если мы собираемся это обсудить, то не лучше ли тебе войти и сесть?

Без слов Эмили заходит и идет прямоком на кухню. Она устраивается на барном стуле, в то время как я достаю свой ужин из микроволновки и хватаю вилку, присаживаясь рядом с ней. Я перемешиваю лапшу, думая, что сказать, не сильно углубляясь в подробности.

– У меня ужасное прошлое, а последние двенадцать лет были...

отвратительными. Большую часть времени я сама себе не нравлюсь. У меня есть некоторые... пристрастия, секреты и привычка до себя докапываться. У меня не так много друзей. Есть работа, которую я люблю, и она обеспечивает мне много денег, и я не хочу, чтобы твой брат нарушил такой ход событий. Ему не удастся принять меня такой, какая я есть. Он смотрит на меня и видит лишь красивую оболочку, милое лицо и игру, как ты это назвала. Он не видит меня, не видит мои шрамы и то, что я могу причинить ему такую боль, из-за которой он будет обижаться на меня еще несколько лет. Оно того не стоит, ни для кого из нас.

Как это сделала бы мама, Эмили берет мои ладони в свои и сильно сжимает их. Ее глаза пытаются прочесть мои. Я вижу в них жалость, и это не то, что мне нужно. Я лишь хочу, чтобы она увидела все так, как есть, и возможно, смогла бы найти способ, как бы помягче поговорить с Эверетом. Я сказала больше, чем хотела бы, но мне это нужно. Давая еще одну причину, по которой мне следует держаться от них подальше, я постоянно предоставляю слишком много подсказок о том, кто я есть.

– Что случилось с твоими родителями? – спрашивает она.

Закрыв глаза, я качаю головой для того, чтобы выкинуть эти мысли из своего сознания. Каждый раз, когда меня спрашивают нечто подобное, включая вопросы о приемной семье, в голове сразу возникает картина безжизненных тел моих родных, окрашенных в малиново-красный цвет.

– Это неважно, – открываю глаза и чувствую влагу, которая уже готова скатиться по моим щекам, так что пытаюсь ее сморгнуть. – Это все в прошлом.

– Наши родители погибли в автокатастрофе несколько лет назад. Это был день моего выпуска. Они поехали, чтобы увидеть, как я получаю диплом. Перед концом церемонии начало немного моросить. Я сказала им, что на выпускной вечер поеду с подругой Сашей. Пара родителей организовала небольшую вечеринку для ребят. Видимо, тормоза в машине были испорчены, но этого на самом деле никто не знает, Дорога была мокрая от дождя, и наши родители проехали на красный свет. Тут же через перекресток проехал большой грузовик. Все погибли на месте.

Ненавижу то, что ее история заставляет мои слезы катиться по лицу. Но Эмили тоже плачет. Мы обе сидим и какое-то время проливаем слезы, уставившись друг на друга.

Впервые за многие годы я рассказываю о том, что случилось, чувствуя, что Эмили сохранит мою историю в тайне, а не будет сплетничать о ней с кем-то, особенно с Эверетом.

– В ночь перед моим восьмым днем рождения я услышала, как

родители спорили о чем-то. Я зашла на кухню, чтобы проверить, все ли в порядке, но все, что могу вспомнить – это как отец хлопнул дверью холодильника и с пивом в руках пронесся в гостиную. Моя мама сидела за кухонным столом, держа в руках толстый конверт, и плакала. Я спросила, все ли в порядке, и она посмотрела такими же зелеными, как у меня глазами, в мою сторону, отчаянно стараясь улыбнуться в ответ. Мама кивнула головой и сказала, что это лишь глупая ссора, которую переживают каждые родители, а потом велела мне чистить зубы и ложиться спать. На следующее утро должен был быть мой день рождения. Я была так взволнована по этому поводу, да еще и друзья из двух других городов собирались приехать. Я попросила в подарок водную горку и велосипед. Я знала, что последний мне точно подарят, так как в тот день заглянула в гараж и увидела его, частично прикрытый покрывалом, – я улыбнулась воспоминаниям.

– Он был фиолетово-черный с небольшой корзиной. Такой я обвела в кружок в газете объявлений месяц назад. И я удивилась, что, несмотря на все их разговоры о том, как опасны велосипеды, они все же купили мне его. Всю ночь из-за волнения я не могла уснуть. Помню, как взглянула на часы, показывающее время после полуночи. Официально настало мое восьмилетие. Одна только эта мысль взбудоражила меня еще больше, поэтому я вылезла из кровати. Лунного света было достаточно, чтобы осветить комнату. Я схватила несколько Барби и начала тихо играть. А затем услышала мамин крик. Такой, от которого кровь стынет в жилах. Я тут же застыла на месте и стала внимательно слушать. Казалось, словно она умоляла отца остановиться, но я не очень хорошо поняла. Затем послышался громкий хлопающий звук. Спустя пару секунд послышался и второй, а затем... тишина.

Эта часть всегда была для меня самой трудной. И чтобы продолжить, мне приходится бороться с мыслями на секунду. Смотрю вниз на свой суп и бездумно помешиваю его вилок. Мне нужно задержать свое внимание на чем-то другом помимо боли:

– Через несколько минут я отправилась посмотреть, что это был за звук. Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что произошло. Мама лежала на кровати, в руках держа нашу совместную фотографию двухгодичной давности. А отец лежал рядом с ножкой кровати, распластавшись на полу. У обоих огнестрельные ранения, покрытая кровью одежда, оба совершенно спокойные и бездыханные.

Слышу вздох Эмили, который напоминает мне о том, что я не переживаю все это заново, а лишь пересказываю кому-то, кто не является

адвокатом. Я останавливаюсь на этом, не в состоянии сказать ничего больше. Я и так поделилась многим. Возможно, даже слишком многим. Смотрю на Эмили. По нашим лицам текут слезы.

– Пожалуйста, пусть это останется между нами. Пожалуйста. Не хочу, чтобы Эверет узнал.

– Почему? – шепчет девушка еле слышно.

– Он будет осуждать меня. А потом и моего отца. Я не знаю ответов, мне известно лишь то, что он не был таким человеком. Он любил мою маму, любил меня. И... мне все еще больно.

Эмили соскакивает с табурета, чтобы крепко обнять меня, пока я рыдаю. Я никогда не делилась этим даже с Хиллари и сейчас почти ненавижу себя за то, что рассказала сестре Эверета. Но как бы то ни было, даже пожалев, что я рассказала ей, мне становится намного комфортнее, чем за все эти десять лет, стоило только ей обнять меня. Так что я позволяю нам побыть в этом положении некоторое время. Пока она не отпускает меня, а в груди снова не начинает разливаться это ощущение пустоты.

– Полиция так и не выяснила, почему все это произошло? – спрашивает она, снова залезая на табурет.

Из меня вырывается горький смех:

– Конечно, потому что им, якобы, есть до этого дело. Нет, они лишь отправили меня к тете, которая спустя неделю решила, что не в состоянии справиться с постоянно плачущим, скорбящим ребенком, а затем отослала в приемную семью. Я пыталась сказать детективу, что они были жестокими, но он лишь пожимал своими плечами и говорил, что если бы я вела себя достойно, то они бы не были такими. И я пыталась, но их гнет не заканчивался. Некоторые семьи были нормальными, другие – нет, но с этого момента я поняла, что нельзя доверять копам. Они никогда не хотели помочь мне или докопаться до причины смерти моих родителей. Я ненавижу полицию. Думаю, что они... эгоистичные напыщенные придурки.

– Ох, – вырывается из нее.

Она выглядит почти обиженной. А я возвращаюсь в тот момент, когда сказала Эверету, что не доверяю копам, и вспоминаю выражение его лица после этих слов, и складываю два и два. С громким вздохом я прикладываю ладони ко рту.

– Ваш отец был копом, да? О, Господи, прости, – я отнимаю руки от лица и в отчаянии начинаю качать головой. – Тогда все понятно. Неудивительно, что Эверет так расстроился, когда я сказала, что не

доверяю полиции. Не в обиду ему, я вовсе не считаю, что все они плохие. Просто у меня был не лучший опыт с ними, вот и все.

Эмили начинает улыбаться, но я вижу, что ее улыбка фальшива.

– Все в порядке. Без обид, честно. Тот опыт с полицейскими, что был у тебя, просто ужасен. Но ты права, не все они плохие.

Она кусает свою губу и снова спрыгивает с табуретки:

– Наверное, мне следует вернуться к Эверету. Уверена, он уже приступил к еде и задается вопросом, где я. Когда дело касается меня, он становится немного опекающим.

– Знаешь, тебе повезло, что у тебя есть кто-то, кто о тебе заботится.

Она усмехается и кладет руку мне на бедро, заглядывая в глаза:

– Если бы ты впустила его, то он бы оказывал ту же заботу по отношению к тебе. Ты думаешь, что твоя жизнь паршива, но все то, что случилось, сделало тебя тем, кто ты сейчас, и, по-честному, я думаю, что ты настоящая молодец. Ты сильная и уверенная, и очевидно, рвала жопу, чтобы заработать на такую квартиру самостоятельно. Но если ты закрываешься от Эверета лишь потому, что думаешь, что таким способом защищаешь вас обоих, то ты все делаешь неправильно. Попробуйте! Худшее, что может произойти – это то, что у вас ничего не получится. Но по-настоящему паршиво, если вы даже не попытаетесь.

С этими словами все мои причины не быть с ним буквально вылетают в окно. С минуту я сижу и обдумываю все то, что она сказала. На ум не приходит ни одной причины, почему бы не попытаться, помимо работы. Возможно, история моей жизни не так уж и плоха. Ведь прошлое на то и прошлое. Но то, чем я сейчас занимаюсь... я не хочу, чтобы он об этом узнал.

У большинства моих клиентов есть роман на стороне, но они все же продолжают любить своих вторых половинок. Возможно, и я смогу. Возможно.

– Подожди! – окликаю я ее. Эмили останавливается, закрывая за собой дверь, и смотрит на меня с нескрываемым любопытством. – Сначала я возьму футболку, а потом приду поиграть с вами в карты.

Ее улыбка растягивается от уха до уха. Она знает, что подловила меня.

Глава 12

Эверет

Шагая туда-сюда, я поглядываю на часы. Эмили нет уже пятнадцать

минут. Почему так долго? Она пошла спросить Бренну, не хочет ли та присоединиться к нам за ужином, а не допрашивать ее. Я должен был догадаться, что это плохая идея. Должен был знать, что моя неугомонная сестрица присядет и задаст Бренне тридцать вопросов, в лучшем случае напугав ее.

Я даю ей ровно пять минут, чтобы прийти обратно, а иначе сам поднимусь забрать Эмили. А затем потребую, чтобы она перестала вмешиваться в мою жизнь. Ведь понятно, что Бренна не хочет никаких отношений со мной. Если бы хотела, то придумала бы лучшую отмазку, чтобы не приходиться. А не фуффло, вроде «мне надо сменить наполнитель в кошачьем туалете».

А я-то думал, что у нас что-нибудь выйдет.

Мне уже двадцать шесть. Ясное дело, что она моложе, но мне не кажется, что намного. И я уже готов остепениться, мне надоело быть холостяком. Готов возвращаться домой после напряженного рабочего дня и расслабляться с женщиной своей мечты, лежа на диване и просматривая различные шоу по телевизору, поглощая при этом ужин. И закончив, направляться в спальню, чтобы сделать друг другу массаж, а потом, уставшими, ложиться в постель, не способными ни на что большее.

Черт! Меня заводит одна простая мысль о Бренне в моей спальне. Поправляю штаны, чтобы не было видно, как мой член с каждой секундой увеличивается. Особенно зная, что в любой момент может зайти моя сестра. И, на самом деле, лучше бы она так и сделала.

Потому что остается три минуты.

Может быть, я просто впустую трачу свое время? Бренна ясно намекнула, что не хочет меня. Черт, да она даже не намекает, а говорит об этом прямо! Не хочет отношений, не хочет ничего большего, чем просто дружба, не хочет пересекать черту. В глубине души я надеялся, что она лишь играет в труднодоступную девушку, но теперь начинаю думать, что это вовсе не уловка. Ее невозможно получить.

А это значит, что она, как никто другой, заслуживает любви. Но я не могу рисковать тем, чтобы весь мой мир вращался вокруг девушки, которая не хочет иметь со мной ничего общего. Может быть, мне следует сдаться?

Остается две минуты.

Дело в том, что я не хочу сдаваться... вообще.

Я не должен думать об этом прямо сейчас. Я должен есть курицу и жареный картофель, приготовленный Эмили, и пить пиво, пока мы играем в покер. Просто должен наслаждаться временем с Эмили, пока она не уехала. Бренна должна быть последним человеком, о котором мне следует

сейчас думать.

Но в последнее время она заняла первое место в моих мыслях. На работе, по дороге домой, в душе и перед сном я думаю о ней.

Одна минута.

Некоторые мысли грязные, намного грязнее, чем должны быть, некоторые игривые, другие вызваны просто любопытством. В любом случае, все из них она перетянула на себя. И это убивает.

Тридцать секунд. Я поднимаюсь.

Достав свои ключи, иду прямо к двери, но на мгновение, прежде чем открыть ее, слышу отголосок смеха по другую сторону. Ох, я знаю этот смех. Я собирался влюбиться в этот смех.

Дверь открывается, и в нее заходят улыбающиеся Эмили и Бренна, хотя последняя покрыта пятнами, будто успела поплакать. Смотрю на Эмили с любопытством, но не думаю, что она заметила. Уверен, что получу все подробности позже. Вероятно потому, что вытрясу их из нее.

– Вижу, Эмили заставила и тебя втянуться, – говорю я Бренне.

Она игриво закатывает свои глаза:

– Мне обещали еду и бухло.

– Ну, кажется еда уже остыла, но у нас все еще есть эти две вещи.

– Она собиралась съесть «Доширак», – говорит Эмили, и ее лицо кривится при одной только мысли об этом.

Особенно вспоминая, что это все, что есть в моих кухонных шкафчиках, я пожимаю плечами:

– Бывает.

Мы наполняем свои тарелки, и я беру пару бутылок пива, чтобы поставить на стол.

– Надеюсь, тебе нравится пиво, – говорю я Бренне. – Если нет, то уверен, что где-то здесь завалялось немного виски.

– Я люблю пиво, спасибо.

Я протягиваю ей одну бутылку. То, как она подносит стеклянное горлышко к своим губам и запрокидывает голову, делая глоток – самая сексуальная вещь, которую я когда-либо видел. Мне нравится, что она не против пива. Многие девушки воротят от него нос. А еще больше мне нравится то, как она улыбается, ставя бутылку на стол.

Мы все приступаем к еде, которую приготовила Эмили, и это лучшее, что я ел с самого переезда во Флориду, даже лучше еды в «Стейк-хаусе», в который направила меня Бренна.

Как только мы заканчиваем с едой и убираем со стола, Эмили приносит колоду карт. Поскольку она расставила все в этом доме по-

своему, я понятия не имею, где что лежит. Думаю, у меня заняло бы около месяца, чтобы разобраться, и это еще в том случае, что половина вещей так бы и осталась неразложенной по местам. Я очень благодарен Эмили, что она сделала то, что я бы не смог. Не знаю, как буду жить, когда она уедет домой.

Садясь за стол, Бренна смотрит на меня с виноватой улыбкой.

– Не уверена, что знаю, как играть, – добавляет она.

В ней что-то изменилось. Она не кажется такой... холодной.

– Без проблем, я тебя научу.

– Возможно, мне следует тебя научить, – забавляется Эмили, – я в этом намного лучше, чем он.

– Она думает, что лучше меня. И даже не понимает, что каждый раз я лишь позволяю ей выиграть, – притворяюсь, что шепчу это, прекрасно зная, что Эмили меня слышит.

Сестра подходит и дает мне приличный подзатыльник, прежде чем сесть рядом со мной. Бренна тихо хихикает.

Высунув карты из упаковки, Эмили начинает тасовать их, попутно рассказывая правила. Тем временем я делю фишки.

– Хорошо, раз ты слева от меня, тебе придется платить малый блайнд, а так как Эверет находится слева от тебя, то он должен заплатить большой блайнд (*прим. переводчика: малый и большой блайнд – две обязательные «слепые» ставки, которые игроки делают в тех видах покера, где используется система «слепых» ставок*).

Я показываю Бренне, что Эмили имеет в виду. Деля по пять карт на каждого из нас, она располагает все так, как должно быть. Мы делаем первые ставки.

Эмили продолжает объяснять Бренне:

– Ты можешь сбросить любые три карты, какие хочешь, и ровно столько же получишь на замену. Когда мы сделаем еще одну ставку, то ты сможешь пропустить свой ход, не повышая банк, оставаясь в игре, сбросить карты и выйти из раздачи или сделать ставку, так как ходишь первой. Как только мы закончим, тот, у кого будет наилучшая комбинация из пяти карт, забирает банк.

Я рассказываю ей разницу между фолдом, пасом и бетом. Кажется, Бренна понимает, так что мы начинаем фейковый круг торговли, чтобы показать ей, о чем говорим. Затем второй. И она с уверенностью спрашивает:

– Так что, мы можем играть на настоящие деньги?

– Конечно, – соглашаюсь я, – как ты думаешь? Доллар или два?

– Тридцать долларов, – предлагает Эмили.

– Что? Я сказал доллар или два!

Бренна смеется, доставая свой кошелек:

– Тридцать долларов.

Почему-то мне кажется, что я сильно вляпался, но оставляю это без комментариев:

– Хорошо, тогда я пойду за кошельком.

Эмили выигрывает первой круг. Когда мы добираемся до второго, то продолжаем делать ставки только в десять долларов. В основном потому, что я знаю, что она играет лучше нас, а мне вскоре нужны будут деньги на продукты. Эмили выигрывает и второй, и третий, я выигрываю четвертый, а Бренна в конечном итоге выигрывает пятый. Ее лицо светится ярче, чем я когда-либо видел, когда она показывает три туза и две четверки.

– Что? Несправедливо! – ноет Эмили. Она скидывает свой фулл-хауз, но у нее три короля и две пятерки. – Это почти то же самое!

– Но мои-то лучше, – злорадствует Бренна.

Мои карты дерьмовые, так что я бросаю их в кучу сброшенных карт.

– К черту, – Эмили мгновенно показывает, что не умеет проигрывать. Всегда не умела. Откинув карты, она встает, чтобы потянуться. – Я устала, и мама всегда учила нас сдаваться, когда ты впереди. Так что я лучше пойду спать. Ну а раз вы теперь знаете, как играть, то можете попробовать «Стрип покер» (*прим переводчика: покер на раздевание*). Так долго, как можете вести себя тихо, – она подмигивает Бренне, когда та берет свой выигрыш и кошелек со стола. – Вся ночь в вашем распоряжении, – сестра уходит, оставляя меня наедине с Бренной и моим вмиг пересохшим горлом.

Бренна смотрит на меня, ее щеки розовеют, и мне нравится, что мысль о нас раздетых заставляет ее краснеть. Однако я знаю, что не так хочу провести вечер с ней. Ну, на самом деле, мне бы понравилось быть голым с Бренной. «Не сейчас!» – говорю я себе. Она заслуживает романтики. Я никогда не был романтичным, но также не встречал девушку, которая могла бы заставить меня хотеть стать им.

– Она безжалостна, – говорю я.

Бренна кивает на мои слова:

– Я заметила. Хотя мне это нравится. Эмили прекрасная. Где она живет?

– Вирджиния.

– Ты оттуда? – спрашивает девушка.

– Родился и вырос там.

– Ого, все здесь, должно быть, для тебя в новинку.

Это скорее утверждение, чем вопрос, но я все равно отвечаю:

– Да, но и у этого есть свои преимущества.

Розовый оттенок на ее щеках темнеет, и она смотрит в сторону, разглядывая квартиру.

– Здесь мило. Ты декорировал или Эмили?

– Эмили. У меня нет сноровки для таких вещей.

– У меня тоже, – она кривит свое лицо. – Мне пришлось нанимать человека, чтобы тот декорировал мою квартиру.

Я вспоминаю ее квартиру и понимаю, что в ней нет особого декора. Пара миленьких произведений искусства, по крайней мере, они показались мне милыми. Наверное, дорогие, учитывая ее вкус. У нее только одна фотография, но больше ничего личного. Но, опять же, она говорила о приемных семьях. Больше у нее нет ничего, что бы зацепило меня. Хотя это моя работа – замечать такие вещи. И сейчас я хочу вернуться в ее квартиру и все там исследовать.

Не зная, что еще сказать, решаю покопаться в том, в чем не должен. Это тот вопрос, ответ на который она старательно избегает. Тот факт, что она достаточно богатая, чтобы нанять декоратора, хоть и выросла в приемных семьях, немного настораживает, так что я спрашиваю снова:

– Кем ты работаешь? Что бы это ни было, кажется, ты в этом преуспела.

Ее глаза тут же фокусируются на мне, а не на гостинной, как мгновением раньше. Я вижу страх в них и не уверен, что мне это нравится.

– Я работаю для «PanamaStudios».

– Это киностудия?

– Да, – она кивает головой, – У меня есть список клиентов, и я помогаю им организовывать концерты. Обычно ничего особенного, но однажды мы сорвали джек-пот.

– Так ты агент? Я не подозревал, что ты можешь заниматься этим во Флориде. Ты получаешь комиссионные?

Замолкнув на секунду, добавляю:

– Я не пытаюсь лезть не в свое дело, правда. Просто ты достаточно преуспела в этом для своего возраста.

– У меня есть регулярная зарплата и комиссионные, да.

– И как долго ты здесь работаешь?

– Три года, – отвечает она.

– Ого, тебе, должно быть, это нравится.

Девушка тихо кивает головой:

– В большинстве случаев.

– Но тебе долго добираться, – добавляю я.

– Это того стоит. Ты же видел мою машину, да? – Бренна улыбается, но эта улыбка не так полна жизни, как те, что она подарила мне сегодня. – Плюс, это лучше, чем сидеть целый день взаперти, как ты.

– Это правда, – это ложь. – Еще пива? – спрашиваю я, вставая со своего места.

Вместе мы опустошили почти двенадцать бутылок.

Она смотрит на последнюю бутылку, качая головой. И мне нравится, как ее волосы от этого колышутся.

– Для меня сегодня больше, чем достаточно.

– Как ты развлекаешься? – спрашиваю я, когда вхожу в комнату, неся в руках еще одну бутылку, которую оставил для себя.

– Встречаю незнакомцев, выпиваю с ними, а затем проигрываю все деньги в покер.

Она ухмыляется, но следовательно внутри меня знает, что она просто не хочет говорить правду. И пытается скрыть все это игривой насмешкой. Но я не должен копать в этом сейчас. Я просто хочу, чтобы Бренна могла рассказать мне обо всем, вместо того, чтобы пытаться скрыть, но пожалуй, именно эта ее черта послужила главной причиной, по которой я начинаю влюбляться в эту девушку.

– Что насчет тебя?

Я подыгрываю ей.

– Приглашаю красивых женщин в квартиру, чтобы опоить и обобрать их до нитки, – подмигиваю ей, прежде чем глотнуть еще пива.

И когда Бренна закидывает голову в безудержном смехе, я понимаю, что она в каком-то роде нашла во мне утешение, и возведенная вокруг нее стена дала трещину. Не уверен, причина в Эмили, во мне или в нас обоих, но теперь все кажется правильным.

– И как много женщин ты уже опоил? – спрашивает она.

Девушка хочет обыграть это как шутку, но я слышу нотки любопытства в ее голосе.

Я должен дать ей понять, что все, что скажу, всего лишь шутка.

– С тех пор, как переехал во Флориду, около пятидесяти. Но только одна позволила полностью ею воспользоваться.

– Просвети меня.

– Ванита, черт бы ее побрал! Она напомнила учительницу из фильма «Матильда». Она была просто злоющая.

– Значит моя конкурентка – это Ванита-злока-Трачбул, да? Не представляла, что когда-нибудь сравнюсь с ней.

Не думаю, что Бренна сама услышала свои слова о соревновании. Я же с трудом слышал то, что она говорила после них. Девушка практически призналась мне в том, на что, как я думал, у меня не было и шанса. Очевидно, у нее все-таки есть какие-то чувства ко мне, пускай это даже просто заинтересованность. Шутки в сторону, я должен сказать ей.

– Ты вне конкуренции. За моей дверью может стоять сотня девушек, но все, кого я хочу видеть – это ты.

Может быть, я слишком на нее давлю? Может быть, столько честности – это слишком? Она прочищает горло, сдвигает стул в сторону и тянется к своим кошельку и ключам.

– Ты милый, – говорит она. – Все было прекрасно. Спасибо, что подумал обо мне.

Когда Бренна начинает двигаться к двери, я ставлю бутылку с пивом на стол и направляюсь к ней:

– Извини, если я перешел черту. Просто не хочу, чтобы ты думала о возможности другой женщины. Знаю, что мне мало о тебе известно, но я хочу тебя узнать.

Она останавливается, дойдя до двери, глубоко вздыхает, прежде чем повернуться ко мне:

– Ты и вправду не знаешь, Эверет. Ты добрый и красивый, и веселый. Ты мне нравишься. Но если бы я позволила этому случиться, все закончилось бы паршиво. Я как яд.

– Подожди...

– Нет. Ты должен это услышать. На моих плечах огромный багаж. У меня ужасное прошлое, о котором я никогда не буду готова тебе рассказать. А будущее не отличается от моего настоящего. Ничего стоящего в нем не будет, я всегда останусь такой, – она осматривает себя. – У меня нет сердца. Все, что я способна любить – это деньги. Никто не способен полюбить меня, по крайней мере, не всю меня. Так что, пожалуйста, пожалуйста, не усложняй.

Я делаю шаг вперед, надеясь, что она не уйдет от меня. Когда девушка не двигается, делаю еще шаг. И вот я уже стою прямо перед ней. Своими большими изумрудными глазами она смотрит на меня с болью и страхом. Нет сомнений, что все, что она говорит – правда. И я ненавижу это. Я, черт бы все побрал, ненавижу это! Никто не должен чувствовать себя, как она. Никогда!

– Если тебе кажется, что все это сложно, Бренна, значит оно того стоит. Все, что чего-то стоит в этой жизни – непросто. Позволь мне успокоить шторм в твоей душе. Если ты не хочешь, чтобы тебя спасали, я

не буду этого делать, но буду руками, которые всегда подхватят тебя, когда ты оступишься. Просто постарайся впустить меня, и мне не важно, как это будет происходить: постепенно или сразу. Я справлюсь с твоим прошлым и болью. Могу выдержать больше, чем ты думаешь. Но я определенно не могу смотреть, как ты осуждаешь себя. Все твои шрамы, так же, как и твое прошлое, делают тебя той, кто ты сейчас. А, на мой взгляд, сейчас ты чертовски прекрасна.

Слезинки начинают скапливаться в ее глазах, но она не улыбается, и поэтому я не могу сказать, что это слезы счастья или удивления, как я надеялся. Вместо этого я вижу, что ей грустно. Я не хотел сделать ей больно, черт, никогда не хотел. Лишь представлял, как она обнимет руками мою шею, поблагодарит, а потом мы вместе сольемся в страстном поцелуе. Но все идет не по плану.

Бренна делает шаг назад, подходит почти вплотную к двери, готовая убежать. Я снова двигаюсь к ней, и она начинает качать головой из стороны в сторону. Бренна застревает между мной и выходом.

– Эверет... Я не понимаю, – начинает она умолять.

Я наклоняюсь вперед, мои губы находятся лишь в нескольких дюймах от нее. Жду, что девушка скажет что-то еще, но она этого не делает. Бренна не отталкивает меня, не говорит остановиться, но и не подает никаких признаков того, что хочет, чтобы я ее поцеловал. И даже если бы она хотела, то не думаю, что сказала бы. Она слишком много уверяла себя, что не достойна этого. И я в лепешку расшибусь, но докажу ей обратное.

Положив руку на ее щеку, чувствую, как она вздрагивает, но все-таки не отворачивается. Вижу, что она нервничает. Наверное, мне не должно это нравиться настолько сильно.

– Бренна, – шепчу я ее имя. Взгляд девушки фокусируются на мне. Она внимательно смотрит на меня в ожидании следующих слов. – Я собираюсь тебя поцеловать.

Бренна снова начинает качать головой, но уже не так сильно, так что я кладу свою руку на ее затылок, путаясь пальцами в волосах. Наконец, она прекращает бороться со мной, и я притягиваю ее к себе. Наши губы соединяются. Она еще какое-то время держит дистанцию, но когда я углубляю поцелуй, девушка сдается. И я чувствую, что ей это нравится. Я тут же начинаю скользить языком вдоль ее губ, надеясь, что она согласится на мою мольбу. И Бренна охотно приоткрывает свои губы.

Я и понятия не имел, что мне может так понравиться поцелуй. А его интенсивность и насыщенность заставляют меня хотеть большего.

Я вжимаю Бренну в дверь. Одной рукой скольжу по ее бедру, а она

обхватывает своей ногой мою. И теперь мы с Бренной находимся так близко друг к другу, как только могут два одетых человека. Я прижимаю свое тело к ней. Каждая часть меня горит, каждый нерв на пределе. Мне нужно больше Бренны. Я хочу всю ее.

Так же быстро, как мои штаны начинают натягиваться над членом, она отталкивает меня. Рукой девушка мгновенно накрывает свой рот и тяжело дышит сквозь стиснутые пальцы. Ее взгляд прикован к моему. Девушка паникует, и я не знаю, в чем причина: в том, что она не хочет отвечать на поцелуй, или в чем-то другом? Но тем не менее, я не извиняюсь, потому что не жалею об этом.

– Мне нужно идти, – вырывается из ее рта.

– Пожалуйста... не надо.

Мгновение мы палимся друг на друга, а потом она убирает руку от своего рта:

– Это не может произойти снова.

Теперь, когда ее дыхание восстанавливается, я слышу волнение в ее голосе. Черт! Надеюсь, я не смог все окончательно испортить?

– Ты прекрасный парень, но...

– Стоп, Бренна! Остановись. Ничего не говори. Это был самый удивительный поцелуй, который я только могу вспомнить. Пожалуйста, не говори, что ты жалеешь об этом.

– Я не жалею об этом, – и тут мое волнение исчезает, по крайней мере, частично. – Просто... мне нужно идти.

Она быстро поворачивается, чтобы открыть дверь, но прежде я успеваю положить свою руку на ее, препятствуя уходу Бренны. Приближая рот к ее уху, шепчу:

– Ну, по крайней мере, я могу проводить тебя до двери?

Ее ответ занимает секунду.

– Если обещаешь снова меня не целовать.

Я делаю шаг назад, чтобы мы все-таки открыли дверь и вышли в коридор вместе. Нам обоим немного неловко, пока мы не заходим в лифт. Я смотрю на Бренну. Ее лицо раздумывается. И выглядит она просто невероятно. Возможно, это связано с тем, что именно я причина этого изменения. И я определенно внесу эту маленькую победу в свой список.

– Для нас это шаг назад? – спрашиваю я.

Бренна смотрит на меня. Ее глаза круглые как блюдца. Она думает о том же, о чем и я.

– Я не знаю, что это.

– Могу я пригласить тебя на свидание?

– Не думаю, что тебе следует об этом спрашивать.

– Хорошо... я хочу пригласить тебя на свидание.

Я улыбаюсь, но она – нет. Бренна лишь продолжает смотреть на меня, сбита с толку. Я мог бы сказать, что жалею о том, что поцеловал ее, но это была бы несусветная ложь. Это то, о чем я никогда не пожалею.

– Может, в пятницу?

– Мне нужно работать, – она вертит в руках свои ключи, показывая нервозность.

Когда мы доезжаем до нужного этажа, дверь открывается. Прежде чем выйти, Бренна дарит мне лишь жалкое подобие улыбки. Когда дверь лифта собирается закрыться, я выхожу из него и двигаюсь прямо за Бренной. Я не могу оставить все, как есть.

– Бренна, – зову я ее.

Она не сбавляет шаг до тех пор, пока не оказывается у своей двери. Когда девушка вставляет ключ, то смотрит на меня. До сих пор я не замечал мурашек на ее руках. Это хороший знак.

– Давай поужинаем, – не отступаю я. – Я закажу что-нибудь, мы останемся дома. Не нужно будет наряжаться и притворяться. Мы сможем говорить о чем угодно, либо просто молчать. Но прежде чем ты решишь, чего ты достойна, позволь мне узнать тебя. Позволь мне понять, что я чувствую. Потому что все, что я узнал о тебе до настоящего момента, просто удивительно. Я знаю, что тебе больно, и ты вынуждена скрывать свои чувства, но не со мной. И я хочу доказать тебе это.

Паршиво, что я изливаю душу, как настоящий лузер, но я хочу лишь отгородить ее от бредовой мысли, что она может причинять лишь неудобство в жизни других людей.

Тем не менее, кажется, что она оценила мои попытки. Бренна расслабляется, а прежний цвет лица начинает возвращаться.

– Не думаю, что ты знаешь, во что ввязываешься. Также я не могу дать тебе какие-либо обещания, но ужин... Это я могу. Мне лишь нужно посмотреть рабочий график, и я приду, когда буду готова.

– Значит ли это, что мы можем обменяться телефонными номерами?

Девушка почти рычит на мое предложение, но все же достает телефон из своего кошелька.

– Какой твой номер?

Я диктую ей его, и она что-то печатает, прежде чем засунуть свой телефон обратно.

– Все, номерами мы обменялись. Спокойной ночи, Эверет.

Пятясь назад, я победоносно ей улыбаюсь:

– Спокойной ночи, Бренна.
Ночка сегодня адская.

***

По-моему, шторы не меняли здесь с девяностых, а покрывало на кровати сочетается с выцветшими розами и белыми ламбрекенами на них. Здесь просторно, много солнца, но я все еще чувствую себя некомфортно. Ладони вспотели. Я нервно вытираю их о джинсы и снова сжимаю руки в кулаки. Может, мне все-таки следовало выпить перед этим?

Это моя работа. Когда-то я был под прикрытием гораздо больше. Однажды мне пришлось это делать шесть месяцев, и в последние два месяца я смог стать буквально правой рукой наркобарона. Тринадцать месяцев я притворялся татуировщиком, чтобы достать Пауля Шилонорта, которого поймал за набитием татуировок и продажей героина малолетним. Я прикрыл много подобных лавочек в последние годы, потому что чертовски хорошо выполнял свою работу.

Почему же сейчас я так нервничаю?

Я знаю почему. Бренна.

Вчера я вернулся домой и увидел от нее сообщение. Все, что в нем было: **«Спасибо за вечер»**. Ни больше, ни меньше. Мои чувства смешались. Я гордился, что именно мне удалось заставить ее чувствовать себя такой особенной и, очевидно, я сделал это лучше, чем все другие за долгое время. Но это также и бесило, потому что такая женщина, как она, просто не может чувствовать себя неуверенно. Она воспитывалась в приемных семьях, что доказывает ее ужасное прошлое, но ей около двадцати и она уже преуспела в своей жизни. Девушка решительная, красивая, может постоять за себя. Она независима. Она... идеальна.

И поэтому я сейчас так нервничаю. Мне прекрасно известно: нет и шанса, что она узнает о том, что я близок к проведению целого часа в отеле с проституткой, но также известно, что если бы она узнала, это бы убило ее. Бренна старается казаться жесткой, но я с уверенностью могу сказать, что она слабая, когда дело касается ее чувств, что и объясняет все эти выстроенные вокруг нее стены. Я уже прорубил себе путь через одну из них, но мне еще нужно много пройти. И меня покрывает холодный пот при мысли, что она найдет еще какую-нибудь причину, чтобы воздвигнуть свои каменные блоки обратно.

Присматриваясь к мини-бару, я решаю, что все-таки хочу выпить. Часть моей уловки заключается в том, чтобы быть слегка под мухой, и я хотел перехватить пару бутылочек перед этой встречей, но мне пришлось

задержаться в офисе.

Подойдя, я беру стеклянный стакан и заполняю его кубиками льда. А затем топлю их в янтарной жидкости. Потом добавляю немного колы и глотаю этот коктейль с виски. Он слегка обжигает горло, но этот огонь расслабляет, и я чувствую тепло, разливающееся по венам. Как раз то, что нужно для моих расшатанных нервов.

С тихим вздохом я ковыляю к кровати, как раз в то время как дверь открывается. У девушки непослушные рыжие волосы, которые она как будто специально уложила так, будто ее только что поймали. Она делает несколько шагов вперед, обольстительно мне улыбаясь. Я не фанат рыжеволосых, но должен признать, что эта выглядит не так уж и плохо.

– Привет, – мурлычет она. – Я Мона.

Она расстегивает свою куртку, позволяя ей соскользнуть с рук, и вешает ту на стул. Девушка регулирует лямку своего топа, упавшую вниз так, что я могу увидеть ее лифчик. Мона смотрит вниз, медленно поправляя лямку и проводя пальцами по сладостным изгибам своей груди.

Могу признать, что это отвлекает. Какой парень не хотел бы посмотреть на такое? Мне приходится напомнить себе, что она шлюха и ведет себя так соблазнительно потому, что ей платят, так что я прочищаю свое горло и отворачиваюсь.

– Привет, – отвечаю я нервно.

Я должен играть роль опасавшегося парня. Думаю, хорошо, что Бренна держит меня на острие ножа, даже не зная об этом.

– Майкл, правильно? – девушка делает шаг вперед.

Смотрю, как она закусывает свою мягкую нижнюю губу и глядит с любопытством, ожидая от меня реакции. Я снова прочищаю горло, прежде чем заговорить:

– Да, я Майкл. Я, э...Это мой первый раз. Не возражаешь, если я выпью?

– Если и мне нальешь, – она проводит пальчиками по моей груди, когда я обхожу ее, а затем садится на кровать позади меня.

Мне приходится сделать несколько глотков воздуха, чтобы очистить мысли. Это же просто смешно! Я не должен чувствовать себя возбужденным. Я сказал этой Кэнди, что мне нужны разговоры, а не секс. Может, таким способом Мона старается меня разговорить, но для меня это не работает.

– Виски с колой? – спрашиваю ее после того, как уже налил.

– Идеально. Мне нравится, когда мои напитки крепкие... успокаивающие.

Когда я оборачиваюсь, то вижу, как она осматривает меня сверху вниз и затем добавляет:

– Сладенький. Как раз мой тип мужчин.

Я протягиваю ей напиток, стараясь находиться немного поодаль:

– Тебе сказали... э... как мы проведем этот вечер?

Отняв стакан ото рта, она вскидывает брови.

– Сказали. Ты хочешь поговорить. Ты у нас мальчик с разбитым сердцем, – Мона встает с кровати, отставляет стакан с выпивкой, а затем встает позади меня и начинает проводить своими руками по моим плечам. Она приближает свой рот к моему уху. – Ты знаешь, я могу найти другой способ, чтобы излечить твое разбитое сердце.

– Я... я знаю. Но сейчас к этому не готов.

Девушка продолжает гладить руками мои плечи. Это не Бренна. Это неправильно.

– О, малыш, – продолжает она своим приторным голосом. Теперь Мона стоит прямо передо мной, положив руки на мою грудь и впиваясь пальцами в ткань моей футболки. Потом опускает их вниз, прикоснувшись к пряжке на моих джинсах. – Лучшая часть моей работы – помогать красивым, надежным парням почувствовать себя лучше. Я могу заставить тебя забыть о той, о ком ты тоскуешь. И если ты не хочешь трахаться... – она сжимает мой член в своих руках, – я могу использовать свой рот. Весь твой стресс и переживания уйдут, когда ты кончишь.

В своей голове мне приходится прокручивать тот факт, что, скорее всего, у нее хламидии, чтобы сфокусировать свое внимание и придержать эрекцию. В конце концов, я парень, мне не нужно много, чтобы завестись. Я дохожу до полки и ставлю свой стакан, затем руками скидываю ладони Моны со своего тела.

– Звучит хорошо, правда, но я не готов, – я надеваю маску нервного человека, хотя на самом деле испытываю больше раздражения.

На секунду она надувает свои губы, затем убирает руки и еще раз поправляет свою одежду.

– Хорошо, сладкий. Мне жаль. Просто... – она смотрит на меня, прежде чем лизнуть свои пухлые губы (что смотрится фальшиво). – Ты себя видел? Черт, ты выглядишь... соблазнительно, – она стреляет глазами еще раз, прежде чем занять свое место на кровати. Я нерешительно стою рядом с напитками.

– Так что происходит? О чем ты хочешь поговорить?

Снова взяв напиток, я делаю глоток. Еще немного и я буду чувствовать себя лучше, может быть, даже немного веселее. Иду к мини-бару, чтобы

сделать третью и финальную порцию напитка.

– Я даже не знаю, о чем хочу поговорить, – отвечаю я, наливая колу. Повернувшись, иду к ней и выдаю ей то, что репетировал в последние несколько дней. – Я буквально разрываюсь. Я любил свою невесту и думал, что нам, правда, хорошо вместе, но это не помешало ей поскакать на моем лучшем друге. Что действительно паршиво! – я запиваю ложь еще одним глотком.

– Ох, солнце, мне жаль слышать это. Я уверена, это не имеет никакого отношения к ее чувствам к тебе. Ты говорил с ней об этом?

– Нет. К черту это. Я сжег кучу ее дерьма возле дома, оставшееся бросил в коробку и оставил рядом с дверью. Это все, что я сделал.

Девушка закатывает глаза:

– Как я погляжу, ты один из тех самых парней. Которые срываются.

Я вижу, каким взглядом она на меня смотрит. Словно хочет, чтобы я оторвался на ней. Интересно, она так делает с каждым парнем, который входит в эти двери, либо же я какой-то особенный? Может, именно поэтому она хороша в своей работе и поэтому ее порекомендовала Джинджер? Она заставляет тебя чувствовать себя так, будто ты – единственный человек в этом мире.

Но за деньги, которые она берет, так и должно быть.

К тому же, мне не нравится, как она предлагает себя мне.

– Я был зол. Зол даже тогда, когда справился со всем этим. Здесь нечего стыдиться.

– Я и не говорю, что ты должен. Просто есть несколько типов мужчин: одни – агрессивные, другие – страстные, еще одни – уроды. Лично мне нравятся доминирующие мужчины. Вся эта драма, крики и невежество – залог настоящего удовольствия в конце. Нет ничего лучше секса. Ничего.

– Так у тебя есть отношения... помимо работы? – я спрашиваю, удивленный ее честностью.

Я наблюдаю, как она немного расслабляется. Со смехом, девушка качает головой.

– Конечно, есть. Все, что я делаю – для веселья, но я в жизни не стала бы этим заниматься, если бы это значило, что я не могу влюбиться.

– Без обид, но как ты это делаешь? Любишь одного человека и спишь с другим?

– Секс великолепен, его любят все. Мы очарованы им в молодости, думаем о нем ежедневно до тех пор, пока не умрем. Его показывают в фильмах и видеоиграх, музыке и романах. Это продается. Это запрещено, но также обсуждается открыто, есть журналы и товары, которые

основываются именно на сексе. Чаще всего жизнь – это секс. А теперь все, что я сказала, замени на любовь. Мы очарованы ей в молодости, думаем о ней ежедневно и бла-бла-бла... Понял? Они абсолютно одинаковы, хотя не имеют ничего общего друг с другом.

– То есть ты говоришь, что можешь любить одного человека и заниматься сексом с другим? И ничего странного в этом нет?

– Без обид, но разве это не то, чем занималась твоя девушка? Просто то, что она трахалась с твоим лучшим другом не значит, что она тебя не любит.

Я таращу свои глаза на нее, пытаюсь вникнуть в то, что она говорит.

– Ну не знаю, на мой взгляд любовь и секс очень тесно связаны. Конечно, ты не должен любить кого-то, не занимаясь с ним сексом, но если ты кого-то любишь – разве не должен этот человек быть единственным, с кем ты спишь?

– Черт, нет, – из нее вырывается смех. – Моногамия – это здорово, если это то, чего вы оба хотите. Если вы делаете это, как настоящие животные, и безоговорочно любите друг друга, а также честны друг с другом абсолютно во всем, что невозможно. Это большая редкость. Такие вещи, как оргии, сестра жены, свингеры и... эскорт... они не появились просто так. Люди могут любить одного, а заниматься сексом с другим. И на самом деле, это довольно распространено. Даже те, кто действительно любят, состоят в прочных серьезных отношениях, могут изменить своему партнеру пару-тройку раз. Это жизнь. Даже в Библии есть моменты, когда мужчины уходили и совали члены в чужие киски. Такое случается, – она пожимает плечами, словно только что не использовала слово «Библия» и «киска» в одном предложении.

Если честно, с ее логикой трудно спорить. И чем больше она говорит, тем больше какая-то часть меня понимает, что в чем-то она права. Тем не менее, я не могу понять того, что ты можешь иметь девушку или жену, зная, что она трахается с кем-то еще или даже не с одним за твоей спиной. И сам не могу представить, чтобы мог изменить тому, кого люблю.

– Не знаю, – вздыхаю я. – У этого всего есть смысл, но одновременно и нет.

– Все в жизни бессмысленно, разве нет?

– Почему ты такая умная?

Ее глаза сужаются:

– Я работаю в эскорт-бизнесе и из-за этого не могу быть умной?

– Я не это имел в виду.

Мона машет рукой в ответ на мое извинение.

– Я понимаю. Меня легко судить. Всех нас. Я была совсем не так воспитана. Мой отец был пастором в Джорджии. Ты можешь в это поверить? – она хихикает над этими словами. – Видя то, чем я занимаюсь, он, должно быть, не раз в гробу перевернулся. Он умер, когда мне было пятнадцать, и маме слишком тяжело это далось. Она была домохозяйкой, и на этом все. После его смерти мы продали дом, переехали к бабушке, у нас были долги, так что я изначально знала, что колледж мне не светит. Я хотела быть юристом, так что работала, где придется. Отучилась два года в колледже, прежде чем нашла Кэнди. Она предложила мне работу, от которой я не смогла отказаться. И вот спустя несколько лет я здесь. Любящая свою жизнь и решение, которое тогда приняла.

Не буду врать, все сказанное ею меня удивило.

– И тебе не страшно быть одной с незнакомыми мужчинами ночью? Извини, не хочу вмешиваться, но мне, правда, интересно. Я бы испугался, если бы на твоём месте оказалась моя дочь или сестра.

Все пошло гораздо лучше, чем я ожидал. Может, если я постараюсь чувствовать себя комфортнее, она даст мне ещё больше информации. И если честно, мне действительно интересно.

Пожав плечами, она задумывается на секунду:

– Ну, Кэнди каждого проверяет и все такое. Если тип подозрительный, то она сама будет бродить вокруг отеля или пошлет одного из своих парней. Иногда меня били сильнее, чем мне нравилось, но никогда не было того, с чем я не могла бы справиться. Хотя моя девочка Чесити... Черт! Мне так было больно за нее на прошлой неделе. Она встретила с новым клиентом, который с ног до головы наставил ей синяков. Она даже на работу неделю не ходила. Хоть и вернулась. Слава Господу! За всю мою память это был первый раз чего-то подобного.

Чесити. Та, которую изначально хотела дать мне Кэнди. В следующий раз я найду способ с ней поговорить. Кэнди сказала, что эта девушка больше подходит моим предпочтениям или что-то вроде того. Меня передергивает: шлюха или нет, но как мужчина может так касаться женщины. Я тут же думаю о Бренне, вспоминая, как она выглядела, когда вышла из лифта, и это все еще убивает меня, хоть я и не знаю почему. Она не сказала Эмили ничего насчет этого, а сам я не хотел снова поднимать эту тему.

– Это паршиво – повторяю я. – Они арестовали того парня?

– Нет. Она не позволила. Действительно упрямая девочка, но этим она мне и нравится. В отличие от меня ей пришлось ещё хуже, и она сама сделала себя такой, какая есть сейчас.

– Должен признать, насчет этого всего я был настроен скептически. Один из моих приятелей порекомендовал Кэнди, и я сомневался. Но спасибо за то, что оказалась тем, с кем можно поговорить.

Я много раз репетировал это предложение, не думая, что на самом деле буду иметь это в виду. Не потому, что согласен с ее логикой или тем, как она зарабатывает на жизнь, а из-за простого факта, что она действительно дала мне хороший совет и с ней легко разговаривать.

Мона протягивает руку, чтобы дотронуться до моего колена, и смотрит на меня:

– Если изменишь свое решение насчет меня, дай знать. Ну а до тех самых пор я с радостью буду человеком, который станет с тобой разговаривать и заставлять чувствовать тебя лучше. Сейчас ты готов принять свою девушку назад или хотя бы поговорить с ней?

– Не могу, – отвечаю я, качая головой.

– Почему нет?

Мы говорим о моей фальшивой невесте и нашем фальшивом расставании до тех пор, пока наше время не выходит. В тот момент, когда я ухожу, то признаю, что хочу, чтобы эта девушка вернулась в колледж и принесла что-то другое, более значимое, в жизни людей. Стала адвокатом, например. Перестала копаться в людских жизнях и продавать свое тело недостойным его мужчинам. За наше непродолжительное время вместе у меня появилось желание защитить ее, чего я не могу сделать, так как мое задание заключается в том, чтобы прикрыть всю их лавочку вместе с ней и ее «коллегами». И это не будет легко. Никогда таким не было. Моя работа не просто стрессовая, она крайне раздражающая.

Придя домой, вижу Эмили, сидящую на диване и читающую журнал. Ее сумки упакованы, она готова вернуться домой завтра утром. Сестра даже не поднимает головы, когда я вхожу, но тут же морщит свой нос.

– Ты пахнешь как шлюха, – в отвращении она зажимает свой нос.

Понюхав свою рубашку, я смотрю на нее с любопытством.

– С чего ты это взяла?

Все еще не глядя на меня, сестра указывает на свой живот:

– Беременность. Нюх обостряется.

– Понял, – киваю ей, – пойду-ка я в душ.

Как только я добираюсь до двери ванной, сестра кричит в мою сторону:

– Я обедала с Бренной сегодня.

Я не могу больше сделать ни шагу. Спустя секунду я двигаюсь напрямик в гостиную:

– Что? Зачем?

– Мне было одиноко. Ты заработался, – говорит она, наконец-то взглянув на меня. – Хорошо, ты сказал, что придешь поздно, но, учитывая, как от тебя пахнет, могу предположить, что ты занимался чем-то еще.

Сузив глаза, я скрещиваю руки на груди, чтобы дать ей понять, что все дело в моей работе:

– У меня задание, которое требует работы под прикрытием, и я не могу тебе о ней сказать. И ты это знаешь. А сейчас про ужин.

– А что с ним?

– Эм.

Так же как и в свои шестнадцать Эмили раздраженно вздыхает и опускает журнал. Можно подумать, что ей требуются для этого титанические усилия. Не знаю, что с моей сестрой сегодня, но она не в лучшем настроении. Надеюсь, ужин с Бренной прошел хорошо, но предчувствие у меня плохое.

– Мне было скучно, поэтому я пошла к ней, чтобы мы могли вместе поужинать. Она была не против. Мы заказали на вынос пиццу и хлебные палочки, все было очень вкусно. Правда, сейчас у меня изжога, но это неудивительно. Собственно, вот и все.

– Эм.

– Что?

– О чем вы говорили?

Она ухмыляется мне:

– Оу, ты думаешь, мы говорили о тебе? Жаль огорчать тебя, но о тебе и слова сказано не было.

– Ты лжешь.

– Неужели? – Эмили встает, чтобы размяться, – я устала и иду в кровать.

Сестра движется в сторону спальни, но я преграждаю ей дорогу, оперевшись о стену рукой так, чтобы она не смогла пройти дальше.

– Говори.

– Твой племянник устал. Дай мне пройти.

– Эмили, мой племянник в твоем животе, и неважно, спишь ты или нет. Он и так прекрасно отдыхает. Почему ты злишься? Как прошел ужин? Поговори со мной.

Она закатывает свои глаза:

– Серьезно? Меня бесит, что ты допоздна работаешь. Что ты даже не пришел на ужин.

Я слышу надлом в ее голосе, словно она сдерживает плач.

– Ты что, сейчас заплачешь? – спрашиваю я.

Мне действительно нужно знать, ведь я забочусь о ней. Она должна знать, что я всегда здесь, чтобы помочь. Но Эмили снова закатывает глаза. Это верный признак того, что она собирается сломаться, но пытается сдержаться.

– Потому что я работал допоздна? Определенно есть другая причина. Что это?

– Себастьян, – скулит она.

Повернувшись, она направляется к дивану и садится, не глядя на меня. Эмили бездумно смотрит на камин, который я еще ни разу не использовал, да и вряд ли когда-нибудь буду. Я занимаю место рядом с ней.

– Он поздно приходит домой с работы. И я раньше никак не могла понять, почему это меня так раздражало. Я имею в виду, что он работает сверхурочно, всегда приходит уставший, но все равно находит время, чтобы помочь мне с готовкой и уборкой. Я тоже работала, тоже уставала, но на нем это сказывалось гораздо больше, – она смотрит на меня глазами, полными слез. – Но сегодня я поговорила с Бренной и сказала, что наши финансы не изменились. Совсем. И когда мы говорили об этом, мне стало так больно. Я все поняла. Мой муж не работает сверхурочно, потому что тоже приходит домой, провонявший дешевым парфюмом. У него роман на стороне, не так ли?

У меня просто нет слов. Мне хочется защитить Себастьяна, потому что он хороший парень, и я просто никак не мог представить, что он сделает больно моей сестре, особенно во время ее беременности. Я хочу сказать сестре, что из-за гормонов она сейчас может преувеличивать. Хочу сказать ей, что, мать его, нет ни малейшего шанса, что Себастьян мог бы сделать это. Но тут же я вспоминаю свой разговор с Моной: что она сказала о любви и сексе, о том, как часто люди изменяют. И для некоторых это нормально.

– Не знаю, – говорю я, спустя секунду, – Я не знаю, Эмили. Но мне известно, что, вернувшись завтра домой, ты должна быть предельно честна с ним. Поговори с Себастьяном, выясни наверняка. Не обвиняй его сейчас.

– А что, если я не хочу выяснять? – спрашивает она. – Что, если хочу жить во лжи с ним? Я не могу потерять его, не тогда, когда ношу под сердцем его ребенка.

«Человек может любить одного, но заниматься сексом с другим. На самом деле, это встречается довольно часто». Слова Моны отдаются эхом в моей голове. Я не могу повторить это Эмили. Не могу призывать ее клеиться к своему мужу, по крайней мере, пока он не ответит на все

вопросы. Ради всего святого, она же беременна. Я уже готов сесть в машину и гнать обратно в Вирджинию, чтобы вбить в голову этого парня немного здравого смысла.

Не зная, что ответить и как реагировать, я спрашиваю:

– Как долго это продолжается?

– Он увеличил количество часов спустя три недели после того, как мы узнали, что я беременна. Может, я брежу? Может, он просто откладывает деньги на отдельный счет, может духи принадлежат женщине с работы, которая тоже торчит там допоздна? Не знаю. Все эти гормоны и неуверенность... полное дерьмо, – она встает, проводя руками по своей пижаме, приглаживая штаны. – Ты сможешь отвезти меня в аэропорт в пять тридцать?

– Эм, остынь на секунду. Не оставайся с ним только из-за беременности. Поговори с ним, постарайся все выяснить, если хочешь, но если нет – у меня есть свободная комната для тебя. Не закрывайся от меня, не делай вид, будто ничего не происходит. Поговори с ним, поговори со мной, и все будет хорошо. Я обещаю. Я позабочусь об этом.

– Говорит единственный родственник, который у меня остался. Тот же родственник, который свалил из нашего штата, когда я нуждалась в нем больше всего.

Слова вырываются из ее рта и буквально бьют меня по голове. Давно я не чувствовал такой боли. С тех пор как мы потеряли родителей.

Я и не подозревал, как она себя чувствует. С моей стороны было эгоистично просто взять и уехать. Но это было моей работой. Мне пришлось сделать выбор и довольно быстро. Я думал, что с Эмили остаются Себастьян и его семья, и ее лучшая подруга Карли с другими друзьями – Винни и Тейлором. В конце концов, у нее есть работа, и скоро будет сын. Думал, что она спокойно воспримет мой отъезд. Может, мне стоит вернуться?

Душ никак не помог справиться с моим отчаяньем. Лежа на кровати головой вниз, я беру телефон, подключенный к зарядке, и ставлю будильник на пять утра, чтобы отвезти Эмили в аэропорт прежде, чем встанет солнце. Когда кладу его обратно, то думаю... и закидываюсь на своих мыслях. А затем злюсь и не могу заснуть. Затем снова беру телефон и нажимаю на сообщения. Послание Бренны все еще здесь. **«Спасибо за вечер»**. Я так и не ответил. Ждал даты для свидания. Моей сестре ничего не стоит подняться и поужинать с ней, а мне же приходится вымаливать у Бренны сделать это.

Не скажу, что я против. Приятно знать, что так легко она не согласится

пойти на свидание со мной. Это значит, что и других постигает та же участь. Мне кажется, у нее нет парня, если не считать того, кто навредил ей. Надеюсь, что смогу это изменить. Все это.

«Ты решила, когда хочешь поужинать?» – пишу ей.

И крайне удивляюсь, когда вижу ответ.

Глава 13

Бренна

«Ты решила, когда хочешь поужинать?»

Я смотрю на это сообщение несколько минут. Я уже думала об этом. Много. Слишком много, на самом деле.

Это поглощает меня. Эверет поглощает меня. И до этой ночи я не понимала, насколько сильно.

Я возвращаюсь домой с работы и спешу наполнить ванну. Этот день прошел хорошо. Я встретила с постоянным клиентом, и то, как он вел себя со мной в постели, было как раз тем, в чем я нуждалась после инцидента на прошлой неделе. Я чувствовала, что снова в деле, когда он довел меня до первого оргазма. Все было просто невероятно, особенно когда я закрыла глаза, и передо мной появилось лицо Эверета.

Это не значило, что я о нем думала. Он просто появился. Но я открыла глаза и поняла, что меня трахал Бендер, разведенный тридцатидвухлетний мужчина, у которого трое детей и приличный банковский счет. И этого было недостаточно, чтобы довести меня до экстаза. Так что я снова закрыла их.

И представила себе серые глаза Эверета, смотрящие на меня с любовью, читающие мои мысли так, словно мои собственные глаза были романом. Его волосы спутались, спадая на лоб и покачиваясь при каждом толчке, и я зарылась в них своими руками. Его губы раскрылись, и я могла почувствовать влажный воздух на своей коже: как он бродил туда-сюда по моему телу. Это подарило мне чувство, которое не приходило ко мне годами – с Бендером я потеряла контроль. Я трахала его изо всех сил и кончила... три раза... все время представляя, как тело Эверета переплетается с моим.

Наливая воду в ванну, я слышу стук в дверь. И тут же думаю, что это Эверет. Он хотел поужинать со мной или поиграть в покер, или просто провести время вместе. Прежде всего мне хочется принять ванну, но я не желаю заставлять его ждать. Поэтому спешу к входной двери, но вижу лишь

Эмили, стоящую с широкой улыбкой на лице.

Она хочет поужинать со мной, потому что ее брат работает допоздна.

Чувство разочарования от того, что рядом с ней нет Эверета, почти мучительно. Когда я слышу, что он работает допоздна, то задаю несколько вопросов. Понятия не имею, что на меня так действует. А нет, знаю! Этот поцелуй! Сваливаю все на его властные, покоряющие, невероятные губы, которые так легко взяли меня в плен. Эверет заставил намочнуть мои трусики и желать большего. Невозможно вообразить силу моей воли, потому что я сама удивилась, как смогла уйти от него.

Но Эмили не отвечает на мои вопросы. И вообще не хочет разговаривать о своем брате. Могу сказать точно: что-то еще у нее на уме. И через несколько минут она сдается и рассказывает все о своем муже – Себастьяне. О том, как не хочет ехать домой, потому что думает, что он ее не любит. Она действительно считает, что он ее обманывает, лжет ей. И много чего другого. Я заказываю для нас пиццу и хлебные палочки. Мы смотрим фильм, устраивая этаким мини-девичник. Я не сильна в девчачьих разговорах, но этим вечером действительно стараюсь. Для нее. Или, может быть, для Эверета. Он меняет меня. И я не уверена, что мне это нравится.

Когда Эмили уходит, я наполняю ванну еще раз. И расслабившись, с бокалом охлажденного вина в руках, погружаюсь в пузырьки, которые достают мне до подбородка. Снагли ложится на сиденье унитаза, мурлыча себе под нос. Я оглядываюсь и ощущаю... одиночество. Мне отчаянно хочется чего-то большего. И это первый раз, когда я чувствую себя так.

Закончив принимать ванну, я подхожу к телефону и смотрю на сообщение, отправленное Эверету. Он так и не ответил. Поэтому я еще пристальнее смотрю в телефон, как будто надеясь, что он может прочитать мои мысли в этот момент. И написать мне. Но он этого не делает. Вот и все.

Я немного перекусываю и думаю о том, когда (точнее, если) наше свидание все же произойдет? Представляю, как мы бы опять целовались, и он снова заставил бы меня чувствовать себя так прекрасно... или даже лучше. Если вообще в этом мире возможны поцелуи лучше. Также я думаю о том, что бы мы ели, если бы это было единственным, что произойдет за весь вечер? Задумываюсь так сильно, что возвращаюсь в кровать и не замечаю, как начинаю гладить Снагли, лежащую на моем животе. Вместе с кошкой я смотрю «Анатомию страсти»: в то время, как Мередит кричит на Дрейку, когда что-то вклинивается в ее трусики, он бросает на нее тот самый взгляд. Взгляд человека, любящего тебя, несмотря ни на что. И я начинаю плакать. Это глупо. Действительно глупо. Я плакала над этим

сериалом множество раз, но потому что он грустный, а не милый!

Спустя несколько секунд мой телефон издает сигнал, оповещающий о сообщении. От Эверета. Насчет ужина.

Я понимаю, что он зацепил меня. С самого начала. Выглядевший так, словно ему глубоко наплевать на существование расчески. В нем всегда есть что-то, отличавшее его от остальных. Сейчас я улыбаюсь как самая последняя дурочка. И это меня бесит.

«Вечер воскресенья. Подойдет?» – отвечаю я.

Нервно кусаю кожу вокруг своих ногтей, ожидая ответа. Мы уже договаривались встретиться в воскресенье, так что ужин имеет место быть.

Э: «Идеально. Что мы будем есть?»

Я: «Помнишь, что было в прошлый раз? Ты не умеешь готовить... по крайней мере, ты так сказал».

Э: «Я и правда не умею. Но могу заказать. Все, что ты захочешь».

Я: «Тогда удиви меня! :)»

Э: «Нет и еще раз нет! Сюрпризом для тебя будет десерт. Но ужин на твой выбор».

Так! Я не должна дрожать от его слов. А он не должен заставлять кружиться бабочек в моем животе, а меня плакать... снова. Мне нужно сказать ему, что это уже становится слишком. Я начинаю привыкать к такому чувству. Не знаю, что это? Я успела распробовать лишь его маленький кусочек. Но также мне известно, что будет больно. Что все это обернется катастрофой, но я не собираюсь это заканчивать. Пока нет. Не сейчас.

Я: «Прекрасно. Я бы хотела кордонблю, салат «Цезарь» и красное вино».

Специально заказала то, что будет просто найти.

Э: «Учтено. Тебе нравится шоколад?»

Я: «Молочный. Но только не темный».

Я улыбаюсь, потому что знаю, что он старается угадать с десертом. Черт, почему сегодня только среда? Я хочу, чтобы сейчас настало воскресенье. Хочу этот ужин. Ненавижу, что так сильно хочу! Так не должно быть! Все это сведет меня с ума.

Снагли спрыгивает с кровати и оставляет меня в одиночестве. Поправив подушки, опираюсь на стену и смотрю в телефон. Эверет опять не отвечает. Может быть, он спит? Взглянув на часы, понимаю, что часовая стрелка едва перешла десять. Для меня еще рано, но возможно, для него это поздно. Я знаю, что сегодня он долго работал и должен завтра рано

проснуться, чтобы отвезти сестру в аэропорт.

Но я эгоистка. Мне нужно больше. Не хочу, чтобы это чувство ушло. Что, если он не спит и хочет поговорить? Может, мне стоит позвонить?

Я: «Твоя сестра ужинала со мной сегодня».

Уверена, он уже знает. Но это все, что я смогла придумать.

Проходит несколько мучительных минут, прежде чем я вижу желанный ответ.

Э: «Она мне сказала. Как все прошло?»

Я: «Ммм... хорошо. Было мило повидать друга».

Э: «Она все время плакала?»

Мда, должно быть, Эмили ему сказала.

Я: «Ну, не все время...»

Э: «Удивительно. О чем еще вы болтали?»

Я: «Если ты пытаешься выведать, разговаривали ли мы о тебе, то ответ – нет ;)»

Э: «Мое эго официально разрушено».

Осознаю, что с силой прикусываю нижнюю губу, пытаюсь остановить глупую улыбку, которая так и норовит расползтись по моему лицу.

Я: «Хорошо подумай об этом. Она твоя сестра. Я не выпытывала у нее пикантных подробностей. Было бы неловко спрашивать и еще больше неловко, если бы она знала ответы...»

Э: «Ох, серьезно? Должно быть, это интересно. Какие пикантные подробности ты хочешь знать обо мне?»

Я чувствую, как тепло разливается по телу. Мы говорим о сексе?

Я должна подумать. Это сложнее, чем кажется на первый взгляд. По жизни я только и делала, что занималась сексом, но не могла написать кокетливый комментарий. В голове вертится чертова туча вопросов. Не могу же я обсуждать его работу? Но и его член тоже. Может, подойдет что-то среднее?

Я: «О чем были твои мысли после нашего поцелуя?»

Мой желудок никогда не переворачивался так, как во время этого глупого вопроса.

Э: «Ты не хочешь этого знать...»

Я: «Ох, но я хочу».

Э: «Честно?»

Я: «Да. Хорошо, тогда... Это было плохо или хорошо?»

Э: «Превосходно!»

Я: «Итак?...»

Возможно, мне не следовало задавать этот вопрос. Черт, меня тошнит

от страха. Ответ занимает некоторое время, но когда я вижу его, то понимаю, почему.

Э: «Твои губы будто сделаны из наркотиков, от них невозможно оторваться. Они идеальны во всех смыслах. Я думал о них целый день. Твое тело рядом с моим заставило меня хотеть вещи, к которым ты не готова, так что я не буду на тебя давить. Но знай, что я нескоро забуду о той боли, когда наш поцелуй закончился. Однажды я поцелую всю тебя, каждый твой дюйм, но прямо сейчас мне достаточно и твоих губ».

Я вынуждена прочитать сообщение несколько раз, чтобы убедиться, что мои глаза меня не обманывают. Он и правда это сказал? Он действительно так думает? Господи, у меня истерика. И если бы не вдох, который я делаю, у меня точно началась бы паническая атака. Осознание того, что он так думает обо мне, заставляет меня чувствовать себя незаслуженно прекрасной.

Прежде чем я могу ответить (в основном, потому что я несколько раз набираю и стираю сообщение), Эверет присылает мне еще одно.

Э: «Боюсь спросить, о чем ты думаешь».

Я: «Меня никогда так не целовали. У меня такое чувство, словно я больше никогда такого не испытаю. Я не хотела, чтобы это закончилось, не хотела уходить, но знаю, что сделала это из лучших побуждений».

Э: «Это и не должно было закончиться. Мы можем все повторить, если ты хочешь... можем делать это снова и снова».

Я: «Ты заставляешь меня краснеть».

Э: «Мне нравится, когда ты краснеешь. Это да? Я могу снова тебя поцеловать?»

Я: «Я на самом деле не знаю».

Э: «А что если я не буду целовать твои губы? А начну с твоего виска. Медленно двинусь по твоей щеке, запоминая линию твоей челюсти своими губами. Затем продолжу дорогу по горлу, почувствую, как ты сглатываешь напротив моего поцелуя. Все так же продолжу путь вниз, прижимая свой рот к каждому дюйму твоего тела, пока ты не начнешь умолять меня остановиться».

Я: «А что если я не остановлю тебя?»

Э: «Господи, я умру счастливым мужчиной. Я хочу изучать твое тело, Бренна. Хочу все, каждую его частичку».

Он обольстителен. Это точно. Я даже не знаю, что сказать и что думать. Все, что мне известно... мне это очень нравится. И я не хочу, чтобы это заканчивалось. Так что решаюсь на следующий шаг.

Я: «А что если я скажу, что делаю это прямо сейчас?»

Э: «Ты... целуешь себя?»

Я: «Нет, исследую свое тело... Каждую. Его. Часть».

Э: «Черт. Ты убиваешь меня. Ты серьезно?»

Я: «Ммм... оно такое гладкое и шелковистое».

Э: «Что на тебе надето?»

Я бросаю взгляд на свою пижаму, точнее, ее отсутствие. Мой любимый шелковый халатик и трусики-шорты. Стянув с себя одеяло, подхожу к зеркалу в полный рост. Для меня все это ново. Никогда этого не делала. Встряхиваю немного свои волосы, вытираю остатки подводки под глазами и смотрю на себя какое-то время. Я знаю, что красива. Знаю, что Эверету нравится мое тело. Могу подтвердить это каждый раз, когда он пробегает по нему своим взглядом или смотрит прямо мне в глаза.

Делаю несколько фоток в зеркале, а затем смотрю на них. Я без лифчика, так что мои соски напряжены, и на второе фото я смотрю, затаив дыхание. Решаю, что эта самая соблазняющая фотография из всех. На мгновение я удерживаю свой палец над кнопкой отправления, но затем все-таки нажимаю им на экран.

Меньше чем через минуту получаю сообщение от Эверета.

Э: «Я не знаю, что ответить. Нельзя назвать тебя сексуальной или красивой. Ты и та, и другая, и... намного больше».

Я: «Ты спросил, что на мне надето. Я просто пытаюсь выяснить, нравится тебе или нет?»

Э: «Черт, да. Но мне кажется, что все это лучше бы смотрелось на полу».

Я стягиваю свою одежду и бросаю на пол. Затем отправляю ему фотографию брошенного на пол шелка, чтобы подразнить. В течение трех минут он не отвечает. Я начинаю чувствовать боль в сердце, боясь, что зашла на ту территорию, которая категорически запрещена.

Когда он отвечает, все мое здравомыслие и рассудок уходят через дверь, потому что мне слишком приятно его внимание.

Э: «Не буду лгать... Мне до чертиков интересно, чем ты там сейчас занимаешься».

Я: «Думаю о тебе ;)»

Э: «Бренна, я...»

Я: «??»

Э: «Я не знаю, что ответить. Мне кажется, что все это сон».

Я: «Тогда не говори».

Э: «Что ты предлагаешь мне сделать?»

То, что я делаю дальше, переходит все мои границы. Я откидываюсь на

кровать и раздвигаю ноги. Затем опускаю одну руку между бедер и касаюсь своего клитора. Господи, как же хорошо! Не могу вспомнить последний раз, когда я прикасалась к себе ради удовольствия, а не для того, чтобы мне заплатили.

Включив камеру, я делаю фотографию. Видны изгибы моего тела и то, как я двигаю своей рукой, но без всяких подробностей, которые потом могут разлететься по интернету. В этот раз, отправляя фото, не стесняюсь, призывая его делать то же самое и потрогать себя.

Ответное фото я получаю спустя несколько секунд. Темновато, но я все равно могу разглядеть стояк, оттягивающий его боксеры.

Я: «Я не вижу, как ты трогаешь себя. Прямо сейчас я делаю это двумя пальцами. Это невероятно...»

Спустя секунду Эверет снова отправляет мне фото. На нем он обхватывает своими пальцами член. Я этого не ожидала, но не могу отвернуться. И сейчас я в полном восторге. Не знала, что вирт такой сексуальный, или что вообще могу наслаждаться фотками членов, или что буду мастурбировать на них.

Я решаю, что если уж он может отправлять мне фотографии своего члена, то и я могу немного расширить свои границы. Поэтому поднимаю камеру выше, чтобы он мог видеть все мое тело от груди до коленей. Я хочу, чтобы он видел меня такой. Хочу, чтобы он желал меня так же, как я его. И если бы он сейчас постучался в дверь, чтобы трахнуть меня, я бы позволила. Боже, признаю, я хочу его. Я скептически отношусь к тому, чтобы влюбиться в него или позволить ему перейти проведенные мною границы, но совершенно точно готова продолжить то, что мы начали.

Я отправляю ему фото и прилагающееся к нему сообщение: **«Думаю о тебе»**.

Э: «Я скоро кончу, Бренна. И прикасаясь к себе, буду думать только о тебе».

Я: «Пожалуйста, да. Пожалуйста!»

Э: «Я хочу ощутить твою киску вокруг моего члена. Хочу тебя сверху».

Вот же черт! Меня накрывает оргазм, не похожий ни на какие другие. Кричу от удовольствия и пытаюсь выровнять свое дыхание. Приходится несколько раз вздохнуть, прежде чем я могу дотянуться до телефона и написать сообщение: «Ты заставил меня кончить. Это было круто...»

Пару секунд он не отвечает, но когда сообщение все-таки приходит, я смеюсь.

Э: «Я испачкал все простыни, думая о тебе. Теперь мне придется поменять постельное белье».

Я: «Ха-ха-ха. Это для меня впервые...»

Э: «Прикасаться к себе?»

Я: «Ха-ха, нет, заниматься виртом с кем-то.»

Э: «Могу я признать, что мне приятно это слышать? Не хотелось бы, чтобы у тебя уже был опыт чего-то подобного с кем-то другим. Ты даже не представляешь, как мне это нравится».

Я: «Тем не менее, это правда :)»

Э: «Мы действительно должны дожидаться воскресенья, чтобы сходить на свидание?»

Я: «Следующие три дня я работаю...»

Э: «Мы можем снова списаться?»

Я: «Я бы расстроилась, если бы мы не сделали этого».

Глядя на часы, я замечаю, что уже за полночь. Не догадывалась, что мы так долго переписываемся. Знаю, что ему рано вставать, да и становится как-то неловко, так что я говорю ему, что собираюсь в кровать. Он посылает мне подмигивающий смайлик и желает сладких снов. И у меня тут же возникает чувство, что сны мои точно будут сладкими... и будут только об Эверете.

Мне кажется, что в скором времени я об этом пожалею... Более того, мне кажется, что жалеть буду гораздо больше, чем могу выдержать. Он разбудил во мне такие чувства, о существовании которых я и не знала. Тут определенно что-то больше, чем просто секс.

***

Зайдя в «Jesse's Deli» (*прим.переводчика: ресторан*), я замечаю Кэнди, сидящую в углу и яростно машущую своей рукой, чтобы привлечь мое внимание. Направляюсь к прилавку и заказываю сэндвич, а затем, получив его, иду к Кэнди.

– Как провела ночь? – спрашивает она о Бендере, когда я сажусь рядом с ней.

Мое лицо сразу же загорается при мысли об Эверете и о том, как закончилась прошлая ночь.

– Все было хорошо, – отвечаю я, стараясь думать о Бендере, а не о сексе по телефону. – Чувствую себя намного лучше.

– Достаточно, чтобы взять еще одного клиента? – взволнованно улыбается Кэнди.

Ненавижу разочаровывать Кэнди, но я должна думать о своей безопасности.

– Кэнди, ты слышала, что я сказала...

Женщина перебивает меня:

– Ты мне как дочь, которой у меня никогда не было. Я никогда бы преднамеренно не стала подвергать тебя опасности, чтобы ты снова стала жертвой, и ты даже не представляешь, как ужасно я себя чувствую из-за прошлого раза. Я понимаю твои желания, и более того, я их уважаю.

– И? – спрашиваю я, прежде чем откусить от своего турецкого сэндвича.

– Его имя Майкл Ренсон. В прошлый раз он встречался с Моной. Она сказала, что парень был милым, с хорошими манерами, очень привлекательным, что тоже прекрасно. И он хотел не секса, а просто дружеского разговора. Сейчас он проходит через трудное расставание. Мона сказала, что захотела больше, чем просто бесед, но ей понравилось, как они провели с ним время.

– Так почему я? – спрашиваю между пережевываниями.

Кэнди делает глоток коктейля, пожимая плечами. Поставив свой бокал, она отвечает на мой вопрос:

– Он позвонил мне вчера. Ему понравилась Мона, но с ней ему захотелось того, на что он не рассчитывал. Он хочет девушку, похожую на свою бывшую, а ты идеально подходишь, – она снова пожимает своими плечами. – Плюс, когда я просмотрела его анкету, вы с ним оказались очень схожи. Он не хочет связывать тебя или завалить, ему просто хочется ощутить связь со своей бывшей девушкой.

Закатив глаза, я вздыхаю и кладу свой сэндвич на тарелку, чтобы выпить коктейль.

– Прекрасно, – говорю я. – Это помогло бы мне отвлечься.

– Все еще думаешь о прошлой неделе? – спрашивает Кэнди, прикусывая губу.

Я качаю головой, мол, нет. Хотя это и беспокоит меня, все не так уж и плохо.

– Все дело в моем соседе. Он сводит меня с ума.

– Ох, рассказывай, – она упирается подбородком в ладони, ожидая деталей.

– Ничего особенного. Просто забрался мне под кожу.

– Никто не может забраться к тебе под кожу, милая.

– Я знаю, – вздыхаю от этой мысли, – но он... другой.

– Это прекрасно. Я рада за тебя. Тебе нужно что-то нормальное в этой жизни.

– Но ведь тебе не нужно, и все замечательно. Ты успешна, прекрасна и счастлива.

– И одинока, – добавляет Кэнди. – То, что я скажу, должно остаться между нами. Понятно?

Я киваю, зная, что унесу ее секрет в могилу.

– Я подумываю уйти из этого бизнеса. У меня больше денег, чем мне когда-нибудь понадобится, так что я готова отправиться на какой-нибудь тропический остров, где смогу закончить свою жизнь.

– Что? Нет, ты не можешь!

Через стол она тянется к моей руке:

– Как и любая работа, наша сказывается на нас. Я выжата. Мне удалось повеселиться, заработать много денег, и в конце концов, у меня появилась семья и настоящие друзья, – Кэнди бросает на меня многозначительный взгляд. Я и раньше знала, что она считает меня своей семьей, но так приятно это слышать. – Ты еще так молода, ты можешь уйти от всего этого и жить нормальной жизнью. Пойти в колледж или найти другую работу, которая тебе понравится. Или можешь забрать мою должность. Я расскажу все, что тебе нужно знать, и даже больше. А если не хочешь брать на себя такую ответственность, то я могу отправить тебя к своему другу в Майами. Неважно, что ты решишь, я поддержу тебя. Всегда буду это делать. И нет значения, где я. Ты всегда сможешь связаться со мной. Честно говоря, я бы хотела, чтобы ты делала это каждую неделю.

Я чувствую, что слезы собираются в глазах при мысли, что Кэнди оставит меня. Она практически заменила мне мать с тех пор, как моя настоящая мама умерла.

– Так ты серьезно? Действительно собираешься сбежать?

– Не сейчас. Может быть, в следующем году. На самом деле, я бы уже могла уехать, если бы не ты. Я не хочу тебя оставлять.

Я очень хочу попросить ее не уезжать, но сейчас мне нельзя быть эгоисткой, поэтому приходится приложить все усилия, чтобы не начать умолять ее остаться.

– Не беспокойся обо мне, Кэнди. Я очень долго этим занимаюсь, все будет хорошо.

С легкой улыбкой она кивает головой. Кэнди знает, что я прячу свои настоящие чувства, но также мы обе знаем, что я буду в порядке.

– Хорошо, – говорит она, – когда выяснишь, чего хочешь, дай мне знать. Я помогу тебе.

Я медленно киваю головой, собираясь с мыслями.

– Ну а сейчас расскажи мне про своего соседа.

На моих губах мгновенно появляется улыбка:

– Возможно, после воскресенья.

- Что именно?
- Наше первое свидание.

И как по команде бабочки исполняют кульбит в моем животе. Ладони моментально начинают потеть. Этот парень определенно забрался мне под кожу.

Глава 14

Эверет

Закончив разбираться с бумажной волокитой, оставшейся со среды, направляюсь в офис шефа. О'Райли здесь нет, он ушел около часа назад, но велел мне задержаться на работе, пока я не закончу. И я почти чувствую, что поступаю неправильно, предавая Мону. Она помогла мне с такими вещами, с какими, как я думал, мне эта помощь не требовалась. Помимо Бренны она показалась мне первым другом с момента переезда во Флориду.

Но это моя работа. Раньше у меня были друзья, к которым я мог обратиться за помощью. Друзья, которые были со мной несколько месяцев. В моей работе нет ничего простого, но она мне действительно нравится. Она дарит мне чувство успеха, не говоря уже о том, что я меняю этот мир к лучшему. Делаю его лучше для таких людей как моя сестра, мой племянник и других детей, которые появятся в будущем.

Я заглядываю в кабинет Джеффа, прежде чем выйти из здания:

– Все еще здесь?

– Черт, да. Ну а ты дозвонился до Кэнди?

– Да, она устроит мне встречу с Чесити во вторник. Подробнее расскажу в понедельник. Сейчас я уже домой.

– Доброй ночи, – говорит Джефф мне в ответ.

Непривычно приходить домой и не видеть там Эмили, особенно в пятничную ночь. Ее приезд был недолгим, но заставил меня немного по-другому смотреть на мир. Мне было тяжело прощаться с ней вчера утром, особенно зная, что она обижена на меня. По дороге в аэропорт я сказал ей, как мне жаль. Сестра извинилась и признала, что перешла черту, зная, что все дело в моей работе. Я осознавал, что стена, образовавшаяся в тот вечер, не разрушилась окончательно, но когда я обнял свою сестру на прощание, то понял, что все не так уж и плохо.

Эмили позвонила мне, когда приехала домой, и я спросил, собирается ли она поговорить с Себастьяном. Она ответила, что сделает это позже. Я

снова дал ей понять, что мне действительно жаль и что всегда буду здесь, если ей понадобится моя помощь, но Эмили ничего не сказала в ответ. Она была последним человеком на земле, которого я хотел бы разочаровать.

Уже почти семь, а автомобиля Бренны все нет. А я так надеялся ее увидеть, чтобы предложить чем-нибудь заняться сегодня вечером. Ночь среды, вероятно, была лучшей ночью в моей жизни. И дело не только в том, что Бренна была сексуальной и веселой, а в том, что она, наконец, открылась мне. Это был хороший шаг в нужном направлении. Меня беспокоил наш поцелуй, но, зная, что он был началом чего-то невероятно страстного, я понял, что это было лучшее решение в моей жизни.

Прошлой ночью мы снова списывались, но наш разговор был недолгим, потому что, как мне показалось, ее что-то беспокоило. Я не могу давить на нее и желать чего-то большего, потому что знаю, что однажды перегну палку, и она сбежит от меня. И я не хочу, чтобы это «однажды» наступило. В Бренне уже есть миллион вещей, в которые я влюблен, хотя едва знаю эту девушку.

Достав из холодильника замороженный ужин, снимаю крышку, прежде чем засунуть его в микроволновку. Мне нужно научиться готовить. Вероятно, я мог бы сходить на какие-нибудь мастер-классы, чтобы впечатлить Бренну. Черт, я уже просмотрел несколько роликов на ютубе, зашел на какой-то сайт под названием «Pinterest», чтобы вычитать советы о том, как приготовить кордонблю. Мне хотелось бы произвести впечатление на Бренну домашним ужином при свечах, а не везти ее куда-нибудь.

Одной мысли о Бренне в моем доме достаточно, чтобы заставить мой член встать. После того как я видел ее обнаженной, трогал себя, глядя на ее фото, то представил, как бы это ощущалось – быть обнаженным рядом с ней. Я сохранил фото Бренны на свой телефон и не могу врать самому себе насчет того факта, что уже успел пересмотреть его огромное количество раз. Должно быть, это ненормально, но я никогда не видел тела, подобного ее. Не встречал женщину, которая могла бы сравниться с ней.

Все связанное с Бренной кажется мне настоящей пыткой.

Достав ужин из микроволновки, швыряю его на стол, прежде чем самому сесть. Пиво уже открыто и стоит на столе. Здесь очень тихо. Я мог бы смириться с тишиной, но не тогда, когда мои мысли роем гудят в голове. Дотянувшись до телефона, включаю музыку, которую успел закачать. Просто немного кантри, чтобы расслабиться.

Мне нужно будет выяснить, какие песни нравятся Бренне, чтобы можно было их записать, особенно после того, как она сказала, что

ненавидит музыку в стиле кантри, которой просто переполнен мой телефон. Поедая свой ужин, пытаюсь подыскать что-то другое. Когда я хочу скачать песню Мита Лоуфа (*прим. переводчика: американский рок-певец, кино- и театральный актёр*), всплывает сообщение. Оно от Бренны. На моем лице сразу же появляется улыбка. Бренна написала первой:

«Эм... ты знаешь, как завести машину?»

Смеюсь, прежде чем вспоминаю, что девушка работает в совершенно другом городе, и я даже не уверен, как далеко она от меня, и как туда попасть.

«Да, где ты?»

«Неважно, кто-то уже остановился, чтобы помочь мне. Но все равно спасибо».

Когда Бренна пишет об этом, во мне сразу зарождается ощущение того, что я должен ее защитить. Кто остановился и помог ей? Парень? Что, если она совсем одна, и кто-то мог ей воспользоваться? Возможно, мне не следовало этого делать, но я все же написал и спросил, где она.

«Где ты? Я все еще могу тебе помочь. Или, в конце концов, проводить тебя до дома, так что ты не попадешь в аварию».

Проходит минута, а ответа все нет, так что я звоню ей. Мысль о том, что с ней могло что-то произойти, совершенно мне не нравится. Бренна отвечает после третьего гудка, и я слышу ее смех.

– Еще раз спасибо, – говорит она кому-то. Ее голос становится спокойнее, когда она начинает говорить со мной. – Хэй, извини, я как раз отвечала на твое сообщение.

– Ты в порядке?

Я слышу, как закрывается дверца ее машины. Успеваю даже уловить ноты музыки, прежде чем Бренна ее выключает.

– Ох, да, я в порядке. Просто стояла и смотрела на двигатель, не имея ни малейшего понятия, что делать, пока кто-то не остановился и не помог.

– Но сейчас он ушел?

– А кто сказал, что это был мужчина? – я слышу оборонительные нотки в ее голосе.

Не хочу создать впечатление ревнующего парня, ведь я таковым не являюсь. Я лишь хочу защитить ее. Говорю себе, что есть разница между этими двумя понятиями, но сам себе не верю.

– Извини, я знаю, это не обязательно должен быть парень. Просто мне не нравится, что с тобой может случиться что-то плохое. Парни любят пользоваться девушками, когда вокруг никого, а их машина заглохла. Особенно привлекательными девушками на хороших машинах.

Спустя секунду она отвечает:

– Все хорошо. Я всегда ношу с собой газовый баллончик. И пистолет.

– Почему ты носишь пистолет?

Я мысленно возвращаюсь к ее образу, когда она была вся в побоях. У нее есть причина, по которой она может носить с собой пистолет, и я уверен, эта причина связана с теми синяками. Это было не один раз. Мое тело сразу же напрягается от злости. Не думаю, что когда-либо смогу выкинуть эти образы из своей головы, особенно если не узнаю, кем был тот придурок, который сделал с Бренной это.

Девушка усмехается, умудряясь найти что-то забавное в том, что мне кажется ужасно сексуальным и опасным одновременно. Она, держащая в руках пистолет и стреляющая из него. Должно быть, это невероятное зрелище, но совершенно другое чувство у меня вызывает картина, как кто-то нападает на нее, и поэтому она вынуждена носить с собой оружие.

– Я молода, привлекательна в глазах многих парней и чаще всего нахожусь совсем одна. Лучше я сейчас буду в безопасности, чем потом сожалеть.

Я не могу злиться на то, что она защищает себя. На самом деле, и не злюсь. Мне нужно напоминать себе, что она умеет обращаться со многими вещами, больше, чем я хотел бы.

– Хорошо, – отвечаю я. – Что сейчас делаешь?

– Веду машину, – глумится Бренна.

– Я имел в виду, куда ты едешь?

– Домой.

Я осмеливаюсь спросить:

– Ты... хочешь чем-нибудь заняться сегодня?

Девушка тихо вздыхает, и до моего уха докатывается эхо от вздоха, а затем удивляет меня, сказав:

– Скоро увидимся. Я должна переодеться, прежде чем смогу выбраться куда-то.

– Ты уже поужинала?

– Нет. И я просто умираю с голоду.

– Увидимся, когда ты приедешь. Езжай аккуратно.

– Увидимся, – и разговор этим заканчивается.

Я гляжу на жалкое подобие своего ужина. Встав, я хватаю контейнер и выбрасываю его в мусорное ведро. Если Бренна проголодалась, я должен сделать что-то действительно хорошее.

Направившись в ванную комнату, достаю свой станок и сбрываю щетину на лице, от которой следовало избавиться несколько дней назад.

Чищу зубы и расчесываюсь. Потом бегу в спальню, чтобы переодеться и спрятать свой значок, включая все остальные мысли, говорящие о моей настоящей работе. Затем использую дезодорант и одеколон. Бренна не дала мне ни одного намека насчет того, что мы будем делать сегодня, помимо ужина, так что я собираюсь сделать этот вечер особенным.

Никакой романтики, нужно что-то веселое. Что закончится поцелуями. Может быть, чем-то большим.

Черт бы меня побрал, надеюсь, чем-то большим.

Когда я полностью готов, то беру телефон и сразу начинаю поиск того, чем можно заняться в Пенсаколе. Когда я нахожу что-то с названием «GalleryNight», то надеюсь, что это понравится Бренне. Здесь есть музыка, еда, развлечения, старые дома, искусство и многое другое. На мой взгляд, звучит достаточно романтично.

Я продолжаю выискивать детали, продолжая быть тем же осторожным парнем, что и всегда, выясняя, насколько там безопасно. Судя по тому, сколько мне надо будет выложить денег, это стоящее место. Прежде чем окончательно все продумать, слышу мягкий стук в дверь.

Бренна буквально выбивает воздух из моих легких. От ее вида захватывает дух. Она надела белые джинсы до колена, которые так прекрасно обхватывают ее задницу, розовую футболку, которая подраживает меня своим декольте, открывающим больше, чем мне хотелось бы, но я никогда не признаю этого вслух. Ее длинные черные волосы немного завиваются, ложась на плечи. А лучшая часть ее образа – это чертовски красная помада на ее сочных губах.

Прочистив горло, я одариваю ее приветливой улыбкой:

– Ты выглядишь... невероятно.

Заходя в мою квартиру, Бренна показывает в улыбке свои сверкающие белые зубы.

– Спасибо, – оглядывая меня, говорит она, – ты тоже прекрасно выглядишь.

Бренна ставит свою сумочку на стойку, а затем оглядывается:

– У тебя есть какой-то план или будем сидеть здесь?

Тот факт, что девушка выглядит подобным образом и думает, что мы останемся здесь... Я чертовски уверен, что она хочет больше, чем просто поцелуев. Если нет, то она очень хорошо умеет дразнить мужчину.

– Да, есть, но если ты хочешь остаться здесь, то мы это сделаем.

Ее желудок отвечает за нее. Его урчание проносится между нами, заставляя ее щеки окраситься в розовый цвет.

– Если ты в одночасье не стал шеф-поваром, то нам придется

выбраться из дома.

– Я готов, дело за тобой.

Бренна снова берет свою сумку и направляется к двери. Когда она проходит мимо меня, то меня накрывает ароматом ее духов, я ловлю Бренну за талию и притягиваю к себе. Она смотрит на меня, затаив дыхание, и широко распахивает свои прекрасные глаза.

– Я хочу поцеловать тебя.

Когда девушка не отвечает мне, я наклоняюсь, чтобы подарить простой поцелуй, потому что мне очень хочется еще раз ощутить вкус ее губ. Ее тело тут же подчиняется моему, волной прижимаясь ко мне, но я знаю, что если поддамся искушению, то мы никогда не выберемся из дома. Собираю всю силу воли, чтобы отпрянуть от поцелуя Бренны, а затем, усмехаясь, смотрю на самую прекрасную женщину, которая когда-либо попадалась мне на глаза.

– Извини, – шепчу я, – ты невероятная.

Она отталкивает меня, снова двигаясь к двери. Нельзя отрицать, Бренна пытается держаться от меня подальше, все еще хочет играть роль недотроги, но, кажется, она не понимает, что я уже выигрываю. У меня уже есть большая ее часть, и я не успокоюсь, пока не получу всю ее.

Когда мы забираемся в мой пикап, Бренна не спрашивает, куда мы направляемся. В действительности, она не говорит ни слова. Бренна открывает какую-то маленькую коробочку, смотрит в зеркало, попутно водя пальцем по своим губам там, где я испортил ей макияж, затем резко закрывает зеркало, уставившись вперед.

– Тебе хочется морепродуктов? Стейка? Или чего-то еще? – спрашиваю я.

Девушка смотрит на меня, пожимая плечами:

– Мне хочется поесть. Даже если мне подадут слона, сейчас я не буду возражать.

– Я рад, что ты наслаждаешься едой. Ненавижу, когда девушки подсчитывают калории.

– Я много работаю. Мне нужна энергия. Я, конечно, люблю салаты и овощи, но могу съесть мороженое в один присест и положить добавку.

– Ну и где ты работаешь?

– О! В единой системе обмена сообщениями. У меня спортзал на работе.

То, о чем Бренна рассказывает, так странно, но я воздерживаюсь от вопросов.

Я ставлю свой грузовик на парковку в районе недалеко от центра

города. Бренна наклоняется и выпрыгивает из грузовика, как следует хлопнув дверцей. Я выбираюсь следом. Гляжу на ее обувь и понимаю, что она обула какие-то ремешки.

– Я уже научилась ничего не обувать, чтобы не сломать голову, выходя из твоего грузовика.

– Ты не любишь большегрузы?

– Мне не нравится кое-что, напоминающее город на колесах.

– И позволь поинтересоваться, почему?

Бренна опускает взгляд вниз, на свои ноги. Я пытаюсь взять ее за руку, но она засовывает ее в карман джинсов, не позволяя мне прикоснуться к себе.

– Твоя сестра ведь поведала тебе о моих родителях?

– Нет, – отвечаю ей. Я спрашивал Эмили, о чем они трепались несколько раз, но она уверила меня, что ни о чем важном. Видимо, это была ложь. Я уверен, Бренна это знает и ценит. Мне тоже не нравятся люди, треплющиеся о чем-то, что явно их не касается. – А она должна была?

– А, это не важно, – девушка останавливается, чтобы взглянуть на меня. – Они умерли, когда я была еще совсем маленькой, и они действительно облажались. Я до сих пор не могу понять, что заставило меня продолжать жить? До их смерти у нас была прекрасная жизнь. Мы жили в деревне. У бабушки с дедушкой была своя ферма, и мой папа водил грузовик, из которого постоянно рвалась музыка кантри. Моя любимая вещь, кстати, как и старенькие, растерзанные сапоги пастушка, и я боготворила Дьюка Дейзи. Подобные вещи всегда возвращают меня к воспоминаниям о моих родителях и отнюдь не приносят мне радости. Кровь на их телах, когда я обнаружила их. Да и то, что они оставили меня в столь уязвимом возрасте.

– Черт, я не знал, Бренна, – я пробегаю пальцами вдоль ее руки в попытке успокоить, но в глубине души сомневаюсь, что это сработает. – Ты можешь рассказывать мне о чем угодно, Бренна. Я выслушаю тебя без осуждения.

– Спасибо, – бормочет она. – Я сделала все, чтобы забыть о своем прошлом и не люблю вспоминать о нем. Особенно своих родителей. Но твоя искренность важна для меня, – кажется, она не впечатлена, но это и понятно.

– А Эмили не поведала тебе, случайно, о наших с ней родителях?

Кивнув, Бренна тихо отвечает:

– Говорила. И мне было жаль услышать об этом.

Мы приходим в ресторан с открытой площадкой. Я спрашиваю Бренну, хочет ли она поесть на террасе, и девушка с радостью соглашается. Вид на океан прекрасен, а вдали можно увидеть маяк у берегов. Я мысленно делаю себе заметку когда-нибудь провести там с Бренной день. Мы садимся за длинный стол не слишком близко к другим. В центре стола стоит свеча, пламя колышется от малейшего дуновения ветерка. Солнце еще не село, но это произойдет где-то через час или около того. А значит, мы встретим здесь закат.

Официантка подходит, чтобы принять у нас заказ. Меню в основном состоит из морепродуктов, поэтому я заказываю жареную пикшу, а еще салат и ролл, идущие в комплекте. Бренна заказывает жареные с боков моллюски и картофель фри и просит принести ей картошку и салат перед основным блюдом. Я понятия не имею, куда в нее влезает все, что она ест.

Сейчас между нами царит большее умиротворение, чем до того момента, когда мы только вошли. Еда на свежем воздухе приносит спокойствие, а между нами этого не было, ведь мы подняли тему о родителях. Теперь, когда Бренна слегка приоткрыла завесу, я спрошу Эмили о том, что рассказала ей девушка. У меня такое ощущение, что Бренна скрывает намного больше. Все это заставляет меня поступать так, как мне не свойственно, но что поделать, ведь я открыл счет.

– Взгляни вон туда, – девушка указывает в сторону моря.

В воде, может быть, метрах в ста от берега резвятся два или три дельфина.

– Святой Боже! Это круто! Надеюсь, они не поплывут к берегу.

– Да не должны. Они же умные животные. Наверняка что-то привлекло их сюда, – Бренна улыбается, наблюдая за дельфинами. Я улыбаюсь, любуюсь ею. Она просто завораживает своей улыбкой. – Ты когда-нибудь видел дельфинов? Ты сказал, что никогда не был на море раньше.

Когда она смотрит на меня, я пытаюсь отвернуться, но это не срабатывает. Я ловлю ее руку. Бренна слегка суживает глаза, как будто предупреждает меня не делать этого вновь. Но разве я послушаю. Трудно не смотреть на нее. Особенно вкупе с этой убийственно яркой красной помадой на губах.

– Что? – спрашиваю я, совершенно забыв, о чем она говорила несколько секунд назад.

Округлив глаза, Бренна повторяет свой вопрос:

– Ты когда-нибудь видел дельфина? Ну, как живого человека.

– Ой! Нет. На самом деле я видел только акулу в аквариуме в

Ричмонде. Мне даже удалось погладить ее детеныша. Там еще были электрические угри, скаты и еще всякие твари, похожие на голотурии (прим.: голотурии или морские кубышки, или морские огурцы – класс беспозвоночных животных типа иглокожих).

Мне чудится, что Бренна издает смешок, прежде чем вернуться к наблюдению за дельфинами. Она смотрит, как эти красивые морские животные прыгают и резвятся в море на некотором расстоянии от нас. Они уплывают все дальше и дальше.

– Есть какая-то притягательная красота, когда дельфины резвятся вот так в океане, а не в аквариуме. Это их естественная среда. Это так завораживает.

Чувство, с которым девушка говорит об этом, повышается в ее рейтинге моего хит-парада до одного из самых любимых в Бренне. У нее при этом такой взгляд и голос, что ни с чем не сравнить. Через мгновение она смотрит на меня и удивленно приподнимает брови:

– Почему ты так пристально меня разглядываешь?

– Как «так»? – переспрашиваю.

– Не притворяйся, что не понимаешь, о чем я. Я поймала тебя дважды. Это странно, прекрати.

Девушка слегка краснеет. Я воспринимаю это как знак, что Бренна нервничает. Но держится она хорошо, что не дает мне какие-либо другие намеки, кроме румянца, чтобы определить, злится ли она, застенчива, уязвима или стесняется. Станным образом я горжусь, что она сильная и волевая, такая, как есть. Немногие девушки могут похвастаться этим, по крайней мере, не те, что выются вокруг меня.

Официантка приносит наши салаты вместе с картошкой фри и напитками. Мы заказывали красное вино. Бренна хотела красное вино и до этого, в воскресенье, но я предельно честен, когда говорю, что ничего не знаю о винах, кроме того, что это забродивший виноград.

– Какая марка вина хоть? – таким образом для себя я сделаю пометку о вине, которое мы покупали в воскресенье.

– «Пино Нуар», одно из моих любимых. Но оно также хорошо идет к морепродуктам. Ну, и если ты любишь красное вино.

– Так... А что лучше всего сочетается с курицей кордонблю?

– Лучше всего подойдет мерло, если уж быть честной.

– Но все-таки красное?

Девушка ухмыляется, поддразнивая меня.

– Нет, что ты, фиолетовое, – когда Бренна подмигивает мне, прежде чем вернуться к поглощению картошки, я сомневаюсь, уж не послышалось

ли мне. На самом деле, «Мерло» – это один из сортов вин, о котором я что-то слышал, но никак не могу припомнить, в связи с чем.

К тому времени, как Бренна заканчивает со своей едой, а я – со своей, мы оба насыщаемся и готовы расплатиться. В тот момент, когда я подписываю чек, из меня вырывается громкая отрывка, видимо из-за того, что я выпил слишком много содовой. Бренна стоит рядом и улыбается:

– Прозвучало так, будто ты потерял пять фунтов вместе с отрывкой.

– И это тоже, – я встаю из-за стола, и мой желудок опускается.

Когда мы покидаем ресторан, я приобнимаю Бренну. Она напрягается на секунду, но тут же расслабляется. В отличие от того вечера после концерта, когда она оставалась словно каменная, пока мы протискивались сквозь толпу. В тот момент я не мог и представить, что мне представится возможность разгадать эту девушку, так что сейчас могу праздновать победу.

Мы по-прежнему идем в обнимку вниз по городу. Небо начинает превращаться в голубовато-фиолетовое с завитками розового и всполохами оранжевого. Солнце почти скрывается за горизонтом, но звезд пока не видно. Даже луны не видно. Прекрасная ночь для прогулки.

Огни отражаются, будто нанизанные на здания, а некоторые дома очень старые. Бренна показывает мне несколько любимых ею домов, я смотрю и понимаю, что мне они тоже нравятся. Мы проходим мимо группы уличных музыкантов, и девушка тянет из кошелька десять долларов, чтобы бросить их в черный футляр из-под гитары. Мужчина кивает ей, продолжая играть.

В другом квартале ниже по дороге находится музей с табличкой «Добро пожаловать», освещенной зеленым неоновым светом.

– Хочешь зайти? – спрашиваю.

Бренна с настойчивостью тянет меня за руку, готовая войти даже раньше, чем я закончу свое предложение.

– Я люблю искусство. Это так красиво! – она подходит к первой стене, разглядывая выставленные работы, затем переходит к следующей.

Бренна ничего не говорит, но смотрит на все с той же страстью в глазах, с какой наблюдала за дельфинами. Сегодня я определенно сделал правильный выбор. Вот это новость!

Мы разворачиваемся к следующей стене, но тут девушка останавливается как вкопанная, но не из-за новой экспозиции. Возле стены стоит мужчина. Он смотрит на Бренну, огорченно вздыхает, затем продолжает разговор с женщиной, повисшей на его руке.

Бренна внутренне отгораживается. Она больше не расслаблена и не

радостна, а скорее нервничает, да еще так, как я никогда не видел.

Она продолжает смотреть на мужчину, а я бросаю взгляды по сторонам, пытаюсь выяснить, откуда она знает этого господина. Когда он оглядывается на Бренну, взглядом предлагая уйти, это говорит о многом. В его глазах застывает предупреждение, и мне это ни капли не нравится.

Наклонившись к Бренне, спрашиваю шепотом:

– Все в порядке?

Ее тело странным образом реагирует на мои слова, хотя я стою рядом с ней, да еще и держу за руку. Ее хватка вдруг становится сильнее, и Бренна кивком головы соглашается со мной. Она снова тянет меня, безмолвно предлагая идти, но на этот раз не к картинам, а в сторону двери.

– Что за тип? – спрашиваю я, когда мы подходим к тротуару.

Бренна отпускает мою руку и опускается на колени. Я на миг прихожу в замешательство, но потом опускаюсь рядом, отводя пряди волос от ее лица.

– Бренна, – зову ее.

Девушка кажется слишком ошеломленной, чтобы ответить мне. Тогда я щелкаю пальцами перед ее лицом, пытаюсь привести в чувство, одновременно сдавливая ее плечо. Ненавижу это делать, но девушка закрылась от меня, и это пугает.

– Бренна, – повторяю более настойчиво.

Вдруг она судорожно втягивает воздух, чуть не задохаясь при каждом вздохе. Взглянув на меня со слезами на глазах, она умоляюще спрашивает:

– Можем мы пойти домой? Ну, пожалуйста!

Кивнув, я говорю ей, что, конечно, можем, и помогаю подняться. До грузовика идти пять кварталов, так сможет ли она проделать этот путь, заодно вернувшись к реальности? Может быть, она откроет тайну, кто этот чертов придурок, чтобы я смог решить, как справиться с этой проблемой?

Мы прошли уже три квартала. Бренна почти повисает на мне, ища помощи при каждом следующем шаге. Впереди показывается скамейка, и Бренна просит меня посидеть на ней. Я помогаю опуститься на скамейку ее изможденному телу. Она тут же соскальзывает и повисает так, что лежит практически параллельно земле.

– Бренна, – я вновь задаю вопрос, – кто этот мужик?

Она качает головой в разные стороны, не отвечая мне.

– Мне пойти и спросить его, что происходит?

Наконец, взглянув на меня, с побледневшим, как у призрака, лицом, Бренна начинает трясти головой сильнее:

– Нет, Эверет, ты не можешь этого сделать.

– Почему? Кто он такой?
– Почему это важно для тебя?
– Наверное, не было бы, если бы мне не посчастливилось лицезреть приступ отчаяния и паники из-за какого-то дегенерата, стоявшего возле очередной мазни в художественной галерее.

Она закрывает глаза и говорит:

– Можем ли мы вернуться домой и поговорить об этом там?
Пожалуйста!

Как бы мне не хотелось немедленно услышать ответы на все свои вопросы, я все же соглашаюсь с Бренной и снова помогаю ей подняться. На этот раз она не склоняется ко мне и не тянется к моей руке. Я не настаиваю опереться на меня, потому что и так уже давлю на нее, желая получить ответ на вопрос о том мужике.

Все то время, что мы добираемся до дома, Бренна молчит. И радио тоже молчит. Вообще стоит тишина. Хотя в моей голове крутятся тысячи мыслей, которые бы я хотел озвучить Бренне. К счастью, до дома ехать недалеко. Я помогаю девушке покинуть салон машины и в качестве благодарности получаю жалкую улыбку.

Бренна не возражает против того, что я привожу ее к себе домой. Как только мы оказываемся внутри, я направляюсь прямо на кухню, чтобы принести ей стакан воды, а Бренна сразу идет к дивану. Я подхожу, чтобы вручить ей стакан воды. Она улыбается менее вымученно, чем раньше, но по-прежнему ничего не говорит.

– Может, тебе принести что-то еще? – спрашиваю я.

Качая головой, Бренна наклоняет стакан, чтобы поставить на стол.

Я всматриваюсь в нее несколько минут, прежде чем открыть рот:

– Бренна, для тебя это что-то очень болезненное. Так что не торопись с ответом, но мне нужно знать, кто этот парень.

Девушка молча кивает, пристально разглядывая свои ногти. Потом принимается разминать ткань на джинсах как отвлечение, затем тяжело вздыхает:

– Помнишь, ты видел меня в тот день, выходящей из лифта, и я сказала тебе, что упала?

Во мне начинает закипать злость. Я точно знаю, что сейчас услышу. Сквозь зубы я выговариваю:

– Да.

– Я никогда не падаю, – Бренна прекращает расправлять ткань на джинсах и бросает на меня осторожный взгляд. Тихие слезы стекают по ее лицу.

– Ты хочешь мне сказать, что этот кусок дерьма проделал такое с тобой?

Мне нужно держаться подальше от нее сейчас, потому что я напуган тем количеством гнева, что разгорается во мне. Я был всего в нескольких метрах от того козла, что приложил свои руки к Бренне, и не порвал его. Так или иначе, но я снова найду этого сукиного сына и заставлю заплатить за все, что он причинил Бренне.

– Кто он? – спрашиваю перед тем, как она ответит на последний вопрос.

Теперь нет смысла молчать, когда мы оба в курсе, что он натворил.

– Я не должна ничего говорить тебе об этом, – тихо отвечает она. – Это часть моей работы. Мне нельзя разглашать имена клиентов, даже если я больше не работаю. Я получила деньги, подписала контракт. Если я назову тебе имя, Эверет, то потеряю все: не только работу, но и деньги, квартиру, машину. Все.

– Но я не стану ничего предпринимать, – говорю я, понимая про себя, что лгу. Я найду способ обойти это постановление. Придумаю, как мне связать этого козла с наркотиками и засадить в тюрьму лет на восемь, а затем заплачу одному из сокамерников, чтобы его прирезали ночью. Может, я и не смогу поступить таким образом, но помечтать тоже не помешает, да и почувствовать себя лучше всегда приятно. – Мне нужно лишь имя, Бренна. Вот и все.

Девушка отрицательно качает головой:

– Вот почему я ждала, пока мы не доберемся до дома. Чтобы избежать риска. Пожалуйста, он не стоит твоей заботы.

– Ты впервые встретила его с тех пор, как это произошло?

Она кивает.

– Он все еще связан с тобой по работе?

– Нет. Моя начальница удалила его из базы клиентов. Она – единственный человек, кто в курсе всего произошедшего.

– Так ты сейчас говоришь мне о том, что твоя начальница не разрешила тебе заявить на него в полицию и даже сама не отправила тебя туда?

Бренна поднимается с дивана, прохаживаясь туда-сюда, словно не зная, куда податься.

– Я говорю тебе, в полиции одни придурки. Не стану обращаться к ним. А этот гад – крупная шишка.

Девушка тянется к своей сумочке, но я быстро подхожу к ней, кладя свои ладони на ее руки.

– Пожалуйста, не уходи, – прошу я.

Ее тело становится неподвижным, совершенно неподвижным в моих руках. Бренна не сопротивляется моим объятиям, поэтому я разрешаю себе принять ее ответ как положительный.

– Причина? – шепчет она через пару секунд.

Я притягиваю ее ближе к себе, закрывая глаза. После секундного замешательства сумочка выскальзывает из ее рук, падая на пол, и Бренна крепко обнимает меня. Надеюсь, объятия принесут ей столько же комфорта, сколько и мне.

Наклонившись, я целую ее в макушку, не разжимая объятий.

– Прости, если пересек черту. Я злюсь на себя. Ненавижу, что ты чувствуешь себя так хреново, а я ничем не могу помочь. Ненавижу его за то, что он сделал с тобой, а еще больше ненавижу, что ты не доверяешь мне в достаточной степени, чтобы сказать его имя. Но я понимаю причину твоего отказа, даже если не готов смириться с ней.

Бренна поднимает голову и смотрит на меня. Слезы беззвучно катятся из ее глаз. Девушка молчит, пытаясь преодолеть душевную боль.

Я разжимаю объятия только после того, как она вытирает слезы ладонками, и помогаю стереть размазанную косметику. Потом касаюсь волос Бренны, прикрывающих ее лоб и щеки. Девушка молча смотрит на меня.

– Я хочу тебя защитить, – шепчу ей.

– У меня никогда не было кого-то, кто пытался бы так поступить, – отвечает она удивленно. – И я не знаю, как на это реагировать.

– Позволь мне показать тебе.

Девушка пробегает пальцами по моим волосам, то загребая их в кулак, то вновь отпуская. Сначала у нее выходит немного неуверенно, но потом она уже не отпускает. Бренна использует мои волосы в качестве средства, помогающего ей приблизить мой рот к своему.

Я чувствую, когда она снова начинает плакать, и это в то время, что мы целуемся. Но я не думаю, что на этот раз – от боли. Нет, я уверен, что теперь слезы – по совершенно противоположной причине. За то, что позволила себе открыться мне, позволила вообще этому случиться. За то, что уже сделала шаг отпущения, так что однажды, очень надеюсь на это, она сможет влюбиться в меня.

Приоткрыв рот, Бренна пробегает языком по внутренней стороне моего рта. Она пожирает всю мою жизнь. Это заставляет меня хотеть большего. Я начинаю пятиться назад, направляясь к спальне. Бренна следует за мной, становясь все более разгоряченной с каждым шагом.

Когда мы входим в комнату, я поворачиваюсь, стараясь, прижать ноги девушки к кровати, чтобы повалить ее на покрывало одним махом. И падаю вместе с ней, не разрывая поцелуя.

Бренна изворачивается подо мной, чтобы оказаться сверху, страстно впиваясь мне в губы. Ее эмоции берут верх, и она выпрямляется, оставаясь сидеть у меня на коленях с немым вопросом в глазах.

– Эверет, – горячо шепчет она. – Ты любишь меня?

Я руками вцепляюсь в ее бедра: нужно же за что-то схватиться после услышанного вопроса.

– Я сделаю все, что ты захочешь от меня.

Она скрещивает руки перед собой, захватывая подол рубашки, чтобы стянуть ее через голову, бросая куда-то за кровать. Ее грудь прикрыта желтым бюстгалтером. Я действительно не знаю, хочу ли, чтобы она стянула бюстгалтер, но единственное, чего мне действительно хочется, так это чтобы бюстгалтер остался со мной.

– Встань, – почти приказываю ей, – и сними джинсы. Я хочу посмотреть, что еще на тебе надето.

Мне нравится улыбка, которой она меня одаривает.

Стоя на коленях, Бренна приподнимается надо мной, чтобы стянуть джинсы. Когда она снова выпрямляется, то гордо демонстрирует свое тело, лучшее из всех виденных мною когда-либо. Единственная ткань, прикрывающая ее нижнюю часть, в тон верхней части и, черт возьми, эти детальки только добавляют ей сексуальности. И в этом вся Бренна.

– Тебе нравится то, что ты видишь? – спрашивает она, ожидая от меня какой-либо реакции. Какой угодно.

Я неловко хрюкаю, не в состоянии сформулировать ответ на ее вопрос в данный момент. Поднимаю свои глаза, чтобы встретиться с ее потрясающими зелеными глазами, неспособный ей отказать:

– Я люблю все в тебе, Бренна. И мне нравятся твои формы.

Глава 15

Бренна

Я позволила Эверету увидеть меня другой. Не той, кем я являюсь на самом деле. Не понимаю, как он может быть влюбленным в меня? По мне, так он любит мое тело и не может дождаться, чтобы трахнуть меня. Но я не хочу, чтобы он просто трахал. Я хочу, чтобы он увлекся мной. Я хочу того же, что и он. Чтобы его тело было сплетено с моим.

Страстный, жесткий, любящий. Такой, какого у меня никогда не было раньше.

Шагнув вперед, я говорю:

– Покажи мне.

Эверет садится, быстро стаскивает рубашку через голову, не останавливаясь, чтобы стащить носки и брюки. Все, что на нем осталось – его боксерские трусы. Он засовывает пальцы за пояс, чтобы стянуть и их, но я останавливаю его.

– Позволь мне, – предлагаю.

Мы одновременно закрываем глаза, когда я снимаю с него нижнее белье. Как только боксеры сползают по ногам, откидываю их прочь и распахиваю глаза, чтобы взглянуть на Эверета. Его живот покрыт рядами кубиков. У него глубоко очерченная буква V на талии. Я опускаю свой взгляд вниз, чтобы увидеть, что он такой же большой, как и на присланном мне вчера снимке... и точно такой же тяжелый. Пробегаю пальцами по его длине, откидываясь назад, чтобы посмотреть, наблюдает ли он за мной. Эверет внимательно следит за манипуляциями моей руки, затем скользит взглядом по моему телу вверх, чтобы встретиться со мной глазами.

– Теперь моя очередь, – бормочет мужчина.

Поднявшись, он тянется к застёжке на лифчике, и тот падает. Эверет облизывает губы, сосредоточенно рассматривая меня. Одной рукой он накрывает мою грудь, и я почти уверена, что расслышала слово «еб*ть» вместе с вырвавшимся судорожным вздохом. Потом медленно проводит вниз по животу, нежно скользя кончиками пальцев по коже и цепляя трусики, позволяя им медленно спуститься по моим бедрам. Встает на колени стремительным движением. Встретившись с ним взглядом, я понимаю, что Эверет возбужден, видя наглядное доказательство в его расширившихся зрачках.

– Я уже говорил тебе, что буду целовать все твоё тело, – наклоняя голову, он прижимается губами к моему бедру, затем переходит к другому. Легко посасывает кожу между поцелуями. Эверет мне нужен внутри прежде, чем меня накроет оргазм от его поцелуев.

– Ложись на кровать, – шепчет он.

Я делаю, как он говорит.

Пробежав пальцами по внутренней поверхности бедра, он раскрывает мою плоть. Затаив дыхание, пристально рассматривает все, что я так щедро ему предоставляю. Поглаживая пальцем вдоль щели, Эверет констатирует:

– Ты мокрая, – он смотрит на меня и видит, что я уже ни на что не обращаю внимания.

– Ммм, – кажется, это единственное, о чем я могу говорить, откидываясь обратно на матрас.

Эверет поцелуями прокладывает путь по одной моей ноге, плавно переходя к другой. Это раздражает меня, но так чертовски хорошо чувствуется. Пальцами он исследует кожу моих ног, слегка надавливая, скользит вверх к моим бедрам, раскрывая их прямо по обе стороны от своего лица, прежде чем подтянуть мое тело к краю кровати.

В следующий момент своим ртом он обрушивается на мою киску, словно дегустируя, затем облизывает клитор, втягивая его в рот, чтобы щелкнуть по нему языком. Потом он скользит языком по всей киске, вылизывая меня, пробуя меня, поедая меня до содроганий тела.

– О... мой... Бог! – я только и могу, что стонать, судорожно выгибаясь всем телом, пока его рот продолжал свое победное пиршество.

Предчувствуя приближение новой волны удовольствия, я протягиваю руки, чтобы схватить Эверета за волосы, потянув точно к тому месту, где нуждаюсь в нем больше всего, затемдвигаю бедрами вдоль его лица. Второй оргазм накрывает меня с головой.

Отпуская волосы и в изнеможении падая на кровать, я не готова вновь испытать столь сильные ощущения. Но когда Эверет продвигается с поцелуями вверх по моему телу, меня охватывает осознание того, что просто так ничего не закончится. Честно говоря, я рада, потому что с этим человеком я не трахаюсь, а занимаюсь любовью... Для меня он не клиент, а тот мужчина, кто переворачивает всю мою жизнь с ног на голову.

Проходя поцелуями по скуле, Эверет приближается к уху, шепча:

– Могу я поцеловать тебя в губы? Хочу, чтобы ты почувствовала, насколько ты невероятна!

– Делай все, что захочешь, детка, – выдыхаю я.

Мужчина впивается в мои губы страстным поцелуем. Рукой, просунутой между моих ног, тербит и массирует клитор. Я обнимаю Эверета, пытаюсь подтащить вверх, чтобы получить свое, но он еще не готов сдаться. Этот невероятный мужчина ждет, пока я кончу еще раз. И когда меня охватывает дрожь, он перестает целовать и пробегает взглядом сверху вниз.

В момент, когда оргазм накрывает меня, Эверет улыбается от восторга:

– Ты великолепна, когда кончаешь.

Я знаю, что мое лицо покрывается румянцем, но сейчас не то время, чтобы благодарить Эверета. Вместо этого я протягиваю свою руку вниз к его члену и зажимаю в кулак. Я скольжу вверх-вниз, слушая почти неслышные стоны. Эверет блаженно закрывает глаза, растягивая губы в

улыбке от того, что я прикасаюсь к нему. Понимаю, почему он так восторгался моим оргазмом, поскольку сама люблю удовольствие на его лице, зная, что только я причина всего этого.

– Я собираюсь надеть резинку, – шепчет он почти без движения. Эверет смотрит на меня широко распахнутыми глазами. В его взгляде столько страсти, что это невольно вызывает во мне дрожь, – и заняться с тобой любовью, Бренна.

У меня был секс сотни, может быть, тысячи раз, но сейчас я твердо знаю, что занимаюсь любовью. Эверет располагается между моих ног, с нежностью глядя на меня. Я никогда не ощущала ничего подобного раньше и не скоро об этом забуду. Одной рукой Эверет ласково гладит меня по щеке, другой держит свой член, направляя его в мою киску. Одно движение, и он заполняет меня целиком.

Мы молчим, пока наши тела покачиваются в древнем, как мир, ритме. И нет необходимости в словах. Через несколько минут наши дыхания сбиваются, тяга друг к другу становится сильнее. Эверет находит такой угол проникновения, чтобы я чувствовала его все время. Удовольствие расползается по телу, заставляя в экстазе выкрикивать его имя, затем приводит к вершине.

Я смотрю на него. Наши тела по-прежнему соединены. Пот льется между ними. Эверет целует мой подбородок, прокладывая себе дорожку по шее до ключицы. Я задыхаюсь, произнося его имя, пока он покусывает мою кожу.

Мужчина снова меняет положение наших тел, поднимая мою ногу выше, чтобы дать себе лучший угол скольжения внутри меня. Тело Эверета требовательно и интенсивно, и я снова начинаю плавиться.

Глядя на меня, он улыбается:

– Готова кончить еще раз? – его голос прерывист.

Я киваю в ответ, чувствуя, что на этот раз инициатива предложена мне. Он яростно прижимает свои губы к моим, затем отстраняется. Я чувствую дыхание на своих губах, когда он шепчет:

– Давай вместе со мной.

И как будто слова приобретают магический оттенок. Я крепче прижимаюсь к нему, пока каждый нерв в моем теле звенит от напряжения. Эверет сильнее впивается пальцами в мои волосы, издавая хриплый стон. По его телу прокатывает дрожь, и он расслабляется.

Запечатлев нежный поцелуй на моем плече, он стремится вверх, пока не сосредотачивается на моих губах.

Теперь я твердо уверена, что, пока живу, ничто не сравнится с этим

моментом.

***

В пятницу вечером я заснула в обнимку с Эверетом. Проснувшись в районе трех утра, я все еще была в его объятиях. Он удерживал меня в своих руках, как будто бы боялся потерять, пока спал. В каком-то смысле я этого и хотела, но в миллионе разных других способов этот был самым правильным в мире.

Мой разум включился несколькими минутами позже, в результате чего я так и не смогла снова уснуть. Я подвергла сомнению каждый аспект происходящего. К тому времени как Эверет проснулся, я успела все несколько раз обдумать и прийти к выводу, что он нужен мне. Я позволю этому случиться. Позволю Эверету войти в мою жизнь. Открою ему свой мир.

Я обдумала все, о чем мы с Кэнди сплетничали на днях, вернее то, что она сказала мне. Про то, что я молода и у меня есть сто вариантов выбора своей жизни. По правде говоря, я все равно мечтала пойти по ее стопам. Я хочу управлять бизнесом, найти таких же людей, как Мона, Кэнди, которым нужен проводник... Кому нужны возможности. Я попытаюсь встретиться с ней в понедельник, чтобы обговорить варианты своего обучения.

До недавнего времени я не представляла, что захочу поменять свою жизнь, особенно из-за мужчины. Не то, чтобы я делала это строго ради Эверета, но и из-за себя тоже. Всего лишь месяц назад это было необходимо мне... Теперь же я чувствую себя виноватой.

Я виновата в том, что обманываю Эверета, предаю его доверие. Из-за того, что я делаю: сплю с другими мужчинами, а потом, несколько часов спустя, занимаюсь любовью с Эверетом. Я знаю, что никогда не смогу быть честной с ним до конца. В результате меня уличат во лжи, и когда это случится, мое сердце разобьется на осколки без возможности склеить их. Я окажусь полностью сломанной, и ничего нельзя будет исправить.

Так что лучше действовать медленно и очень осторожно. Если это возможно. Я едва только месяц знакома с Эверетом, но он уже скрутил, перевернул и потянул мою жизнь в разных направлениях, которые я раньше считала немыслимыми. Не буду лгать, утверждая, что ненавижу это. Просто я очень боюсь. Я в ужасе. Это именно то, чего я никогда не ожидала от жизни.

Пробегая щеткой по волосам, смотрю на себя в зеркало и задумываюсь над тем, что же заставило Эверета погнаться за мной. Был ли это мой

взгляд? Моя личность? Или все вместе? Я чувствую, что была для него сучкой без видимых причин. Ну, кроме той, что у него член. Я отталкивала его, не была его большим другом. Но для Эверета это не имело значения. Он все еще преследовал меня и большую часть времени искренне наслаждался всем этим. Он не сдался?

Дойдя до ящика, я открываю свой набор для макияжа. Наношу основу, потом добавляю румяна. Промокаю салфеткой золотистого цвета ногти, прежде чем покрасить их в черный. Потом наношу два слоя туши на ресницы. Я делала это бесчисленное количество раз, готовясь к ночи с очередным мужчиной, для которого в моем лексиконе находилось лишь одно имя. Джон. Потому что все они безлики. Просто клиенты. Они не те, на которых я когда-либо могла бы запасть, и они никогда не смогут мне дать того, что я хочу. Все, что я когда-либо хотела получить в своей жизни.

Сейчас я готовлюсь к ночи с клиентом... И чувствую себя чертовски неправой.

Я больше не заполняю пустоту. Я больше не волнуюсь о зависимости, которая держала в подчинении меня и многих других. Я не ненавижу это. Нет. Просто мне это больше не нравится.

Все изменилось с приходом Эверета.

Я не сказала ему, что почувствовала, когда проснулась сегодня утром. Он обхватил меня руками, поцеловал, лизнул меня языком в шею... Я ощущала себя любимой, бесценной, обожаемой... Я чувствовала такой прилив эмоций, что чуть не расплакалась. Но все же не позволила себе пролить и слезинки. Вместо этого я сделала то, что не собиралась делать: взяла его за руку и переплела наши пальцы в замок. Он ответно чуть сжал мои пальцы, давая мне знать, что это кое-что значит для него.

Мы оба были завернуты в простыню, наши ноги переплелись. Это было и приятно, и нелегко одновременно. Единственный раз я спала в одной кровати с парнем. Мне тогда было шестнадцать лет. И он попросил меня уйти, пока не проснулась его мама.

Я понятия не имела, что делать этим утром. До такой степени, что даже не смела взглянуть в сторону Эверета. То есть до тех пор, пока он не прошептал:

– И какие у нас планы на сегодня?

Трудно не чувствовать себя обиженной из-за того, что надо идти на работу, особенно из-за того, что мне хотелось провести весь день, завернувшись в объятия Эверета. Через несколько минут он встал с кровати, чтобы натянуть трусы, глядя на меня все тем же любовным взглядом, что и вчера. Меня несколько утешило осознание того, что он не

сожалеет о содеянном. Эверет спросил, хочу ли я позавтракать и, получив ответ, направился на кухню, чтобы приготовить все, что я попросила.

Мы позавтракали кашей и обещанием того, что однажды он научится готовить настоящую еду. Судя по всему, его мама и сестра заботились о нем на протяжении многих лет. Я почти решилась спросить, сколько ему лет, но занервничала еще больше, поняв, что мне придется признаться, что мне всего двадцать.

Я так много врала ему, хотя сейчас уже так жалею об этом.

Скользнув в платье, убеждаюсь, что выгляжу отлично. Красиво. И даже сексуально... Но впервые за много лет я не чувствую радости от этого. Моя самооценка поменялась. Она не исчезла, просто поменялась...

В любом случае, работа есть работа, я сама выбрала эту жизнь, так что просто тащусь за своей сумочкой, прежде чем скрыться за дверью, чтобы встретиться с Уинстоном. В прошлый раз мне пришлось все отменить из-за Бельведера. Уинстон желает встречаться каждую субботу. Будет очень трудно, особенно учитывая, где мне хочется проводить все субботние ночи. Но я не могу отказаться из-за суммы оплаты.

Сегодня вечером этот клиент сказал, что хочет забрать меня. Так что я – его трофей на благотворительном банкете больных Альцгеймером. Это будет не первый раз, когда мне приходится идти на что-то подобное, и уж точно не последний, но обычно это делает Бэлла. У нее буйство, в отличие от любого другого. Она может заставить даже самого упрямого сноба смеяться над странными вещами.

У меня нет такой способности, но я знаю, когда смеяться, когда пожимать руки, когда быть вежливой. А самое главное, знаю, что я здесь для того, чтобы Уинстон выглядел так, будто он все еще может вставить девочкам моего возраста без проблем. Все дело в эго, когда ты богат.

Уинстон уже ждет меня, когда я выезжаю за пределы Аламоса – прибрежного рынка. Он стоит возле своего черного внедорожника. Когда я шагаю ему навстречу, он загорается:

– Ты выглядишь восхитительно!

– Спасибо, – отвечаю ему. – А ты выглядишь довольно привлекательно.

Независимо от своих чувств к Эверету я должна выполнить эту работу. Мне платят за то, чтобы Уинстон чувствовал себя единственным человеком в моей жизни. Я занимаюсь этим более трех лет, могу сделать и сегодня.

Он берет мою руку и подносит к своим губам, чтобы поцеловать. Потом открывает передо мной заднюю дверь автомобиля, и я сажусь в машину. Уинстон обходит внедорожник с другой стороны и располагается

на заднем сиденье рядом со мной. Водитель пристально разглядывает нас в зеркало заднего вида, прежде чем переключить передачу и тронуть машину с места.

Уинстон расспрашивает меня о том, что произошло со мной за неделю. Отделяюсь короткими фразами, давая понять, что все в порядке. Я тоже его расспрашиваю, и он так же вежлив и короток. Банкетный зал находится в двадцати пяти минутах езды от города. Водитель высаживает нас у красной пятнадцатиметровой ковровой дорожки, ведущей ко входу в здание.

Я беру Уинстона под руку, как только мы оказываемся внутри. Здесь уже должно собраться более ста человек, но прием не начнется еще, по крайней мере, пятнадцать минут. Мы находим наши имена на табличке, стоящей на одном из круглых столов, покрытых белой скатертью. В центре стола располагается букет великолепных цветов всех оттенков фиолетового. Рядом с каждым стулом стоит красивая сумка, перевязанная фиолетовой лентой.

Уинстон отодвигает для меня стул и, как только я сажусь, тут же пододвигает его обратно. Заняв свое место рядом со мной, он щелкает пальцами проходящему мимо официанту в черном строгом смокинге. Тот подходит и ставит перед нами по бокалу с шампанским, после чего удаляется, чтобы проделать то же самое у других столиков. За нашим столом сидят пока только трое человек.

– Томпсон, Мохеган, рад вас снова видеть. Как дела? – спрашивает мой клиент того, что справа.

Другой человек, находящийся за столом, совсем молодой мужчина, которому на вид можно дать лет пятнадцать. Он смотрит на меня. Когда я улыбаюсь ему, он смещает свой взгляд на мою грудь, прежде чем быстро перевести его в другую сторону.

Уинстон общается с друзьями. Я решаю заглянуть в сумку, которая стоит возле моего стула. В ней лежит коробка со свечами из сои, упаковки корицы и органического кокосового шоколада. Как только это оказывается на столе передо мной, я решаю положить все обратно, кроме фиолетовой ленты, которую кладу в свою сумочку.

Минуту спустя Уинстон берет свою сумку и кладет передо мной, шепча:

– Мне ничего не нужно, держи.

Я тихо благодарю его. Не откажусь от подарка. Вообще-то я немного волнуюсь. Понятия не имею, для чего все это и связано ли это как-то с болезнью Альцгеймера, но все же полагаю, что это необходимо.

Кто-то выходит на сцену в передней части зала, в то же время над нами гаснет свет. Весь зал замолкает, приготовившись слушать человека, включающего микрофон. Он представляется доктором Арнольдом Аккерманом и произносит слова благодарности всем, кто принимает участие в сегодняшнем благотворительном вечере, а также рассказывает о том, что на сегодня он сделал для лечения болезни Альцгеймера.

Остальная часть вечера сопровождается подобными историями и презентациями, в то время как официанты ходят вокруг, разнося нам ужин и напитки. В конце концов, последним человеком, вышедшим на сцену, оказывается леди Валентина, одетая в меха. Она стоит перед нами, рассказывая о недавнем диагнозе мужа и той боли, которую вызывает эта болезнь. И о финансовых проблемах, в которые они с мужем оказались вовлечены. Она упоминает, что эта шуба – подарок мужа почти сорокалетней давности, купленный к годовщине свадьбы, и единственная оставшаяся вещь, которая после продажи позволит ей еще какое-то время продержаться на плаву. Прежде, чем женщина заканчивает говорить, я чувствую, как слезы текут по моему лицу. Я пытаюсь стереть их, но они все равно текут, и я оставляю все, как есть, надеясь только, что мой макияж не испортится. Не хочу смущать ни себя, ни Уинстона. Он протягивает свою руку, чтобы положить ее на мое колено. Этот жест успокаивает его. Но он ничего не делает, чтобы успокоить меня.

Когда все речи заканчиваются, и снова загорается свет, многие люди проходят в дальний конец зала, где принимаются пожертвования либо для этой женщины и ее мужа, либо для больных Альцгеймером вообще.

– Простишь меня? – спрашиваю Уинстона.

Он интересуется:

– У тебя все в порядке?

Взяв сумочку в руки, я киваю:

– Да. Просто мне нужно в дамскую комнату. И еще я бы хотела сделать пожертвование.

– Я провожу тебя!

Уинстон поднимается, и мы пробираемся к комнате отдыха.

Валентина стоит у столика, пожимая руки всем жертвующим, сердечно благодаря их за то, что они сделали сегодня вечером. Я подхожу к женщине и, улучив минутку, наклоняюсь к ней:

– Это была прекрасная речь! – шепчу тихонько.

– Спасибо, – с доброй улыбкой отвечает она. – Это весьма печальный повод собраться здесь, но я чувствую себя счастливой, окруженная всеми, – Валентина оглядывается вокруг.

И я могу сказать, что говорит она совершенно искренне.

– Не буду притворяться, что понимаю, потому что мне неизвестно, через что вы сейчас проходите, но я хотела бы помочь, – достаю из сумочки чековую книжку. – Если не возражаете, я спрошу, сколько вы планируете набрать сегодня вечером?

Она пожимает плечами:

– Я не знаю, дорогая. Я всего лишь надеюсь, что получится собрать тысяч сто, и они позволят нам продержаться в течение следующих нескольких месяцев. Но для меня любые деньги очень значимы, ведь они пойдут на поддержание здоровья моего мужа, хотя он вскоре переедет в дом престарелых.

– Вы нашли дом престарелых?

Со слезами на глазах Валентина принимается объяснять, что нашла один подходящий дом в Джорджии, лучший в стране, но не может отвезти туда мужа из-за слишком высокой платы за содержание больных. Там есть вышколенный медперсонал, который предоставляется каждому больному, своя медсестра и даже врач. Но у них тариф более высок, чем в любом другом доме престарелых. И еще она добавляет, что комнату могут оформить в индивидуальном стиле, позволяя мужу сохранить воспоминания как можно дольше.

Тогда я спрашиваю о цене, позволяющей попасть в этот дом престарелых и подписываю чек на три месяца содержания.

– Внизу чека мой номер телефона. Если еще что-то понадобится, просто позвоните.

Валентина разряжается слезами, порываясь обнять меня. Мое тело напрягается, но я успеваю обхватить ее. Это – не то же самое, как я поступила с мистером Бельведером, но почти. И еще я размышляю о том, что если бы пережила такие страдания, что выпали на долю Валентины и ее мужа, то меньшее из того, что я могу сделать – это выписать чек.

После окончания банкета Уинстон идет со мной к внедорожнику и спрашивает, хочу ли я проводить с ним больше времени. Я смотрю на свой телефон, чтобы узнать, который час. Поздно, почти полночь, а завтра мой день с Эверетом. Я знаю, что если проведу с Уинстоном больше времени, то верну половину того, что спонсировала сегодня Валентине, но лучше вернуться домой.

– Встретимся на следующей неделе, – говорю я ему.

Он не скрывает своего разочарования, но не спорит:

– На следующей неделе, так на следующей неделе. Нам нужно наверстать упущенное время, – он нагло смотрит на меня с похабной

ухмылкой. – Но ты определенно стоишь того, чтобы подождать, Чесити.

– Как ты, Уинстон?

– Ну... У нас есть поездка до дома.

– Это правда.

С учтивостью, в отличие от любого другого мужчины, он открывает передо мной заднюю дверь автомобиля. Я сажусь внутрь. Он лезет следом. Мы еще не скрылись за углом, а он уже тянется к подолу моего платья, пробегая пальцами по коже бедра. Я раздвигаю ноги для него.

Он отодвигает в сторону мои трусики, проникая пальцами внутрь. Целует мои плечи, засовывая пальцы еще глубже. Я смотрю в зеркало заднего вида, водитель смотрит в сторону. Через несколько минут он бросает на нас взгляд. Его щеки немного краснеют, но на вождении волнение не отражается.

Повернув голову, шепчу Уинстону о том, что водитель смотрит. В глубине души я надеюсь, что Уинстон прекратит, но он шепчет мне в ответ:

– Я знаю.

И начинает трахать меня пальцами сильнее. Не могу отрицать, что он чувствует себя хорошо даже на заднем сиденье едущего автомобиля. Закрыв глаза, представляю Эверета, ну а Уинстон ничего не делает для меня. Меня не возбуждают его прикосновения, но я шепчу ему, какой он классный, надеясь, что водитель не слышит. И хотя я знаю, что не смогу кончить, имитирую поддельный оргазм. Ну и что с того, ведь Уинстон верит и реагирует соответственно.

Извлекая пальцы наружу, Уинстон пробует их на вкус, облизывая. Глядя прямо на меня, он слизывает все мои соки со своих пальцев.

– Боже, ты невероятная на вкус, – объявляет он.

– Ты мне расскажи, – говорю кокетливо, добавляя к сказанному подмигивание.

– В следующую субботу я надеюсь поиметь твою киску.

Он определенно не пытается ни о чем молчать. Думаю, это заставляет его чувствовать гордость перед другим человеком. За свою долгую карьеру я всякого навидалась. Есть люди, которые специально устраивают показательные выступления. Их зажигает общество. У меня даже была одна пара, которая наняла меня, чтобы я просто сидела на стульчике, когда они трахались. Они объяснили это тем, что хотели почувствовать себя порнозвездами.

Не зная, что ответить Уинстону, я просто говорю:

– Звучит замечательно. Но что я могу сделать для тебя?

– Ты сделала достаточно, чтобы я подвез тебя.

Когда наконец-то попадаю домой, я такая уставшая, что не могу принять ванну. Вместо этого я скидываю с себя тряпки и направляюсь в душ быстренько ополоснуться.

Распаренная горячей водой, я пребываю в какой-то эйфории. Намыливая шампунем голову, начинаю думать над происходящем в моей жизни. Почему я вдруг стала презирать быть с кем-то, кроме Эверета? Мне не понравилось то, что делал Уинстон, хотя раньше улетела на волнах удовольствия. Зато я была счастлива пожертвовать деньги. Это доставило мне истинное наслаждение.

Пока я смываю ополаскиватель с волос, впервые чувствую себя плохо. Мои эмоции скатываются ниже плинтуса. Я не люблю себя сейчас. Впервые за столь долгое время я не ощущаю себя всемогущей и красивой. Я чувствую прямо противоположное.

Смыв пену с тела, я быстро выключаю воду. Оборачиваю свое тело в одно полотенце, волосы – в другое и направляюсь в спальню. Я бросаюсь лицом вниз на кровать, и слезы тут же хлещут из глаз потоком.

До этого момента у меня не было выбора, кроме как быть независимой. Чтобы подняться оттуда, откуда родом была та маленькая испуганная девочка, мне пришлось проделать долгий путь к уверенности и состоятельности.

Сейчас я словно окаменела. Очень боюсь, что Эверет узнает правду и бросит меня. Он разлюбит меня. Я нервничаю из-за того, что нужно отказаться от всего того, чем я занималась последние три года, из-за человека, которого знаю едва-едва. Больше всего на свете я боюсь потерять этого единственного в мире человека, который может утешить меня, но который, вероятно, уже крепко спит внизу.

Перекатившись на спину, я смотрю в потолок. Кошка запрыгивает на кровать и делает то, что у нее получается лучше всего – закатывается мне под бок. Я очень люблю ее, но это не помогает мне снять стресс. Впрочем, как обычно.

Стоя у постели после нескольких безуспешных попыток заснуть, я разговариваю с кошкой, доставая одежду из шкафа. Я натягиваю на себя чистое белье, шорты для йоги и футболку, в которой иногда сплю. Пытаясь смыть оставшийся макияж, внезапно нахожу телефон там, где оставила его. В ванной. Отправляю сообщение Эверету, несмотря на то, что маленький дьяволенок на моем плече нашептывает мне, что я выбрасываю остатки своего достоинства нахрен.

«У меня тяжелая ночь. Могу я прийти, если ты не спишь?»

Начинаю грызть ногти в ожидании ответного сообщения. Оно

приходит через несколько секунд.

«Ты хочешь, чтобы я пришел к тебе, да?»

«Нет. Я не хочу сейчас находиться дома. Если ты не против...»

«Да, пожалуйста».

Я бросаю телефон в сумочку и, убедившись, что кошке достаточно питания, направляюсь к квартире Эверета.

Он открывает дверь еще до того, как я к ней подхожу, и сжимает меня в крепких объятиях, едва я переступаю порог. Это, наверное, лучшее из того, что он мог бы сделать, потому что заставляет меня чувствовать себя по-настоящему защищенной, и что еще хуже, слезы сразу предательски струятся по щекам.

– Что случилось? – спрашивает Эверет, нежно касаясь моей кожи.

Я качаю головой в знак отрицания, не желая обсуждать это. Более того, я не знаю, как это обсуждать.

– Бренна, детка, кто-то снова навредил тебе?

Я продолжаю качать головой. Он долго молчит, потом переносит меня на диван. Садится сам, притягивая меня к себе на колени и нежно прижимает.

Спустя некоторое время я просыпаюсь... В постели Эверета.

Может быть, все это произошло давно, потому что я замечаю просачивающееся сквозь темные шторы яркое солнце. У него нет будильника, но я вижу свою сумочку на тумбочке рядом с кроватью. Добравшись до нее, я достаю свой телефон, чтобы посмотреть время. Чуть больше восьми. Опустив телефон обратно, откидываюсь на матрас, расслабляясь.

Я слышу Эверета. По крайней мере, надеюсь, что это Эверет в соседней комнате. Раздающийся шум свидетельствует о том, что он на самом деле пытается достать посуду, чтобы приготовить завтрак. Это приводит меня в благодушное настроение почти сразу.

Если он собирается удивить меня завтраком, значит, останусь в постели еще ненадолго. Тяну сумочку на кровать. Я копаюсь в ней, пытаюсь отыскать щетку, чтобы расчесать запутавшиеся волосы, и бросаю взгляд в зеркало, чтобы убедиться, что нет расплывшихся черных кругов под глазами, как бывает в некоторых случаях, когда забываю смыть тушь.

Я отлично выгляжу, за исключением синяков под глазами. Мне неловко из-за того, что я плакала в объятиях Эверета, но, думая о своем самочувствии, не могу не улыбаться, потому что эти объятия многое дали мне. Никто никогда не выказывал ко мне такой любви, по крайней мере, с тех давних пор, когда я еще была маленькой.

Покопавшись в сумочке немного дольше, я все равно не смогла отыскать в ней никакой резинки, чтобы перетянуть волосы. Окидывая комнату Эверета пристальным взглядом, я надеюсь обнаружить у него что-нибудь похожее, но не везет. Из рта у меня пахнет премерзко, а на вкус это еще хуже. Я не наблюдаю ничего мятного, так что, дотянувшись до ящика тумбочки, открываю его. Отдвигаю в сторону какие-то бумаги в надежде обнаружить что-нибудь, хоть отдаленно похожее на мятный леденец, способный скрыть утренние запахи изо рта.

И обнаруживаю кожаную обложку с латунным зажимом. Знакомый горький привкус разливается в желудке, подкатывает к горлу. Беру вещь, открываю, заглядываю внутрь. Боль, что эхом отдается в сердце, невыносима. Значок, который находится внутри, весь в золоте, со словами, смело выгравированными на нем. Детектив. Служить. Защищать.

Так быстро, как только могу, я переворачиваю ящик вверх дном, ища какие-нибудь намеки, что все это неправда. Я не хочу в это верить. Тем не менее, найденные документы на имя Эверета Берка говорят мне о том, что все – правда. Он – полицейский. Детектив.

Ненавижу, что эта новость так расстраивает меня. Меньшее зло, что он полицейский, но больше всего я расстроена из-за того, что он врет мне. Ненавижу, потому что... Потому что сама вру ему. Теперь я знаю, что у меня нет выбора: нужно либо продолжать лгать, либо просто уйти.

Закрыв ящик, я откидываюсь на кровать, прикрыв лицо руками, и выпускаю громкий стон разочарования, надеясь, что мои ладони прикроют его. Не знаю, как могла оказаться настолько слепа. Я почти ничего не знаю об Эверете. Не знаю, сколько ему лет, есть ли у него дети, каков его любимый цвет, был ли он когда-либо женат, или какие-то другие факты, которые так трудно узнать, не общаясь. Я хочу расспросить его, но не знаю, как это сделать. Я хочу сказать ему, что знаю, что он – коп, но боюсь, что это разрушит нас. На самом деле, я даже не знаю, есть ли мы вообще, так как мы оба находимся в неведении относительно жизни друг друга.

С глубоким очищающим вздохом я решаю, что будет лучше промолчать о моей находке... Пока. Может, он сам скажет мне, когда сможет довериться мне. Сегодня я собираюсь познакомиться с ним получше, прежде чем принять окончательное решение, и надеюсь, мы сможем взять новый старт. Без вранья и недомолвок.

Потому что, если честно, сама мысль уйти от Эверета... Или мысль о том, что он уйдет от меня... Эти мысли настолько сворачивает мои внутренности... Такое я испытывала только из-за смерти родителей.

Может быть, впервые в жизни я действительно полюбила...

Глава 16

Эверет

Я как-то умудряюсь поджарить немного бекона с яйцами, чудом не пережарив ни один из ингредиентов. На свете есть всего несколько вещей, которые я могу приготовить. Но в этом стыдно признаться. Да и большая часть приготовленных мною блюд приходится на мои двадцать лет. Тем не менее, я хотел сделать что-то особенное для Бренны после того, как она появилась у меня вчера вечером, открывая мне свои эмоции.

Вывалив все на тарелку, я направляюсь по коридору в свою спальню. Бренна лежит на кровати, глядя с отчаянием в окно. Она поворачивается, как только слышит мои шаги.

– Доброе утро, – шепчу я, подходя к кровати.

Она садится в постели, прижав одеяло к коленям.

– Доброе утро, – отвечает мне. Ее улыбка как драгоценный камень, но взглядевшись в нее повнимательнее, я могу точно сказать, что все выливавшееся в ее слезах вчера вечером точно так же беспокоит ее и сегодня утром. – Ты заказал еду или сжег кухню? – улыбка Бренны полна озорства.

– Ну... Не могу точно пообещать, что ты не получишь пищевое отравление, зато кухня все еще цела.

Девушка тянется за кусочком бекона.

– Пахнет вкусно.

– Ты выпалась?

– Вообще-то да, спасибо, – после некоторой заминки продолжает с улыбкой. – Я сожалею о том, что произошло вчера ночью.

– Будет очень жестоким упомянуть, что вчерашнее происшествие сделало меня счастливым?

– Так ты садист? – она игриво встряхивает головой. – Не знала.

Я не могу удержаться от смеха:

– Нет. Это неправда. Я просто... Я рад, что ты чувствуешь себя лучше.

Прелестный румянец расползается по ее щекам. Я просто влюбляюсь в нее заново, глядя, как плотоядно она таращится на кусок бекона.

– Куда все это нас ведет, Эверет? – спрашивает Бренна.

Это удивляет меня больше, чем следует. Она поднимает на меня глаза, но вопрос застывает во взгляде.

Не уверен, что смогу ответить однозначно, поэтому спрашиваю

единственное, что смог придумать, прежде чем продолжу:

– А куда ты хочешь, чтобы нас привело?

Бренна пожимает плечами.

– Я не уверена. У меня никогда такого не было. Я никогда не чувствовала себя так, как сейчас. Но я не знаю, Эверет... Мы еще плохо знаем друг друга. Как это могло случиться с нами, если мы ничего не знаем о прошлом друг друга?

Ненавижу то, насколько она близка к истине. Меня это нервирует. Я очень хочу поведать ей правду, но не в эту секунду. Я смогу рассказать все после того, как стану чуть больше доверять ей. В свое время я позволю ей полностью проникнуть в мою жизнь, но пока могу рассказать лишь о том, о чем она может знать. Кое-что обо мне, кроме моей профессии. Это все, что я могу открыть.

– Так поступают люди, Бренна. Они начинают влюбляться в простые вещи. Такие как улыбка женщины или румянец ее щек, гипнотизм ее глаз. Люди медленно влюбляются в поцелуи и прикосновения, связываются личностями и интересами. И не замечают, как уже любят кого-то за все. И за недостатки в том числе.

Она склоняет голову:

– Ты что, вычитал сей монолог в какой-то книге?

– Вообще-то, эти слова похожи на те, которые произнесла моя мама в тот день, когда моя девушка бросила меня. Мне тогда было пятнадцать. Я думал, что влюблен. Слова мамы всегда производили на меня впечатление, хотя мне и пришлось кое-что поменять в своей жизни, потому что потом я влюбился в то, что делал. То, как ты слушаешь музыку на пляже, как переставляешь ноги, подстраиваясь под ритм мелодии, или как пытаешься погасить улыбку, кусая губу, или как краснеешь, когда я рядом. Я люблю твои глаза и губы больше, чем кто-либо. Я люблю каждую секунду, проведенную с тобой, когда ты позволяешь мне проникнуть за твою защиту. Я влюбляюсь во все, что узнаю о тебе.

Честно говоря, я надеялся на проявление чувств с ее стороны. Ну, как если бы она обняла меня за шею, поцеловала со страстью и ответила, что тоже любит все во мне. Но ничего не случается. Вместо этого Бренна смотрит на меня, и страх отражается в ее округлившись глазах.

После нескольких мучительно долгих молчаливых минут я спрашиваю ее:

– Ты... скажешь мне что-нибудь?

– Я... – она замирает на мгновение, глядя на меня сквозь неожиданно блеснувшие слезы, – я не могу сказать тебе, что чувствую, Эверет. Мне

нужно время.

Ее слова или, еще хуже, их отсутствие, пронзают меня насквозь. Я хорошо понимаю, что ей нужно время. Я просто пугаюсь, что, раскрыв перед ней душу, не найду и десятой доли тех чувств, что испытываю сам. Я нервничаю от того, что из-за своих откровений потеряю ее навсегда.

Как будто прочитав мои мысли, Бренна добавляет:

– Я не могу сказать, что совсем ничего к тебе не чувствую, потому что я чувствую. Я просто пока не могу это выразить. Мне нужно время. Я хочу узнать тебя поближе. Я хочу проводить с тобой больше времени.

Сокращая расстояние между нами, я усаживаюсь рядом с ней на кровать. Заключив ее лицо в ладони, я наклоняюсь, чтобы запечатлеть на ее губах нежный поцелуй. Она испускает стон, который подтверждает тот факт, что ей нравится.

– У тебя есть столько времени, сколько тебе нужно, – шепчу я.

Бренна уходит на несколько часов, чтобы принять душ и произвести все эти манипуляции, которые делают женщины, чтобы подготовиться к выходу.

Я сходил в душ, переоделся и нырнул в постель немного вздремнуть, потом расположился перед телевизором, чтобы посмотреть игру «Чикаго Кабс» против «Бостон Рэд Сокс» (*прим.: американские бейсбольные клубы*). В половине третьего я слышу стук в дверь. Поднимаясь с дивана, вижу Бренну в обтягивающих джинсовых шортиках и белой рубашке в стиле хиппи, обнажающую часть живота. На ее голове очки, а сумочка перекинута через плечо.

– Я тут подумала, мы могли бы сходить куда-нибудь перекусить, – говорит она, опередив меня с предложением выйти куда-нибудь.

Зная, что не могу отказать ей, беру пульт и выключаю телевизор. Схватив свой телефон и бумажник с журнального столика, я направляюсь к Бренне. Она все еще стоит, уставившись в пустой экран телевизора.

– Кто играл?

– О, хм, Кабс и РэдСокс. Ты смотришь бейсбол?

Если она скажет «Да», я упаду перед ней на одно колено. Это единственный вид спорта, которым я интересуюсь так серьезно. Мой отец любил водить меня на игру.

Бренна пожимает одним плечом:

– Вроде. Я не ненавижу это, но если собираюсь посмотреть, то предпочла бы более предметную игру. Но по телевизору это немного скучно. Я люблю баскетбол, хотя на самом деле пытаюсь делать ставки снова и снова.

– Ну и какая команда тебе нравится?

– «Майами Хит», конечно. Хотя раньше это были «Быки» (*прим.: знаменитая баскетбольная команда «Чикаго Булз»*), потому что кто не любил Майкла Джордана в детстве? Я стала любить Хит много лет назад, когда они вышли в лигу лучших игроков. Вообще-то я встречалась с Двайном Вэйдом и Леброном Джеймсом раньше и даже сидела в третьем ряду во время игры в прошлом году.

Думаю, я завидую и влюблен.

– Тогда мы должны пойти на игру вместе, – говорю ей. – Я был на бейсболе и футболе, но не на баскетболе. Если ты только не засчитаешь спорт в школе.

– Я бы с удовольствием, – отвечает она с великолепной улыбкой.

– Замечательно. Так куда мы направляемся?

– На обед, – Бренна поворачивает голову уже от двери. – И мне все равно куда.

Типично женский ответ.

– Помни. Я не местный. И не знаю, куда здесь можно сходить. Может, «Оливковый Сад»? Ты бы хотела туда пойти?

Мы на полпути к выходу, идем по коридору, когда Бренна отрицательно качает головой:

– Не на свидании. У меня идея.

Девушка продолжает удаляться, и мне нужна минутка, чтобы ее догнать. В основном потому, что она сказала, будто это – свидание. Потом я вижу, как ее попка покачивается при ходьбе, ягодичы трутся друг о друга, пока Бренна вышагивает впереди меня. Стараюсь быть джентльменом, но таким видом трудно не любоваться.

Я думал, что Бренна направится к моему грузовику, но вместо этого она идет к своему БМВ. Крыша уже опущена, ведь на улице великолепный солнечный день. Может, даже чуть жарковато для меня. Бренна скользит на водительское сиденье, опуская очки на глаза, прежде чем вставить ключ в замок зажигания. Я немного колеблюсь перед тем, как опуститься на пассажирское сиденье, в основном из-за того, что не чувствую себя на свидании достаточно мужчиной, когда за рулем женщина. Знаю, это может показаться странным, но я был воспитан именно таким образом. Быть мужчиной значит брать на себя ответственность.

Голос Тупака (*прим.: знаменитый американский рэпер*) раздается из радио, бухает по динамикам. Бренна протягивает руку, выключая музыку.

– Извини, – бормочет она, – ты можешь включить то, что тебе нравится.

– Я не слышал песни Тупака уже очень долгое время, – я смотрю на нее, в который уже раз удивившись Бренне. Она находится в чудесной стадии между подростком и взрослым. Она зрелая не по годам, но вместе с тем еще такой ребенок, когда дело касается некоторых вещей. – Сколько тебе лет? – спрашиваю, когда мы поворачиваем за угол и движемся параллельно береговой линии.

– Хм, – она делает паузу, переключая скорость. – Я бы хотела сказать тебе правду, но боюсь напугать тебя.

Я молю Бога, чтобы ей оказалось не менее восемнадцати, и думаю о себе. Черт, это будет удар по яйцам, если откроется что-нибудь подобное.

– Мне нужно знать правду.

Мой голос становится немного грубее, чем хотелось бы, но мне необходимо знать, совершеннолетняя ли она. Я детектив, я не могу заниматься сексом с несовершеннолетними.

– Двадцать, – признается она через минуту. – В следующем месяце будет двадцать один.

Бренна бросает на меня быстрый взгляд и снова смотрит на дорогу. Это, конечно, облегчение, но не совсем. Она моложе законного возраста, да и я поил ее пивом в своем доме. Однако теперь, когда она вслух произнесла свой возраст, я понимаю, что должен был поинтересоваться этим раньше.

– А тебе? Сколько тебе лет?

– Двадцать шесть. Мой день рождения в канун Нового года.

– Действительно?

– Да. А когда твой?

Девушка вздыхает.

– Август, девяностого.

– Почему это звучит ужасно?

– Что ты имеешь в виду? – переспрашивает Бренна.

– Ты так вздохнула, как будто мысль о твоём дне рождения вызывает негативные эмоции или что-то в этом роде.

Сжимая губы, она закладывает крутой вираж, чтобы втиснуться в месте на парковке, и заглушает двигатель, как только припарковывается. Потом подбирает сумочку у моих ног и бросает в нее ключи.

– Я отметила свой восьмой день рождения тем, что отец убил маму, а потом и себя.

Бренна открывает дверь, выходит и захлопывает ее.

Я продолжаю сидеть в машине в течение нескольких минут, в растерянности пробегаю руками по волосам, и пытаюсь осознать то, что

она только что мне поведала. Это пи*дец. Неудивительно, что Бренна не любит говорить о своих родителях. Ее история – куда больший пи*дец, чем я думал.

Выйдя из машины, я направляюсь в ресторан, стараясь не думать о том, о чем узнал. Мне придется подумать об этом позже. Я как раз оказался в той точке, где нужны ответы и, как подозреваю, Бренне – тоже. Однако если я продолжу думать об этом сейчас, это вызовет заметное напряжение между нами, что мне совсем ни к чему. Я бы предпочел просто провести время вместе.

Бренна стоит у прилавка и разглядывает белую доску, на которой написано меню. Старик итальянец стоит рядом с ней настолько близко, что вызывает во мне раздражение почти сразу же. Я подхожу к Бренне, обхватываю ее талию одной рукой, а другой вожу по меню.

– Что ты думаешь о еде? – склоняясь к ней, тихо спрашиваю я.

Бренна внимательно смотрит на меня. Она сняла очки, и зеленые глаза стали выглядеть выразительнее. Уголки глаз приподнимаются, когда девушка улыбается.

– Я думаю заказать гамбургер и картофель фри. Я хотела спросить тебя о том же, но думаю, ты вполне в состоянии о себе позаботиться, – с ее стороны прилагаются невероятные усилия, чтобы не рассмеяться, и я вижу, как она прикусывает губу.

– Что? Что я такого сделал?

Глазами Бренна показывает себе за спину, где находится моя рука:

– Пытаешься претендовать на мое тело, а все потому, что какой-то шестидесятилетний итальянец пустил слюнки?

– Он просто извращенец. Я пытаюсь немного раскрыть ему глаза.

– Это не сработает, – шепчет между тем девушка, – да и теперь он, наверное, плюнет тебе в еду.

– Это того стоит.

– О, действительно, почему бы?

– Потому что моя рука почти на твоей заднице, и это кажется мне невероятным.

Бренна шлепает меня по руке со смешинкой во взгляде и, шагнув вперед, обращается к итальянцу:

– Джованни, можно мне бургер с беконом, добавкой соленых огурцов и без помидоров? О, и добавь горчицы. На закуску картофель фри и капустный салат.

– Все для вас, мисс.

У меня возникает чувство, что Бренна часто сюда заезжает. Не уверен,

что мне это нравится, но прикусываю язык. На сегодня я достаточно выставил себя дураком.

Иду вперед вместе с ней, решившись все же поесть здесь. Увидев нетерпение старого итальянца, я решаю не давать ему лишнего повода плюнуть в мою еду.

– Ну а я возьму цыпленка под сыром пармезан. И тоже картошку фри.

Старик ничего не говорит, вместо этого что-то строчит в блокноте и идет в соседнюю комнату. Бренна тихонько хихикает:

– Ты ему не нравишься.

– Ты здесь часто бываешь? – спрашиваю.

– Может быть. Не потому что Джованни думает. Даже не из-за еды, хотя она удивительна. Вот увидишь.

Оглядываясь вокруг в ресторане, я не вижу ничего примечательного, только группу людей почти одного возраста с поваром.

– Я доверяю тебе, – говорю Бренне.

– Хорошо.

Как только нам подают еду, Бренна пытается заплатить, но я не позволяю ей. Мне нужно сохранить немного мужского достоинства сегодняшним вечером. Поблагодарив, хотя не уверен, кого именно – меня или старика-итальянца, она направляется в заднюю часть ресторана. Я иду рядом с Бренной, и мы проходим через множество дверей. Снаружи находится крытая беседка, прямо на пляже. Ноги вязнут в песке, но мы единственные здесь, так что дело того стоит.

Бренна опускается на песок вместе с подносом. Мне не остается ничего другого, как сесть рядом с ней.

– Ну и что ты думаешь? – спрашиваю.

Кивком она показывает на волны, накатывающие на берег:

– Я люблю океан. Я не знала, как сильно мне понравится жить в Пенсаколе, пока не переехала сюда. А тебе нравится город?

– Он оказался лучше, чем я думал.

– Здесь ты остановишься?

– Я...Я так думаю, – я смотрю на Бренну. Она не та женщина, от которой я смог бы легко уйти. Она, несомненно, украла больше, чем одно мое сердце. Эта девушка просто очаровала меня.

Не глядя на меня, она вставляет соломинку в свой стакан.

– Хорошо.

И не добавляет больше ничего. Одно это слово говорит больше, чем могли бы сказать сотни слов.

Несмотря на то, что мне не хочется признавать, что еда отличная, я

говорю Бренне, что она сделала хороший выбор во время обеда. Девушка посылает мне взгляд, который говорит о том, что она прекрасно знала, что мне понравится. После того, как остатки обеда выброшены в мусор, мы прогуливаемся вдоль береговой линии. Начинается все с нескольких небольших слов, но доходит до того, что во мне появляется потребность переплести свои пальцы с пальцами Бренны.

Она ни разу не дает мне понять, что ей неудобно.

Я вспоминаю, что девушка сказала мне сегодня утром. Это была прекрасная возможность познакомиться с ней получше.

– Итак, переходим во второй класс школы?

Вместо того чтобы ответить, Бренна посылает мне вопросительный взгляд.

– Ты когда-нибудь играла в ледокол в детстве?

– Не припомню, – отвечает. – А что это?

– Ты спрашиваешь человека, чтобы узнать его получше. Например, ты спрашиваешь, что для меня лучше: поцеловать медузу или лизнуть морского льва. После своего ответа я спрошу тебя, есть ли у тебя любимый вкус мороженого в детстве, попытаюсь назвать какой и почему. Вопросы друг к другу должны быть разными.

Бренна делает вид, что раздумывает над этим, но я вижу в ее глазах огонек интереса.

– Заманчиво, конечно. Хотя ничего слишком личного. Я хочу, чтобы получилось весело.

– Договорились.

– Ты – первый.

– Ладно, дай подумать.

На поверку оказывается труднее, чем я предполагал, но вопрос напрашивается сам собой через минуту:

– Три слова, чтобы описать себя.

– Хорошенькая. Богатая. Уверенная.

Мне нравится ее ответ. Слишком много девушек разбирают себя на части, в то время как Бренна уверенно признается, кто она такая.

– Ты помнишь имя первой своей девушки?

– Кларк.

Она закатывает глаза:

– Будь же серьезен. Это может быть весело.

– Я серьезно, – отвечаю с намеком на смех. – Ее имя Кларк. Кларк Хаббард, если быть точным. У нее были волосы до задницы, которые она всегда заплетала в косички. На ее лице была россыпь веснушек. Она

смешно подергивала носиком, когда вздыхала, и любимой ее вещью было домашнее платье, все в ананасах.

– Вот как... очень неудобно.

На этот раз я не могу не рассмеяться.

– Произнося это вслух, я соглашусь. Мы учились во втором классе. Ладно, теперь моя очередь. Если бы ты была знаменитостью, живой или умершей, кем бы хотела быть?

– Одри Хепберн, без сомнения. А какой у тебя любимый запах?

– Хм. Думаю, запах дождя, хотя я никогда не задумывался над этим, – девушка кивает в ответ на мой ответ. – А какой у тебя была самая смешная шалость или игра?

Бренна смеется почти сразу же, как я начинаю спрашивать. Я могу только представить, что это было.

– Ладно. Это был парень. Вашон. Он был мудаком, даже в свои двенадцать. Я была всего лишь на год младше его, но он вел себя так, словно я была ребенком, а он каким-то опекуном. Как-то так. В любом случае, я знала, что он боится змей. Я подслушала рассказ приемной матери одной из своих подруг о том, как он плакал, когда увидел змею на улице. Так что мы с моей сестрой Джолин купили много змей. Когда Вашон улегся спать, мы натерли змей маслом и подложили ему в кровать. Их было тридцать. Я открутила лампочку, заперла дверь и вышла из комнаты. Примерно через пятнадцать минут я постучалась в дверь. Все, что мне довелось слышать потом, было одним сплошным ревом, который мог бы оживить и мертвого. Этот придурок обоссал штаны. Нам с сестрой попало тогда. Нас очень ругали. Но это того стоило.

– Напомни мне не показывать тебе мои страхи, – шучу я.

Бренна улыбается.

– Хэй, Эверет. Какой твой самый большой страх?

– Секс, – подмигиваю я.

– Черт, мне совсем не хочется тебя пугать, но, думаю, мы больше не можем позволить себе облажаться.

– Я пошутил, – спешу уточнить я. – Мой самый большой страх заключается в том, что с моей сестрой и племянником может случиться несчастье.

– Я понимаю. Теперь обо мне?

– Если бы ты знала, что умрешь завтра, что бы ты сделала в первую очередь?

– Что это за вопрос? – смеется девушка. – Я не знаю, что на это ответить.

– Правду. Хороший гипотетический вопрос. Заставляет задуматься, чтобы сделать такого, что без сомнения улучшит твою жизнь.

Бренна высовывает кончик языка, задумываясь. Остановившись, но все еще держа меня за руку, она сталкивается со мной. Выражение ее лица мгновенно становится серьезным.

– Я бы пожертвовала все свои деньги в приемную систему только затем, чтобы жизнь детей стала чуточку лучше. Даже если это будет только горстка детей. Еще написала бы письмо своей тетке, выразив благодарность за то, что она оказалась такой эгоистичной сукой, что даже не смогла взять племянницу к себе в тяжелый момент жизни ребенка. И третье... Если бы я знала, что скоро умру... Я бы сказала, что люблю тебя. Потому что я не хочу расставаться с тобой и не хочу, чтобы ты сомневался в моих чувствах.

Ее слова сокрушительным ударом врезаются мне в живот, но в лучшем из смыслов. Не задумываясь, я склоняюсь, чтобы прижаться своими губами к губам Бренны. Ее колени подгибаются. Обхватив талию Бренны свободной рукой, я притягиваю девушку ближе к себе. После мгновений самого упоительного поцелуя я отклоняюсь назад, надеясь прошептать в ее губы так, чтобы она поглотила мои слова.

– Я люблю тебя, Бренна. Никогда не думал, что такое возможно, но я никогда не любил такую женщину, как ты.

Когда я наклоняюсь за следующим поцелуем, гораздо более необходимым, Бренна отклоняется. Глядя в песок, она нервно проводит рукой по волосам.

– Эверет... Я не хотела говорить об этом между нами, – она смотрит на меня. Рука все еще зажата в моей. Бренна смотрит на меня, как на потерянного котенка, ищущего принятия и любви. – Мне нравится то, что происходит между нами. Я не хочу сковывать нас. Я не хочу зависеть друг от друга. Я не хочу чувствовать себя в ловушке. Давай... Пожалуйста, давай оставим все как есть сейчас между нами...

Мне, наверно, потребовалась бы группа поддержки, но я понимаю все, что сказала Бренна. Я уважаю ее желание и то, что она строга к себе в каждом аспекте. Я не могу лишиться ее этого. Не могу возложить на нее больше, чем она может потянуть.

– Все, что захочешь, красавица.

– И никаких прозвищ домашних животных, – несмотря на свою просьбу, она краснеет. И именно так, как я люблю больше всего.

– Да понял уже, – подмигиваю ей, потянув за руку. Бренна улыбается мне. Между нами все еще сыро: густое облако висит как раз над тем

местом наших отношений, где все должно быть простым и понятным. Пока нет грозы, мне нет смысла жаловаться. В конце концов, пока еще я чувствую радугу, проглядывающую сквозь эти облака. – Есть время, чтобы спросить кое о чем...

И как будто мы не пропустили ни одного раунда, Бренна снова продолжает играть в нашу игру.

– О, ладно. Итак, самое странное, что ты когда-либо ел?

Глава 17

Бренна

Во время двухкилометровой прогулки по пляжу и игры в задумку Эверета «ответь на миллион вопросов» мы теряем счет времени и оба оказываемся обгоревшими на солнце. У Эверета обожжено лицо, у меня – руки и плечи.

Когда мы возвращаемся к машине, я подаю ему солнцезащитный крем, который всегда на всякий случай держу в машине. Эверет наносит немного на лицо. К счастью, мой собственный организм не сильно страдает от солнечных ожогов, так что я особенно не переживаю, но все же намазываю плечи и руки. Эверет просит опустить крышу машины, но я утверждаю, что ветерок будет как раз кстати против солнечного ожога.

У моего спутника нет предположений, где и как нам провести остаток вечера, поэтому я снова беру все в свои руки. Некоторое время спустя мы подъезжаем к оживленной парковке развлечений Дикого Бака.

– Мини-гольф? – Эверет удивленно таращится на меня. – Я хорошо играю в гольф, но ничего не знаю об этом детском дерьме.

– Что? Детский? Мини-гольф – это сильно. Плюс здесь есть картинг и лазертаг (*прим.: лазерный пейнтбол*). Да не будь таким старым занудой! Давай, иди и повеселись!

Эверет идет за мной внутрь, но по его дыханию я понимаю, что он посмеивается. Этот человек полон жизни с тех пор, как я попала на провокации и рассказала ему о своих чувствах, в которых даже не была уверена, пока он не задал мне глупый гипотетический вопрос. Полагаю, что могла не говорить ему всей правды, но ни о чем не жалею.

– Ты только что обозвала меня старым? – переспрашивает Эверет, пока мы идем к стойке.

– Ну... Тебе ведь почти тридцать, – я смеюсь про себя, ожидая гневной отповеди.

Он смотрит на меня, сузив глаза:

– Дома тебе придется за все рассчитаться.

Обращаясь к подростку, стоявшему за прилавком, Эверет показывает ему свой пропуск и делает заказ, вручая кредитку. Я не хочу, чтобы он платил за все сегодня, но его поступок заставляет меня чувствовать себя женщиной... Чувствовать себя хорошо.

Несясь на своих тележках к полю, мы проводим два раунда. Я их выигрываю, но думаю, Эверет просто поддался. Третий раунд проходит вничью, и хотя я никогда не признаюсь об этом вслух, он пощекотал мне нервы.

Ухмыляясь, Эверет спрыгивает с тележки:

– Похоже, я следующий Дэйл Эрнхард (*прим.: американский автогонщик*).

– Я тебя взгрею, – говорю ему, проходя мимо на поле для мини-гольфа.

– Что? Не любишь проигрывать?

– Говорит человек, который два раза проиграл девушке, – подкалываю я.

– Да я ведь поддался тебе!

– Лжец. Так говорят все парни, когда хотят успокоить свое побитое эго.

– Ты думаешь, я стану стыдиться того, что девушка выиграла у меня? Нет, черт возьми! Отлично зная, как она управляется с тяжелой техникой и на скорости ведет себя так сексуально?

Какая-то женщина шипит сбоку:

– Это семейный парк, выбирайте выражения, пожалуйста.

Лицо Эверета становится пунцовым:

– Простите, мэм.

– Так-то лучше, – бормочет она, попутно протягивая руку дочери. – У некоторых людей нет никакого уважения к окружающим. Пойдем, Лалли.

Я гляжу на Эверета и голосом поющей сирены выдаю:

– Кто-то замарал штанишки.

– Чертовский черт, – бормочет он себе под нос.

Я притворяюсь и ахаю в ужасе от его слов:

– Ну, сэр, это семейный парк. Как вы можете так выражаться?

Готова поклясться, его глаза сверкают. Он смотрит на меня так, будто есть во мне что-то необычное. Как-то сладостно... И совсем неудивительно, что мне это тоже нравится.

– Что? – шиплю я. – Почему ты так на меня смотришь?

Ему требуется мгновение, чтобы ответить. Видимо, мужчина что-то

обдумывает.

– Второй раз за сегодняшний день ты сделала меня, но это донельзя очаровательно. И почему-то, клянусь, ты стала еще красивее.

– О чем это ты толкуешь?

– Этот акцент уроженцев Алабамы. Его ни с чем не спутаешь. Наверняка ты одна из этих южных красавиц. Как их называют?

– Красотки Юга?

– Да, точно. Именно так.

Я пихаю его в плечо, направляясь заданным курсом:

– Прекрати так со мной разговаривать.

– Почему? – слышится вопрос позади меня.

– Потому что... Потому что я так прошу.

Мой ответ явно хромает, но по правде говоря, я не знаю, как обращаться к человеку, который льстит мне сладкими речами и любовными взглядами. Я к этому не привыкла. Если бы он назвал меня горячей штучкой, я бы так соблазнительно не благодарила его, и мы бы занимались сексом где-нибудь в парке, но это все не то. То, что происходит между нами, гораздо значительнее.

Поле для мини-гольфа рассчитано на восемнадцать лунок, и требуется много времени, чтобы пройти их. У Эверета больше проблем, чем нужно для одного человека. На шестой лунке он отказывается от попытки получить мяч из песочной ловушки и в конечном итоге с такой силой бьет по нему, что тот проскакивает сразу пять лунок. Когда Эверет бежит за ним, я вижу, как он кивает мне и улыбается пожилому мужчине, который поймал его мяч.

Вернувшись, мужчина говорит, что это я виновата в таком ударе, и что старик посмеялся над ним.

На девятой лунке Эверет теряет мяч и по правилам должен вернуться к началу, чтобы играть заново. Я пропускаю вперед три группы, пока дожидаясь его.

На одиннадцатом отверстии он получает ложную лунку. Эверет копает и кричит, и я тоже получаю ложную лунку. Он реагирует на это, взмахнув руками в воздухе в притворном поражении, что приводит к тому, что ему приходится выуживать мяч из воды. На двенадцатой лунке Эверету нужно сделать пятнадцать бросков, чтобы получить тридцать одно очко. И все позади меня.

В конце концов, бесплатное мороженое достается мне, ведь я привела свой шар прямо в глаз клоуна. Эверет попадает в рот клоуна и выигрывает доллар в виде скидки на следующую игру.

– Это жульничество, – ворчит мужчина.

Почему? Да потому что он набрал девяносто восемь очков по сравнению с моими пятьюдесятью семью. Эверет закатывает глаза, собираясь ответить мне. На этот раз я не могу сказать, расстроен он или нет. Мы так много хохотали по ходу игры. Мне кажется, что он так не смеялся уже долгое время.

– Ну... Продуть в мини-гольф... В этом есть своя прелесть.

– Вовсе нет, – Эверет проводит ладонью по лицу, раздраженно добавляя, – гольф – мужской вид спорта, и если я и проиграл тебе в этой детской забаве, то только потому, что играю во взрослый мужской гольф.

Мне требуется изрядная сила воли, чтобы удержаться от желания заржать в голос.

– Вау, какой ужасно плохой вид спорта! Я не знаю, как мне теперь справиться с лазертагом, если ты играешь только во взрослые игры.

Эверет останавливается в нескольких шагах от здания, повернувшись ко мне.

– Прости, я не хотел расстраиваться. Это плохой вид спорта, – признается он. – Я буду гораздо лучше играть в лазертаг.

– Хорошо, – ухмыляюсь я. – Никогда раньше не играла, так что даже не знаю, что делать.

Эверет внимательно изучает правила, просматривая карту за пределами арены, и показывает мне, где лучше всего спрятаться. Чем больше он рассказывает о командах соперников и о нашей домашней базе, тем больше я понимаю, как именно он относится к идее лазерной указки. Я вдруг вижу перед собой тринадцатилетнего Эверета. Он перестает щеголять своей мужественностью.

Мы получаем наше снаряжение, и Эверет еще целых три раза спрашивает, запомнила ли я правила, подчеркивая, как важно не перемещаться слишком открыто. Потом надеваем жилеты с сенсорами и подходим к девушке, выдающей лазерные пушки. Она значительно упрощает нам правила и отправляет в темноту, чтобы дать время освоиться. Мы выходим на поле в черноту вокруг нас, и моя белая рубашка становится замечательным ориентиром для охоты. Нет сомнений, до меня доберутся сразу.

– Черт, об этом я не подумал, – признается Эверет. – Давай поищем место, где можно спрятаться. Тогда мы не достанем соперникам так уж легко. Может быть, в одном из углов?

Закатив глаза, я следую за Эверетом. Мы быстро спускаемся вниз, и он начинает объяснять мне правила заново.

– Я запомнила уже, – останавливаю его.

– Что? – мужчина внимательно смотрит на меня. Даже в таких потемках видно, как он серьезен.

– Правила. Эту игру. Я все поняла. И прекрати вести себя так серьезно, будто мы на войне. Должно быть просто весело.

Даже в темноте я вижу, как он сжимает челюсти.

– Я бы не хотел проиграть, ну да ладно, – огорченный, Эверет отворачивается, оставляя меня чувствовать вину.

Я не хотела его расстраивать. Я просто хотела повеселиться, но теперь мне придется играть всерьез. И надо запомнить на будущее – такого типа игры лучше вести без Эверета.

Игра начинается, и несмотря на то, что Эверет мне говорил, он одной рукой прикрывает меня, выглядывая из-за угла, чтобы обнаружить других игроков, приближающихся к нам. В течение нескольких минут он стреляет в противника, в то время как я стою за его спиной, разочарованная, уже предчувствуя, что, вероятнее всего, поиграть мне так и не доведется.

После нескольких минут, тянувшихся для меня словно час, Эверет стреляет еще в двух человек. Устав стоять на одном месте, я выхожу из-за его спины и двигаюсь вперед.

– Что ты делаешь? – шепчет он громко.

– Играю в эту чертову игру, – взрываюсь я.

– Стой, – он следует за мной. – Что не так, Бренна?

– Я уже давно не ребенок. Не надо так ко мне относиться.

Может быть, я немного перебарщиваю, но ненавижу чувствовать свою беспомощность или не делать чего-то самостоятельно. Направляясь прямо, я замечаю слева тень и стреляю в нее, наводя курок прямо на нее. Я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться Эверету, и обнаруживаю его гораздо ближе, чем предполагала.

Он смотрит на меня, тяжело дыша:

– Я не хотел тебя расстраивать.

Мне нужна секунда, чтобы придумать ответ, который не нарушит его альфа-позицию.

– Все хорошо, Эверет, давай просто сыграем.

– Тебе не нравится, что я защищаю тебя? – его тон резок, я к такому не привыкла. Это вроде как... горячо.

Сглатывая неизвестно откуда накативший в горле комок, я трясую головой.

– Мм... Может, немного.

Он приподнимает уголок рта.

– Теперь ты знаешь, не так ли?

Я вовсе в этом не уверена, но еще больше не уверена в Эверете. Я не должна поддаваться его доминированию, но почему-то нас окружает нечто совсем иное, нежели примитивная сила, заставляющая меня подчиниться. Моя губа дрожит, когда я пытаюсь что-то сказать, но слова не идут с языка.

Подойдя ко мне, Эверет возвышается надо мной, как никогда раньше.

– Бренна, – то, как мужчина произносит мое имя, сводит с ума. Он снова делает шаг вперед, заставляя меня пятиться. Мы повторяем это движение три раза, прежде чем я упираюсь во что-то. Стена или доска позади меня, неважно, главное, мне теперь некуда отступить. Эверет давит на меня своим мощным телосложением. – Бренна...

– Да? – мой голос дрожит.

– Я собираюсь поцеловать тебя сейчас.

Наши губы соединяются, чтобы обнажить напряженность между нами. Эверет подхватывает мою ногу, заставляя закинуть себе на бедро, и прижимается ко мне так, словно хочет стать моей второй кожей. То, как он прикасается ко мне, вызывает чувство экстаза во всем теле.

Наша страсть резко обрывается, когда что-то ударяется в нас. Оторвавшись друг от друга, удивленно смотрим вниз на ярко-красные огни, снова друг на друга и хохочем. Эверет проводит рукой по лицу, я кусаю ноготь большого пальца, глядя в сторону напавшего.

– Я думаю, пришло время «умереть», – говорит Эверет. Он не может стереть улыбку со своего лица, и я подозреваю, что моя улыбка является продолжением его.

Как только мы возвращаем снаряжение, так сразу же направляемся к машине и садимся в нее, чтобы отправиться домой. Эверет включает радио раньше, чем мы выезжаем с парковки.

– Давай найдем уединенное местечко.

Удивленно взглянув на него, я спрашиваю:

– Зачем?

– Доверься мне.

Не уверена, что мне нравится эта идея, но все же делаю, как он говорит: сворачиваю с оживленной улицы на уединенную дорогу. Нам открывается парковка рядом с зеленой мусоркой, и я паркуюсь. Глядя на Эверета, спрашиваю себя, все ли в порядке?

– Закрой верх.

– Хм. Ты собираешься убить меня?

Мужчина широко улыбается:

– Я собираюсь трахнуть тебя. Я хотел этого с того момента, когда мы

стали играть в лазертаг. Мне необходимо оказаться внутри тебя, Бренна. Мне нужно ощутить твои нежные мягкие тиски. Ощутить, как ты сжимаешь меня. Я хочу целовать тебя и повсюду касаться.

Я сжимаю свои ноги. Сейчас передо мной другая сторона Эверета, но я не жалею. Нажимаю на кнопку, чтобы опустить крышу, но прежде, чем это происходит, стягиваю через голову рубашку.

– Сядь на меня, – приказывает Эверет.

Я с удовольствием слушаюсь. Поднявшись над средней консолью, я перекидываю ноги и опускаюсь на Эверета. Он расстегивает бюстгальтер, сразу начиная жадно целовать открытую грудь. Целует мое тело повсюду, куда дотягивается, руками крепко обхватив мою задницу. Он приподнимается подо мной, крепче прижимая к себе, демонстрируя, как именно он хочет меня.

Губами прижимается к моей шее, медленно скользя ими вверх.

– Снимай шорты, – шепчет он, когда его рот достигает моего уха.

Хотя нелегко это сделать, я все же кое-как снимаю шорты, пока Эверет стягивает свои штаны к лодыжкам. Я снова сбиваю его с толку, разлегшись на нем. Мы напряженно вглядываемся друг в друга, наблюдая за эмоциями, пока я осторожно опускаюсь на него. Впуская в себя его твердый член, слышу сладостные стоны.

Эверет сосредоточенно смотрит в мои глаза. Когда он полностью погружается в меня, мой собственный стон отражается от стен машины. Кладя руки на мои бедра, Эверет направляет меня навстречу себе. Я чувствую приближающийся оргазм, что только подстегивает этого мужчину. Когда я чувствую, что он готов взорваться внутри меня, беру инициативу на себя, приостанавливая его и изменяя угол скольжения именно так, чтобы получить больше удовольствия.

Ощущая содрогания своего тела, я умоляю Эверета дать мне еще. Он разгоряченным дыханием щекошет мою шею, направляя меня вверх и вниз сильнее, на этот раз гораздо жестче.

– Черт! Да! Вот так! – кричу я от наслаждения.

– Я следую за тобой, детка, – Эверет кончает двумя секундами позже. Он издает сдавленные стоны, пытаюсь дождаться моего оргазма.

– Давай, Эверет! Кончи в меня!

Я руками запутываюсь в его волосах, притягивая к себе, когда меня сотрясает второй оргазм. Эверет присоединяется ко мне через несколько секунд.

Наши тела остаются неподвижными, все еще соединенными, дыхание вырывается рваными хрипами.

Эверет обнимает меня. Я чувствую, как превосходство самца превращается в романтику, и альфа в нем исчезает.

– Могу я кое о чем спросить тебя один раз? – шепчет он.

– Что спросить? – задаю встречный вопрос.

Я закрываю глаза и пытаюсь восстановить силы, чтобы хотя бы попытаться одеться. Я не готова покинуть убаюкивающее тепло его рук. Пока не готова.

– Просто я хотел спросить, как ты себя ощущаешь?

Удивленно распахнув глаза, я смотрю на Эверета. Он смотрит на меня с таким же выражением на лице. Как будто чувствует только безграничное обожание меня. Я никогда в жизни не испытывала такого сладостного ощущения от близости с мужчиной. И не подозревала, что такое чувство может существовать, особенно в моем мире. Зная точно, что представляет собой Эверет, я просто киваю головой, слишком нервничая, чтобы сказать что-нибудь.

Мужчина ладонями обхватывает мои щеки, заставляя смотреть прямо на него, пока говорит мне о своих чувствах:

– Бренна Коннорс, ты – любовь моей жизни. Когда я впервые увидел тебя, то понял, что в тебе есть что-то особенное, но это не что-то одно. Это все. Я люблю тебя, красавица.

Слезы сами собой катятся на рубашку Эверета. Знаю, что, несмотря на нагромождение лжи между нами, я ни с кем больше не буду себя чувствовать так, как с ним. Он создан для меня. Я только надеюсь, что наступит время, когда мы сможем полностью открыться друг другу, чтобы у нас появилась возможность любить друг друга целиком, а не отдельными частями.

Я прижимаю свои губы к его, чтобы не только услышать эти слова, но и прочувствовать их.

Наш поцелуй быстро перерастает в страстный, и я ощущаю, как его член твердеет внутри меня. Окна запотевают, пока мы занимаемся любовью на пассажирском сиденье.

***

Воскресенье изменило мою жизнь. На все вопросы, которые возникали у меня о моем будущем, я получила ответ. И любовь, которую я испытываю, сияет ярче, чем июльское солнце.

Перед тем, как заснуть этой ночью, решаю для себя, что не стану расспрашивать Эверета о его работе, ведь тогда мне придется открыть, чем я занимаюсь, зарабатывая на жизнь. Кто знает, возможно, эти секреты

будут оставаться секретами еще какое-то время. А пока я готова поговорить с Кэнди о том, чтобы взять все на себя. Я безумно волнуюсь о продвижении бизнеса.

Приехав к Кэнди, я застаю ее безмятежно покачивающуюся в гамаке, натянутом между двумя большими деревьями, блокирующими большую часть солнечных лучей. На улице, наверно, все сорок градусов, так что я не виню ее за возможность выбрать себе оазис в этом море жары. Я направляюсь к ней. На столе стоит тарелка, на ней стакан, рядом ведро со льдом, в котором охлаждается кувшин с приготовленной сангрией. Наливаю себе стакан перед тем, как усесться на пластиковый стул рядом с Кэнди.

– Как дела, дорогая? – спрашивает она, даже не взглянув в мою сторону. Ее негабаритные солнцезащитные очки закрывают пол-лица, волосы собраны в пучок, и купальник выглядит так, будто она только что забрала его из секции юниоров. Но во всем этом она смотрится прекрасно.

– Великолепно, – отвечаю, – ну а ты?

– Гораздо лучше. Нам сегодня многое предстоит обсудить с тобой.

– Я представляю.

Приподняв солнцезащитные очки, Кэнди поворачивает голову, чтобы взглянуть в мою сторону. У меня действительно есть что сказать ей, причем гораздо более дельное, чем обсуждать мое поведение.

– Нет, нам действительно есть о чем поговорить.

– Хорошо, хорошо. Ну, о чем сначала поговорим?

Вздыхнув, женщина начинает разговор. Начиная с завтрашнего дня, у меня появится новый клиент. Он хочет только меня. Судя по всему, он – один из моих бывших клиентов. Мона рассказала о том, насколько он привлекателен, и как ей понравилось быть с ним на прошлой неделе. Я не люблю выслушивать стенания мужчин, но в то же время, с тех пор, как влюбилась в Эверета, я перестала быть фанатом секс-вещичек, как было раньше. Не тогда, когда я полностью переживаю все ощущения, когда мы занимаемся любовью с Эверетом.

– Он хочет, чтобы ты приходила в маске, – продолжает она. – И никакого секса.

Очевидно, Мона где-то перегнула палку и сделала его немного комплексующим из-за своей одежды.

– Мы не ставим под сомнения мотивы наших клиентов, мы просто принимаем их. Но все равно, смотреть приятно, – добавляет Кэнди.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Я думаю, тебе лучше прибыть туда на час раньше. У меня есть

деньги для тебя. Он заплатил авансом.

Клиенты время от времени платят авансом. В этом нет ничего необычного. Просто позволяет чувствовать некую интимность, типа дружеской.

Кэнди повторяет все то, о чем разговаривала с Майклом Ренсоном, прежде чем усесться в гамак, чтобы уделить мне внимание, потягивая свою сангрию.

– Следующая часть будет немного посложнее, чем я себе представляла. Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, Бренна?

– Конечно, знаю, – говорю я, старательно подбирая слова. Мне не нравится возникшее чувство.

– На днях ко мне приходил сержант Тиггс и кое-что поведал. Видимо, из-за того, что я передала им не весь список клиентов, то расстроила некоторых людей, и они злятся на нас. Если бы дело касалось только меня, мне было бы все равно, я бы сдалась, чтобы спасти вас. Но они хотят всех. Сержант дал мне месяц, прежде чем арестовать нас, потому что они хотят собрать всю информацию. Поэтому после нашей запланированной недели мы больше не будем заниматься этим бизнесом.

Я чувствую, как мое сердце замирает.

– Что мы сделаем?

– Ты получишь все свои деньги, я ничего не возьму себе. У меня также оказалась некоторая сумма сбережений, которую я собираюсь передать тебе. Я помогу тебе любым другим способом и к концу недели уеду из страны.

– Что? Подожди. Как ты можешь уехать и оставить все? А как же твой дом и все твои вещи?

– Если я останусь, меня посадят в тюрьму, и все мое имущество тоже отберут. По крайней мере, у меня останется свобода и мои деньги. Прости, Бренна, я никогда не хотела этого. Все эти годы я всегда была впереди всех. Я могла подкупить людей или доставить им моих лучших девушек. Я никогда не представляла себе, что этот день наступит.

И это теперь, когда я пришла сюда, чтобы попросить совета о том, какую мне взять работу? Это то, что я знаю, и то, что люблю, это то, чем я хотела заниматься. Может быть, это могла быть одна из тех вещей, где потребовалась бы маскировка, работа под прикрытием, но я не хочу сидеть в офисе или быть домохозяйкой. Мне не нужно быть экспертом, чтобы сообразить, чего я хочу – не быть одной. Но я все еще хочу быть частью этой жизни.

– Что?.. Чем же ты предлагаешь мне заняться? – спрашиваю я.

Женщина пожимает плечами, встает и наливает себе еще один стакан сангрии.

– Ты можешь поехать со мной, – продолжает разговор Кэнди. – Вот на что я надеялась. Мы могли бы начать наш собственный бизнес в каком-нибудь местечке наподобие Ямайки. Разделить все пополам.

Если бы она попросила меня об этом еще три недели назад, я бы ответила согласием, не сомневаясь. Мне бы не пришлось ничего планировать. Я бы направилась домой, собрала чемоданы и встречала ее уже в аэропорту. Благодаря Эверету все это стало невозможным. Я уже не в состоянии просто уйти от того, что у нас может быть. Вероятно, в долгосрочной перспективе это и не сработает, но я должна посмотреть, к чему все это приведет. Потому что, хотя я совсем не уверена в том, что случится со мной по прошествии этой недели, есть одна вещь, которую, уверена, я не смогу почувствовать по отношению к любому другому человеку снова.

С глубоким сожалением я говорю ей:

– Я не могу. Я бы очень этого хотела, но не могу, Кэнди.

– Потому что ты встретила мужчину.

Я просто киваю головой в ответ.

– Это плохой вариант, – она тяжело вздыхает. – Ну, все, что я могу тебе посоветовать – это найди работу и быстро. Я помогу тебе финансово, – и после недолгой паузы продолжает. – А ты сказала ему, чем зарабатываешь на жизнь?

– Нет еще. Может, мне и не придется этого делать.

– Тогда я выскажу очевидные вещи, чего ты, кажется, избегаешь, Бренна. Если останешься здесь, тебя арестуют. Закончила ли ты с проституцией или нет. Я полагаю, они насобирали достаточно материала, чтобы поставить тебя перед судьей. Может быть, ты и избежишь тюремного заключения, если уйдешь сейчас, но все же штраф тебе придется выплатить. Более того, ты окажешься мишенью. Мишенью для всего общества. Газеты, радио, телевидение... Да что угодно... Так что даже если ты ему и не скажешь, он все равно узнает. Думаешь, он останется с тобой после всего этого? Думаешь, он поймет тебя, простит и продолжит любить, как ни в чем не бывало?

Видимо, мне нужен был пинок, потому что обо всем этом я как раз и не думала. Когда я ничего не говорю в течение длительного времени, Кэнди добавляет:

– Я буду здесь до следующей недели. Куплю билет в последнюю минуту, так что даже если они и захотят, то не смогут остановить меня.

Может, тебе стоит открыться ему и все рассказать? Если он не примет твоё прошлое, тогда ты сможешь смело пойти со мной.

– Спасибо тебе, Кэнди, – я не хочу говорить ей, что только вчера узнала о том, что Эверет работает детективом, потому что тогда она скажет то, что я и так уже знаю – он не примет меня. Он не сможет этого сделать, потому что как только я стану частью общественного мнения, и они свяжут мое имя с именем Джонс, Эверет перестанет общаться с девушкой из эскорта. Он наверняка сразу же уйдет. – Я начну паковать вещи... Просто на всякий случай.

Возвращаясь от Кэнди домой, я понимаю, что мне нужен совет друга. Настоящего друга, который будет искренен во мнении и выскажет мне все прямо и просто. Хиллари. Мне нужна Хиллари.

Телефон звонит очень долго, и как только я собираюсь повесить трубку, моя подруга отвечает:

– Привет, Бренн.

– Привет. Чем ты занята?

– О! Кое-чем хорошим. Действительно хорошим.

Но по звуку ее голоса я слышу прямо противоположное:

– Ты... уверена? У тебя странный голос, Хилл.

Возникает небольшая пауза, и мне не нравится ощущение, что вдруг охватывает меня.

– Я в порядке, просто устала, только и всего. Занимаюсь планированием свадьбы. Это несколько утомительно.

– Так все хорошо?

– Конечно, – девушка повышает голос.

Не могу сказать, нарочно она так, или на самом деле у нее все хорошо, но отступаю:

– Рада за тебя. Я соскучилась. Что ты скажешь на то, чтобы встретиться в субботу?

Еще одна пауза перед тем, как звучит ее ответ:

– Мне бы это очень подошло, ты ведь знаешь.

– Отлично. Мне тоже. Жизнь делает сумасшедшие кульбиты, и мне нужен друг.

– Мне знакомо это чувство. Где бы ты хотела встретиться?

– Гриль-бар «Донни».

– Звучит заманчиво, – подруга делает паузу. – А что происходит? У меня есть минутка выслушать тебя.

Я рассказываю Хиллари обо всем, что сейчас происходит в моей жизни, все без утайки. О своих планах и об Эверете. Она терпеливо слушает меня,

пока я нахожусь в эпицентре своих эмоций. Я объясняю ей свою ситуацию, неразбериху, в которой оказалась, все, что случилось в моей жизни. Когда заканчиваю, то спрашиваю, что она думает обо всем этом.

Проходит всего секунда, прежде чем Хиллари отвечает мне:

– Думаю, я бы посоветовала тебе делать то, что подсказывает твое сердце. Не твоя голова. Не накручивай себя, Бренн. Все, о чем ты рассказала, прозвучало так, будто ты хочешь открыться ему, рассказать все без утайки. Так действуй. Думаю, это неплохой старт.

– Я не знаю, как быть честной с ним. Что я скажу?

– Правду.

– Я понимаю, что правду. Но как? Я сажусь и говорю ему: «Эй, Эверет, вот что я скрываю. Я работаю в службе эскорта и мне известно, что ты детектив». Черт, может, ему уже все давно известно. Может, это какая-то схема, придуманная для прикрытия, – мой желудок сжимается в кулак при мысли об этом. Не могу себе представить, что так близка к истине, хотя и так знаю, что когда он смотрит на меня, я читаю любовь в его глазах.

Хиллари негромко хихикает:

– Это может сработать. Или ты можешь одеться сексуально и приказать трахнуть себя, как шлюху.

– Как тебе весело, – сарказм сочится с языка. – Ты даешь мне не очень ценные советы. Я действительно не знаю, что делать.

Хиллари понимает всю серьезность моего положения и на этот раз предлагает мне хороший вариант.

– Я думаю, тебе стоит пригласить его на ужин и рассказать немного больше о своем прошлом, а потом вернуться с ним вместе домой и выложить оставшуюся часть, сесть на диван вместе с ним. Ты можешь сказать ему, что хочешь быть честной с ним, потому что знаешь, что если у вас есть возможность будущего вдвоем, то тебе нужна основа для прочных отношений. Объясни ему, что привело тебя к такой работе, скажи, что планируешь изменить свою жизнь, найти более подходящую для ваших отношений работу. И что ты закончила спать с другими мужчинами. Ты можешь пойти на какую-нибудь передачу типа «Фактор». Возможно, даже станешь знаменитостью. Это все ты изложишь, потом дело дойдет и до выяснения отношений. Ты спокойно выяснишь, сможет ли он смириться с твоим прошлым, стать опорой в настоящем и понять все твое. Выясните это вместе. Я знаю, ты справишься.

– Спасибо тебе. Я думаю, что именно так и поступлю. Ты действительно отличный друг, Хилл. Мне повезло, что ты у меня есть.

– Мне тоже повезло. Я люблю тебя, Бренна. Надеюсь, ты помнишь об

этом.

Ненавижу, когда она говорит так потерянно. Кроме того, девушка сказала мне, что любит меня, всего один раз в жизни, когда уезжала. Больше не говорила, даже когда я низко падала и больно ударялась или, наоборот, когда в моей жизни все налаживалось. На этот раз это нечто большее... Вроде как прощание. Но я не дам палец на отсечение.

– Ты же знаешь, что я тоже люблю тебя, – говорю ей. – А теперь расскажи мне, почему ты расстроена. Я чувствую это по твоему голосу.

– Да мне особо нечего сказать.

– Хиллари, – мой голос твердеет. Она что-то скрывает от меня, и мне нужно знать, что. – Хиллари, это же я. Я не стану осуждать тебя или кричать. Я просто выслушаю тебя. Вот и все. Так что случилось?

Ее голос становится густым от едва сдерживаемых эмоций:

– На прошлой неделе я узнала, что беременна, – и только я хочу порадоваться за нее и сказать, что очень хотела бы быть с ней рядом в этот момент, как она снова огорошивает меня. – Два дня назад у меня случился выкидыш.

– Что? Почему ты мне раньше не рассказала? Что произошло? Ты в порядке? Я нужна тебе? Я сяду в машину и поеду к тебе прямо сейчас.

Слова льются из моего рта, и я не знаю, что еще могу сказать или сделать для нее.

– Я не знала, как сказать тебе. Это так неловко.

– Терять ребенка неловко? Вот больно – это да, а неловко – нет!

– Нет... Все не так. Я сказала Трэвису несколько дней назад. Я достала бутылку хорошего шампанского, поставила ее на стол рядом с картой, которая должна была сказать ему, что он станет отцом. У меня была запланирована целая ночь романтики. Он же ничего не нашел. Ты представляешь?! Вместо этого мы переругались так, что не дай Боже. Он еще и обвинил меня в том, что я пытаюсь охомутать его. Я так расстроилась из-за него, Бренна, что швырнула бутылку в стену, а он швырнул поднос. Не думаю, что Трэвис хотел попасть в меня. Или, может, хотел..? Но я упала. Мне надо было сразу пойти в больницу той ночью, но я не знала, как рассказать медсестрам о том, что случилось. Спустя два дня я пошла в туалет, и вот результат: выкидыш.

Смесь гнева, печали и ненависти будоражит меня:

– Я хочу спросить тебя кое о чем...

– Нет, – быстро перебивает она меня, – не спрашивай меня ни о чем. Это единственный раз, когда он поднял на меня руку. Он просто перенервничал из-за мысли, что станет отцом. Но теперь все в порядке.

– Только не рассказывай мне о своем «все в порядке».

– Стоп! – снова кричит подруга. – Остановись! Прекрати, пожалуйста! Ты сказала, что не будешь осуждать и выговаривать. Оставь это в прошлом.

– Хорошо, – я ненавижу, когда Хиллари расстроена, но также знаю, что ей тоже хотелось бы встретиться со мной в субботу, и мне ведь тоже очень хочется поболтать с ней. – Я только одно скажу, и ты должна позволить мне произнести это, – когда Хиллари не прерывает меня в этот раз, я продолжаю. – Если он снова поднимет на тебя руку, ты должна будешь сказать мне. Я не стану звонить копам, не буду делать ничего из того, что тебе не понравится, но я приду и спасу тебя.

Воцаряется всего лишь секундная пауза, но по ней я понимаю, что такое с ней происходит уже не в первый раз.

– Спасибо, – я прикусываю язык и произношу не то, что мне бы хотелось. – Ладно, мне надо идти, встретимся в субботу.

– Я буду так рада увидеться с тобой, – и девушка вешает трубку прежде, чем я успеваю попрощаться.

У меня возникает нехорошее чувство, что этот разговор дорого ей обойдется. И что самое страшное – эта помолвка мне сразу не понравилась, и боюсь, случится еще кое-что пострашней.

Но суббота не за горами, и тогда мы увидимся и подумаем обо всем этом. Вместе.

Глава 18

Эверет

Выйдя из душа, я беру свой телефон и вижу, что пришло новое сообщение. Разблокировав экран, обнаруживаю, что оно от Бренны. Я надеялся, что так и будет. Мне нравится, что она пишет мне, и что все идет так, как должно.

Шеф сказал мне сегодня, что к концу месяца мы должны закрыть дело о службе эскорта Кэнди. Завтра я встречаюсь с Чесити. Там будет видно, смогу ли я встретиться с еще одной девушкой на следующей неделе, и тогда станет понятно, достаточно ли у меня доказательств. Когда все закончится, и я смогу уладить все текущие дела здесь, возможно, мне хватит того доверия, что связывает нас сейчас с Бренной, и я смогу открыть правду о себе.

В последнее время мне крайне сложно врать ей.

В сообщении Бренна спрашивает меня, хочется ли мне потусоваться сегодня вечером. Посмотрев вниз на полотенце, обмотанное вокруг моих

бедер, я честно задаюсь вопросом, можно ли было бы ходить так целый день и везде? Просто представлять Бренну на моем месте выглядит так возбуждающе. Она для меня все, что я когда-либо мечтал видеть в женщине, и даже немного больше. Сексуальная, веселая, независимая, целеустремленная... И все еще свободная. И красивая. Так невероятно красива.

«Что бы ты хотела сделать?» – пишу я.

«Пойти на ужин... Куда-нибудь, где мы могли бы поговорить».

Немного разочарованный тем, что мы не сможем остаться вдвоем этим вечером, я знаю, что пойду на все, что сделает ее счастливой, поэтому и отправляю ей сообщение о том, что буду готов через десять минут.

Она отвечает, что ей нужно двадцать минут.

Эти двадцать минут растягиваются на полчаса, что меня совсем не удивляет. Я встречаюсь с Бренной в вестибюле нашего здания. Девушка идет от лифта, одетая сегодня совершенно по-другому, не так, как одевалась раньше, хотя это, определенно, идет ей, придавая удивительный облик. Ее волосы заплетены. На ней рваные джинсы, заправленные в высокие сапоги, и черная майка, демонстрирующая ее декольте и живот. Она выглядит очень жарко, одеваясь подобным образом и подчеркивая свое тело. Я наслаждаюсь внешним видом такой Бренны гораздо больше.

Себя же я чувствую расфуфыренным с зачесанными назад волосами, расстегнутой фланелевой рубашкой цвета хаки, белой майкой под ней и шортами в тон рубашке.

Бренна оглядывает меня с головы до ног и улыбается, приближаясь.

– Ты выглядишь как настоящий житель Флориды.

– По крайней мере, у меня есть пара кроссовок вместо сандалий.

Девушка хихикает.

– Такое разнообразие.

– Так тебе не нравится мой наряд? – я оттопыриваю губу, притворяясь расстроенным.

Встав на носочки, за секунду до того мгновения как своими губами коснуться моих, она говорит:

– Ты выглядишь настоящим красавцем.

Я страстно целую Бренну, показывая, как мне нравятся ее слова, как я верю ей. Когда поцелуй прекращается, шепчу, что она просто великолепна.

На этот раз мы используем мой грузовичок. Я везу нас в один французский ресторанчик, который попался мне на глаза, когда я возвращался с работы. Тогда мне подумалось, что ресторанчик окажется

милым местечком, где нам будет комфортно и уютно. И сегодня взял на себя смелость выбрать место. Ресторан оказывается немного роскошнее, чем я предполагал. Нас усаживают у дальней стены.

– Как ты отработала сегодня? – задаю вопрос Бренне, как только она открывает меню.

– Сегодня мне не пришлось как следует поработать, а вот завтра я работаю допоздна, чтобы компенсировать сегодняшний день.

– Должно быть, дело во вторник. Я тоже должен буду задержаться на работе допоздна.

– Тебе нравится то, чем ты занимаешься? Ну, твоя работа? – спрашивает Бренна.

Надеюсь, она не начнет задавать слишком много вопросов. Я ведь могу не сдержаться и открыть ей всю правду. Но не хочу делать этого здесь. Я просто беспокоюсь, как бы она не устроила сцену прямо в ресторане. Не говоря уже о том, что она ненавидит копов, как неоднократно заявляла об этом ранее.

– В большинстве своем. Иногда работа бывает немного скучной. Иногда чересчур насыщенной. Но, в целом, она мне нравится. А твоя работа?

Бренна пожимает плечами:

– Не уверена. Сегодня я разговаривала со своим боссом по поводу поиска чего-то нового. Я просто не знаю, чем бы хотела заняться. Не так легко проснуться однажды и решить, что тебе следует делать. Особенно, если ты в течение стольких лет занимался чем-то определенным. Верно?

– Ну... А как тебе нравится развлекаться?

Взглянув на нее в очередной раз, могу точно сказать, что она находится в раздумье. Потом начинает качать головой, смотря на меня взглядом, полным сомнения.

– Я не уверена, что люблю развлекаться так уж сильно. Мне нравятся деньги. Я люблю ходить по магазинам и следовать моде. Искусство мне тоже нравится. Хотя, за исключением того, что тебе показывала, я мало что понимаю. Честно говоря, не знаю. Навряд ли я бы хотела стать кассиром в магазине или делать что-нибудь еще такое же унизительное.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы стать персональным покупателем (*прим.: специалист, помогающий подбирать наряды*)? Здесь вообще есть такое?

Могу сказать, что девушка обдумывает мое предложение.

– Я не уверена, но вполне возможно, что мне бы понравилось.

– Подумай об этом. Я помогу, если что. Если не захочешь моей

помощи, уверен, ты справишься сама. Не возражаешь, если я спрошу, почему тебе больше не нравится твоя работа?

– По некоторым не зависящим от меня причинам. Самая главная из них... Думаю, что я все же уже выросла из такой работы.

Бренна как-то странно смотрит на меня. Мне кажется, она что-то скрывает. А если еще и вернуться к тому случаю с синяками... Может быть, тут все гораздо сложнее?

Официант принимает наш заказ, затем расставляет бокалы. Я хочу одернуть Бренну, когда она заказывает вино, ведь ей только двадцать. Есть так много всего, о чем я мог бы сказать, если бы только это не разоблачило меня, поэтому прикусываю язык. Когда официант отходит, над нашим столом нависает давящая атмосфера грядущего разговора. Я знал, что с Бренной что-то не так, еще когда она подошла ко мне, и совсем не уверен, имеет ли это какое-либо отношение к предстоящей смене профессии. Не хочу ее расспрашивать, не хочу лезть в ее жизнь, но чувствую, что если этого не сделаю, все так и останется недосказанным между нами.

Поэтому я решаюсь:

– Тебя что-то беспокоит? Видимо, что-то печалит?

Девушка опускает бокал после хорошего глотка. Мы уже почти прикончили вино, а ведь нам еще не принесли ужин. С тяжелым вздохом она улыбается мне:

– Я хочу рассказать тебе о некоторых вещах, но не знаю, с чего начать.

– Что ты имеешь в виду?

В этот момент все, о чем я могу думать, так это о том, что она знает о моей работе детективом.

У меня нет выбора, если она попросит рассказать все честно.

– Мое прошлое. По большей части...

Если честно, она застаёт меня врасплох.

– Серьезно? Ты действительно хочешь поговорить об этом?

По идее, я не должен чувствовать такое облегчение сейчас, но сама возможность узнать что-то о ней заставляет меня почувствовать себя почти счастливым.

– И да, и нет, – Бренна неловко смеется. – Это больше, гораздо больше, чем я чувствую, но я должна сказать тебе.

Наклоняясь над столом, я беру ее руки в свои и говорю проникновенным голосом:

– Ты мне ничего не должна. Не надо чувствовать себя обязанной рассказывать мне. Но я здесь просто для того, чтобы выслушать все, о чем ты хочешь поделиться со мной.

Бренна закрывает глаза, ладонями сжимает мои руки, как будто набирается мужества рассказать мне о наболевшем. У меня возникает такое чувство, что мыслями она унеслась в то далекое прошлое, о котором не вспоминала уже долгое время.

– Кое-что я уже рассказывала твоей сестре, так что не уверена, что ты не знаешь.

– Она мне ничего не сказала, – шепчу ей едва слышно. Что почти верно. – Я умолял ее рассказать о тебе хоть что-нибудь, но она ответила, что ты сделаешь это сама, когда придет время. Очевидно, это было правильным поступком. Конечно, я злился на Эмили, но теперь предпочитаю узнать правду из первоисточника.

– В ночь перед тем, как мне исполнилось восемь лет, мои родители подрались. Я пришла на кухню узнать, в чем дело. Мама пыталась заверить меня, что все в порядке. Ничего из ряда вон выходящего. Мой отец уехал за пивом, мама сидела за кухонным столом и плакала. Это было последнее, что случилось перед концом. Мама открыла глаза, чтобы посмотреть на меня. По ее щекам лились слезы, она всхлипывала, держа в руке какой-то конверт, как будто это спасательный круг. Помню, мне очень хотелось спросить ее, что было в том конверте, но так и не решилась. Я до сих пор понятия не имею о том, что в нем было.

– Уверен, есть способы, узнать об этом, – вставляю я быстро.

Бренна пожимает плечами:

– Теперь уже неважно. Это было двенадцать лет назад. В любом случае, на следующее утро должен был быть мой день рождения, и к нему прилагалась вечеринка. Я была очень взволнована, поэтому мама улыбнулась обнадеживающе и велела готовиться ко сну. Когда я забралась в постель, она подошла ко мне, поцеловала, но мой отец так и не пришел, чтобы пожелать спокойной ночи.

Официант своим появлением прерывает рассказ Бренны, расставляя на столе заказанные нами блюда. Расцепляя руки, мы принимаем тарелки и благодарим официанта. Не думаю, что кто-то из нас голоден сейчас. Бренна допивает свое вино прежде, чем продолжить рассказ:

– Я была не в силах уснуть той ночью, в основном, от волнения. Где-то после полуночи я встала и направилась в угол своей комнаты. Лунного света было достаточно, чтобы можно было спокойно играть с куклой Барби. Вдруг я услышала, как мои родители дерутся, затем два хлопающих звука и шум от падения. Потом дом накрыла тишина. Спустя некоторое время, думая, что же мне делать, я прокралась по коридору к спальне родителей. Открыв дверь, я увидела два тела, целиком покрытых кровью.

– Черт, Бренна. Мне так жаль...

– Позволь мне закончить, хорошо? – мягко прерывает она. Я киваю, умолкая и позволяя ей продолжить. Мне хочется укунить свой кулак, чтобы остановить волну гнева, поднимающуюся внутри меня. – Полиция утверждала, что согласно осмотру места происшествия и отсутствию других доказательств, таких как записка, это происшествие было причислено к разряду убийство-самоубийство. Отпечатки моего отца были единственными на пистолете. Не знаю, как бы поступила сейчас, но даже когда мне было восемь лет, я точно знала, что мама держала пистолет в руках за некоторое время до этого происшествия. Картинка, которая чудом сохранилась в моей памяти о том вечере, говорит мне о том, что моя мама держала пистолет в руках, когда ее застрелили...

Когда Бренна замолкает, я тянусь к ее руке, но девушка снова хватает уже наполненный бокал вина. Как только она ставит бокал на место, то кладет сцепленные вместе руки на стол. Бренна смотрит на них, трет их друг о друга, как будто в сильнейшем волнении.

– Из моих родственников осталась лишь тетя, которой дежурный офицер пытался меня оставить, но она отказалась. Сказала, что у нее есть сын, и она не сможет разорваться на нас двоих. Офицер обещал помочь мне найти приличный дом в этом городе, но он солгал. Я больше никогда его не видела. Я даже как-то пыталась позвонить ему, рассказав о своих проблемах, но он ответил, что детские дома переполнены, и что мне придется заплатить за то, чтобы он решил мои проблемы. Не думаю, что он поверил мне, но это уже не имеет значения. Никто не захотел помочь мне. Тогда я и узнала, что должна найти способ стать независимой. К тому времени, как мне исполнилось тринадцать, я уже попробовала несколько видов наркотиков. От алкоголя меня откачивали большее количество раз, чем ты можешь себе представить, а все классы, в которых когда-либо училась, я провалила. Я меняла детские дома несколько раз, одни были лучше, другие хуже. Я пыталась завести парня, у меня даже был друг в то время, но, видимо, эти вещи плохо сочетаются. Меня жизнь сильно потрепала от восьми до семнадцати. А потом я сбежала во Флориду.

Мое сердце физически болит за нее. Не знаю, как она умудрилась пройти через все это и стать такой потрясенной женщиной, что сидела сейчас передо мной. Когда молчание между нами растягивается на несколько минут, я понимаю, что могу говорить сейчас без опаски.

– Я не собираюсь говорить тебе, что мне очень жаль. Это ведь не то, что ты хочешь услышать. Но я не знаю, что еще сказать...

Я позволяю словам повиснуть в воздухе. Знаю, через некоторое время

Бренна ответит мне. Сейчас она борется со своими собственными демонами, так что лучше просто сидеть и ждать так терпеливо, как я могу. Через некоторое время я поднимаю вилку и подношу ко рту, но мысль о еде не очень привлекательна для меня в данную секунду.

– Спасибо, – шепчет Бренна после продолжительной паузы.

– Да за что?

– За то, что не знаешь, что сказать. Пока я рассказывала, боялась, что ты начнешь поучать меня или читать лекции и давать советы. А я просто хотела, чтобы ты это услышал. Так вот за это и спасибо...

– Как я уже сказал тебе, Бренна, я здесь ради всего. Даже если это – просто сидеть и слушать тебя.

– В своей жизни со мной случилась масса вещей, которыми я совсем не горжусь. Но я не могу просто удалить их. И ни о чем не жалею. На самом деле ни о чем не жалею, ведь это позволило мне понять и желать стать лучше, чем я есть.

Мое сердце вдруг стало учащенно биться.

– Для... меня?

– В основном... – шепчет девушка. Ее щеки окрашиваются в тот оттенок розового, который я так обожаю, и я не могу не чувствовать, как моя любовь к ней растет. – И из-за себя тоже. Я не собираюсь полностью менять свою жизнь. Я – все еще я. Я знаю, что мне нравится, чего хочу в будущем и чего не хочу, но встреча с тобой заставила меня захотеть стать лучше.

– Ты итак чертовски потрясающе. Надеюсь, ты знаешь об этом.

Бренна пытается улыбнуться, но выходит как-то неискренне.

– Я голодна.

Сегодня просто так все меняется. Атмосфера вокруг нас, стены, воздвигнутые Бренной, все это разбивается, ломается. Теперь я знаю о Бренне чуточку больше, чем раньше, и становлюсь немного счастливее, несмотря на ужасные воспоминания, которые будут вечно преследовать ее. Я клянусь, что никогда не напому ей о прошлом, не позволю ему поглотить ее. Я буду защищать Бренну и поддерживать каждый момент ее жизни, как только смогу.

Тогда, надеюсь, однажды прекрасное будущее станет возможным рядом с самой сильной и самой невероятной женщиной, которую я знаю.

Сказать, что мне повезло – это явное преуменьшение.

В течение всей ночи мы говорим о чем угодно, но не касаемся обидных тем. Ни один из нас не останавливается на болезненных темах другого, и мы не обсуждаем работу, семью, бывших, чтобы не возвращаться

к мрачному настроению. Мне очень нравятся перемены в Бренне, особенно когда она запрокидывает голову, чтобы от души расхохотаться. Нет ничего более красивого на этом свете, чем ее смех.

К тому времени как мы вновь усаживаемся в грузовик, Бренна выпивает три бокала вина и чувствует себя хорошо. Ее смех полон жизни, а на губах очень искренняя улыбка. Бренна тянется ко мне и держит за руку, пока мы в пути. К моему ужасу, обратная поездка домой быстро заканчивается.

Девушка смотрит на меня со сладкой улыбкой на лице и дьявольским блеском в своих невероятно прекрасных глазах.

– Я хотела еще кое в чем признаться сегодня вечером, – говорит она, – но, думаю, что смогла бы перенести это на выходные. Не хочу испортить сегодняшнее настроение.

– Что за настроение?

– Счастье.

Это простое слово поднимает меня на недостижимую высоту. Видимо, сегодня ночью Бренна останется со мной.

Подталкивая девушку в сторону спальни, я постепенно оставляю ее без одежды, перемежая раздевание страстными поцелуями до тех пор, пока на ней не остается лишь одна одежка – ее улыбка.

Повернув Бренну спиной к себе, толкаю ее к стене, и девичья попка находится как раз напротив моего члена. Я держу руки на бедрах Бренны, потом медленно скольжу ладонями вверх по ее животу и обхватываю восхитительные груди.

– У тебя невероятное тело, – шепчу на ухо.

Девушка стонет в ответ. Мне нравится слышать эти стоны.

Опустив руку вниз вдоль тела Бренны, я нахожу ее влажную промежность, касаюсь клитора пальцем.

– Ммм... Ты уже такая влажная для меня.

– О да, – шепчет она в ответ, выгибая спину.

– Я собираюсь трахнуть тебя, Бренна, – она шевелит своей задницей, готовая для меня. – Я хочу, чтобы ты выкрикивала мое имя, пока я трахаю тебя, – она словно издевается, готовая к большему, чем просто слова. – Ты готова принять меня, детка?

– Да, Эверет. О Боже, я вся для тебя!

– Черт, звучит потрясающе, когда ты умоляешь меня! Скажи мне, чего ты хочешь, Бренна, скажи, что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой?!

– Я хочу, чтобы ты трахнул меня, Эверет. Трахни меня жестко, – ее слова и звуки посылают меня за край.

Прижимаюсь головкой члена ко входу во влагалище. Бренна вся мокрая, и у меня уже нет сил ее дразнить. Я хочу всадить ей по самые яйца. Я хочу быть внутри нее.

– Боже, твоя киска такая влажная.

– Да? – стонет она.

– Ты и понятия не имеешь, – я резко вхожу в нее.

Потирая пальцем свой клитор, она двигает бедрами таким образом, что еще плотнее обхватывает мой член. Я знаю, что надолго меня не хватит.

– Черт, – кричит она, – я кончаю...

Я вхожу в нее резче, чувствуя, как ее киска сжимается вокруг меня. Бренна выкрикивает мое имя, требуя трахать ее сильнее.

Как можно быстрее я стараюсь переместить наши тела и согнуть Бренну над кроватью. Я вонзаюсь в нее все жестче, поддерживая и увеличивая тот темп, которым я имел ее у стены. Задница Бренны содрогается, ягодички подпрыгивают в такт моим яростным толчкам. Я шлепаю ее, чего никогда раньше не делал, но девушка кричит, чтобы я повторил. И я дарю ей еще шлепок, уже не сомневаясь.

Наши тела сталкиваются быстро и горячо. Как только я чувствую, что вот-вот взорвусь, спрашиваю Бренну, пила ли она таблетки, или мне воспользоваться презервативом? К моему удивлению, она предлагает кончить ей в задницу, и я охотно подчиняюсь.

Могу признаться, что мне это определенно нравится. Все, начиная с сегодняшнего похода в ресторан и заканчивая трахом, ведь я впервые в жизни кого-то поимел. Бренна моя. Она – моя и никого другого. Как и я – ее. И пока она этого хочет, так будет.

Бренна выходит из ванной, устранив со своего тела следы нашей страсти, и направляется к кровати. Девушка идет твердым размашистым шагом, волосы в беспорядке, а на лице блуждает улыбка. Я знаю, что она готова к следующему раунду.

Только я не хочу снова ее трахать. На этот раз я хочу заняться с ней любовью.

Что мы и делаем.

***

Джефф сидит в моем кабинете, когда я возвращаюсь с обеда. Кучи бумаг разбросаны по всему столу.

– Как прошел обед? – спрашивает он.

Положив контейнер с остатками обеда в нижний ящик стола, я усаживаюсь поудобнее в своем кресле и смотрю на бумаги, которые он

протягивает мне.

– Да хорошо, спасибо, – и задаю встречный вопрос. – А что у тебя в руках?

– В основном, отдельные рапорты до настоящего времени. Мне осталось меньше пяти. Насколько ты уверен в том, что встретишься с еще одной леди от Джинджер на следующей неделе? Шеф сказал, что мы можем покончить с этим дерьмом за две недели, если у нас все собрано.

– Я сделаю все от меня зависящее, как будто наказание не подходит мне. Я не буду связываться с ней так, как с Моной. Посмотрим, что можно придумать. Я просто не хочу быть слишком подозрительным, понимаешь? Сколько парней ходят туда и меняют женщин?

– Ну, на этот вопрос я могу тебе ответить. По крайней мере, шесть из тех, с кем я беседовал.

– Точно? О*уеть. Не думал, что это будет так сложно!

– Надеюсь, станет легче, когда ты будешь находиться в одной комнате с ними, – он смеется над своей шуткой.

– Ты больной ублюдок, – рычу я. – Ни одна из этих девушек не получит от меня моей спермы!

«Особенно после ночи с Бренной», – думаю я про себя.

– О, ты уверен?! Да ты красавчик! Но, как я слышал, хламидиоз снова бьет рекорды, – Джефф снова смеется и встает. – Не беспокойся, сегодня почитать протоколы допросов не получится. Уверен, ты должен привести себя в порядок для ночи Целомудрия. Надеюсь, в четверг или в пятницу у тебя получится вернуться к чтению.

– Спасибо, мужик. Приятного вечера.

Он шевелит кустистыми бровями:

– О...Мой вечер будет не настолько хорош, как твой.

– Ха-ха, а ты весельчак.

Джефф усмехается, выходя из кабинета.

Мой телефон вибрирует в кармане. Я вытаскиваю его, чтобы увидеть пришедшее от Бренны сообщение.

«У тебя хороший день? Прости, что нам обоим приходится работать допоздна :(Надеюсь, планы на завтрашний вечер не изменились?»

Я не должен улыбаться такой безудержной счастливой улыбкой. По-видимому, никто из нас не может друг без друга. Потому что, лежа в постели после потрясающего секса прошлой ночью, обнимаясь и милюясь, я упомянул, что хотел бы пригласить Бренну на еще одно свидание. Это стало полным сюрпризом для нее. Она так очаровательно застеснялась, закрывая лицо простыней, пока принимала мое предложение. Когда я

уточнил у нее время, она выбрала вечер среды.

Я нервничаю из-за того, что мы привязались друг к другу слишком быстро, слишком тесно сплелись, но все равно, даже если я и боюсь, то не намерен отступать. Я зависим от того, что делает Бренну такой, какая она есть.

«Это намного лучше. До завтра. Не могу дождаться».

Я ставлю телефон на вибрацию, чтобы сосредоточиться на бумажной работе перед обедом. Это не так-то легко, учитывая, что теперь мне хочется знать, чем занимается Бренна. О чем она думает. Величина моей потребности в ней ошеломляет.

Бренна отправляет мне еще одно сообщение. На этот раз фото. Это снимок себя в зеркале, одетой в черные шортики, красную рубашку без бретелек и туфли на каблуках, что добавляет добрых три дюйма к ее росту. От ее уложенных волос и искусно нанесенного макияжа у меня лично захватывает дух. Эта девушка может натянуть на себя холщовый мешок и все равно выглядеть как королева. Но я люблю ее изображением еще несколько секунд и понимаю, что я самый счастливый гребанный парень из всех живущих.

Ставлю ее фото в качестве обоев.

«Для чего это ты так сексуально оделась?»

Она отвечает спустя несколько минут:

« :) А я и не знала, что одета ТАК сексуально».

И я задумываюсь: возможно, она и не знает, что так и есть. Может быть, из-за того, что девушка так вызывающе одевалась в течение долгого времени, она и не осознавала этого. Может быть, это часть ее прошлого или что-то еще.

Я: «Ты всегда сексуальна и красива и для меня ты – само совершенство...»

Бренна пишет мне в ответ: «Не говорила ли я вам, что вы – явно сумасшедший?»

Я отвечаю: «Если ты не веришь мне, то сама явно сумасшедшая, детка».

Бренна: «Мне нужно идти. Желаю хорошо провести вечер».

Я пишу: «Тебе тоже, красавица. Увидимся завтра».

Бренна: «Жду не дождусь».

Отбросив все бумаги в сторону, захожу в компьютер и набираю имя Коннорс, пытаюсь узнать о том старом происшествии в Алабаме. Это случилось примерно двенадцать-тринадцать лет назад, поэтому я продолжаю просматривать материалы, пока не наткнуюсь на кое-что.

Какой-то парень и Джейн Коннорс проходят по делу, но в нем не так много инфы, хотя и чуть больше, чем Бренна рассказала мне. Я запрашиваю доступ к этому файлу, чтобы увидеть доказательства. Вероятнее всего, от шефа я получу большой нагоняй, но узнать все жизненно необходимо. Не для меня. Для Бренны.

Оставшаяся часть рабочего дня напоминает вынужденное трудолюбие, потому что едва я отрываюсь от работы хоть чуть-чуть, мысли о Бренне тут же вторгаются в голову, и мне приходится заставлять себя работать в два раза усерднее. Все заканчивается тем, что рабочий день подходит к концу. На сегодня вовремя, что удивительно.

Шеф окрикивает меня, когда я иду на выход мимо его кабинета:

– Бурк!

Я прохожу к нему в кабинет, чтобы узнать, что ему нужно:

– Да, шеф?

– Получил уведомление о твоём запросе! Что это за дело?

– Это дело одной знакомой мне женщины. Убийство-самоубийство ее родителей. Она не в курсе многих подробностей, но оказалась единственным свидетелем. Я просто хотел посмотреть, может, что-то еще есть в этом деле?

– Это довольно старое дело и не находится в нашей юрисдикции. Есть не так много того, что ты можешь сделать или предоставить.

– Может быть, всего несколько каких-то эпизодов для нее, деталей. Мне важно помочь ей.

Мужчина пялится на меня несколько секунд, прежде чем кивнуть:

– Хорошо. Я постараюсь потянуть за ниточки.

– Спасибо вам, сэр. Это все, о чем я хотел попросить.

– Буду держать тебя в курсе.

Мне нужно торопиться домой, чтобы подготовиться к встрече с Чесити. Все произойдет в отеле «Гранд Персон». Девушка должна арендовать номер четыреста четыре, не быть одетой, как проститутка, и быть в маске, закрывающей лицо. Когда я говорил Джинджер, чтобы Чесити надела маску, то объяснил ей, что не хочу видеть лицо той, с кем буду разговаривать. Она ответила мне, что не сомневается в моих мотивах, так что я рассчитывал на это. Я также отметил, что Мона оделась, как шлюха, что сделало неудобным нашу беседу, так что если девушка под маской Чесити оденется не так соблазнительно, это выйдет лучше всего.

Хотя мне и понравилось говорить с Моной. Она оказалась порядочным человеком и предоставила мне много информации. Я знаю, что больше мне так не повезет. Я просто надеюсь, что очередная цыпочка

не поставит все дело так, как это сделала Мона.

Переодеваюсь, тщательно следя за тем, чтобы оставить дома все, что хотя бы отдаленно напоминало, что я детектив, а затем бросаюсь к двери с бутербродом в руке. Поедая его, еду в грузовике к отелю и паркуюсь на задней площадке. Направляюсь к стойке и регистрируюсь в номере четыреста четыре. Клерк кидает на меня презрительный взгляд, когда подает мне ключи, так что, видимо, он в курсе, кто такая Чесити.

Остановившись за дверью, осторожно стучу костяшками по косяку. Слышу голос, который говорит, что дверь не заперта. Вставляю ключ в слот и, когда загорается зеленый, нажимаю на ручку. Зайдя в комнату, я начинаю что-то говорить, но когда вижу Чесити, все в ней кажется мне знакомым.

Черные волосы, волнистые и распущенные, красная помада, покрывающая ее сочные губы, красная рубашка без бретелек, черные шорты, открывающие всю длину потрясающих ног. И хотя сейчас на Чесити повязка, закрывающая все лицо, у меня не остается сомнений, что у нее зеленые гипнотические глаза.

– Майкл? – спрашивает девушка.

Ее голос наполнен желанием... И голос я знаю тоже, потому что прошлой ночью это желание было обращено на меня.

Я слегка покашливаю, пытаюсь изменить тон, чтобы голос звучал несколько по-другому. Я не уверен, сработает ли это сейчас, но ведь далеко не в первый раз я меняю что-то в себе во время расследования.

– Да, – бормочу я. – Чесити.

Она язычком слегка смачивает губы, прежде чем сложить их в улыбку:

– Конечно. Мне нужно снять маску сейчас, или ты продолжишь меня наказывать?

Мое сердце заходится, но не так, как раньше. На этот раз оно переполнено яростью, гневом и ревностью. Я хочу сорвать маску с ее лица и спросить, какого черта она тут делает, но я не могу позволить себе испортить все расследование.

И я не смогу простить ее. Только не за это.

Ярость внутри меня продолжает набирать обороты, и я с ужасом понимаю, что если продолжу находиться в этой комнате, все закончится плохо. Как, бл*дь, Бренна может заниматься со мной любовью всю ночь, а потом встретить кого-то в гостиничном номере, чтобы трахаться? И это было ее работой с самого начала?

Это, бл*дь, долбит по мне, как будто я ударяюсь о кирпичную стену. Все, о чем она намекала, говорила и лгала. Ее работа, странное время, деньги, которые она зарабатывает. Тот факт, что один из Джонов, с

которым я беседовал, описал мне Бренну до размера ее гребаных сосков. Я был так наивен, потому что полностью влюбился в загадочную женщину по соседству.

Но я не позволю себе продолжить любить эту женщину, которая думает, что я влюблен в нее. Нет. Я влюбился в шлюху. Платную женщину из эскорта, которая трахается со всеми парнями всех возрастов и национальностей за деньги.

Бренна протягивает руку к маске, и у меня меньше трех секунд, чтобы выйти отсюда, прежде чем она узнает меня.

– Майкл? – спрашивает она.

– Да, – отвечаю. – Я все еще здесь.

– О! Хорошо. Так что насчет маски? Снять или оставить?

– Оставь ее, – затем я разворачиваюсь и выхожу, захлопнув за собой дверь.

Меньше десяти минут назад я был по уши влюблен. Теперь же ненавижу ложь. Как же я ненавижу ложь, сука!

Глава 19

Бренна

– Майкл? – спрашиваю в четвертый раз. – Когда я досчитаю до трех и не получу ответа, то сниму маску.

Молчание – вот мне ответ. Я медленно снимаю маску и оглядываюсь. В комнате отеля никого нет. Прохожу в ванную, потом в коридор. Пусто.

Кэнди сказала, что все оплачено, поэтому я жду в номере. Проходит двадцать минут. Собираю свои вещи и покидаю комнату. На выходе я останавливаюсь у стойки регистрации, где Кевин смотрит маленький черный телевизор, расположенный под стойкой.

– Это было быстро, – шутит он.

– А парень... Он ушел?

Кевин согласно кивает головой:

– О, да! Я уверен, что слышал визг шин, доносящийся с парковки, когда он выезжал на дорогу.

– Правда? Это что-то новенькое, – я могу шутить с Кевином на эту тему.

Он на год моложе меня, а здесь работает уже около полугода. Не сказать, чтобы этот отель пользовался моей любовью, но когда работает Кевин, я стараюсь приводить клиентов сюда. То есть я прошу Кэнди бронировать номер здесь, если у клиента нет предпочтений.

Кевин сразу спросил меня, была ли я проституткой. Я ему сразу же и объяснила, что работаю в эскорте. Там денег больше платят, да и не нужно стоять на углу. На углу – это самое дно. В службе эскорта я зарабатываю гораздо больше и мне не нужно думать о хлебе насущном, занимаясь сексом. Кевин оказался в восторге от этого и через месяц заплатил мне за мои услуги. Было весело научить его кое-чему, но для нас это была одноразовая услуга.

Сейчас мы просто шутим на эту тему, вместе делаем ставки на баскетбольные игры, так как он – фанат «Лейкерс» (*прим.: американский профессиональный баскетбольный клуб из Лос-Анджелеса*), и мне очень нравится поддразнивать его. Может быть, я даже могла бы считать Кевина своим приятелем. В нем всегда что-то веселое.

Поэтому я задерживаюсь возле стойки на час или около того, пока мы обсуждаем кое-что из нашей жизни.

Я не рассказываю ему об Эверете и не говорю, что хочу покончить с эскорт-жизнью. Вместо этого мы болтаем о его семье, как его не понимают из-за того, что он переехал во Флориду, а не остался в церковном городе Нобл штата Мэн. Кевин вырос в католической семье в городе, где население насчитывает всего тысячу человек, и даже не знал, что такое минет, пока ему не исполнилось семнадцать лет. Теперь он многое знает, но его родители не могут простить ему его свободы.

Возможно, именно поэтому мы так подружились с самого начала. Мы оба выросли в мире, в котором нам не место, и чувствовали себя нелюбимыми большую часть наших подростковых лет.

Наконец прощаюсь с Кевином, ощущая горький привкус того, что больше нам не удастся поговорить по душам. Может быть, я все равно буду заходить время от времени. Все зависит от тяжести расследования и от того, вычислят ли меня или нет.

Когда я возвращаюсь домой, то вижу припаркованный грузовик Эверета. Меня охватывает всепоглощающее чувство радости. Этот парень занимает все мои мысли. Открыться ему прошлой ночью было хорошей идеей, и я могла бы подумать о совместном будущем. Я хотела рассказать ему все о своей работе, но решила все же подождать немного до тех пор, когда закончу. На этой неделе я попрощаюсь с двумя последними своими клиентами и расскажу Эверету все без утайки.

Надеюсь, он простит меня. Мне очень нужно, чтобы он простил меня, понял, любил...

Проверив свой почтовый ящик, я направляюсь к квартире Эверета. Дважды стучу в дверь, но никто не открывает. Мне кажется или

послышалось, что кто-то движется внутри его квартиры? Но по-прежнему никто не открывает. Вспомнив последний раз, когда он был здесь с Эмили, и хотя точно знаю, что его сестра не приезжала, я поворачиваюсь и устремляюсь на пляж, чтобы поискать его там. Но его нигде не видно.

Моей радости нет конца и края. Она прямо плещет из меня. Может быть, Эверет еще на работе или поехал куда-нибудь? Я не совсем уверена, но, видимо, его нет дома. Иду в свою квартиру, наливаю бокал вина, переодеваюсь и располагаюсь на диване в гостиной.

Мне не так часто удается посидеть на диване. Если я смотрю телевизор, то у себя в спальне, если ем, то в кухне, если мне хочется поспать или просто отдохнуть, я располагаюсь в спальне или принимаю ванну. Сидя сейчас на диване, я внезапно со всей ясностью осознаю, что очень давно не сидела вот так просто, в гостиной, в отличие от большинства людей. Разве гостиная – это не самое популярное место во всем доме, хоть человек и живет один? Или даже с семьей? Как бы кто это не называл. Одна я ненормальная. Я не живу нормальной жизнью.

С момента встречи с Эверетом мне захотелось нормальной жизни.

Я ведь должна возненавидеть его за мое желание таких решительных перемен. Но думаю, что причина, по которой я испытываю к нему только нежные чувства, в том, что он не заставляет меня меняться и даже не просит. Ему просто удастся достучаться до лучшей части меня. До той части меня, о существовании которой я или не подозреваю, или встречаюсь с ней крайне редко.

Кошка трется о мою ногу. Я смотрю на нее.

– Это здорово, не так ли? – шепчу я, но не получаю ответа. – Это очень хорошо, – отвечаю самой себе.

Недоуменно оглядываюсь в комнате, наполненной предметами искусства, привезенными со всего мира, вазами, которые я когда-то начала собирать, пока не поняла, что для таких вещей у меня совершенно нет места, как и тем нескольким артефактам, которые я собрала в последние несколько лет. Они красивые, без сомнения, но не смотрятся в этой маленькой для них комнате. У меня есть большой дом с пустым пространством и бесполезными украшениями. На самом деле это довольно удручающе.

Забывая на все вещи одновременно в данный момент, я словно окунаюсь в глаза матери, которая единственная любила меня безоговорочно. Почему мой отец сделал то, что сделал, я, вероятнее всего, теперь уже не узнаю. Но до сих пор это причиняет мне боль. Не столько даже то, что все случилось в утро моего дня рождения, ни даже то, что

произошедшее полностью изменило мое будущее, которого не должно было быть ни у одного ребенка, но именно то, что он думал только о себе, поступая подобным образом. Почему его рассуждения не коснулись меня?

Моя мама была красивой женщиной. Мое детство сейчас выглядит довольно размытым, я не помню многого, но остались и некоторые приятные воспоминания. Воспоминания, которые я надеюсь сохранить навсегда. Больше всего связанные с мамой, но есть и с папой тоже. Вот вспоминается один день, который мы провели на пляже, и именно он – причина тому, что мне захотелось жить на побережье. Я помню и веселье, и счастье, и задорные солнечные лучики, теплом скользившие по моей коже.

Надеюсь, мама гордилась бы мной, хотя это не тот путь, который она сама лично избрала бы для меня. Вероятнее всего, она бы хотела, чтобы я вышла замуж за школьного возлюбленного и родила бы по меньшей мере двоих детей, переселившись жить в центр страны. Неудивительно, что я немного не соответствую, но надеюсь, что она видит мои силу и решительность. Любовь, которую я учусь дарить. Надежду, на которую я всегда опиралась. Независимость, которую я приобрела еще в столь молодом возрасте. Я хочу, чтобы она увидела и изменения, которые я планирую произвести, и человека, который находится глубоко внутри меня. Надеюсь, моя мамочка была бы счастлива, разглядев меня такой.

Кошка спрыгивает с дивана и бежит к комнате, в которой стоит ее туалет. Я еще раз обвожу взглядом гостиную, прежде чем соскользнуть с дивана. Прошло очень немного времени с тех пор, как я перестала ненавидеть своих родителей. И мне нужно смыть чувство депрессии. Я хочу быть счастливой.

Отдыхая в ванной и попивая вино из бокала, я беру телефон и отправляю Эверету сообщение.

«Твой грузовик возле дома. Я рано ушла с работы. Пыталась зайти к тебе, но не застала дома».

Прошел уже целый час с того времени, как я постучалась в его дверь. Чтобы Эверет ни делал, он должен уже закончить, и после того, как я приму ванную, мы сможем потусоваться. Через двадцать минут ответного сообщения все еще нет. Так что я пробую еще раз.

«Все в порядке? Все еще работаешь?»

К тому времени, как я заканчиваю принимать ванную, от Эверета все еще нет никаких вестей. В груди что-то сжимается, но я стараюсь не поддаваться. Чувствую волнение, зарождающееся внутри меня, желая понять, почему Эверет игнорирует меня. Или я что-то надумываю для

себя? Это нужно немедленно прекратить.

После быстрого перекуса я ползу в кровать, все еще на что-то надеясь. И отправляю еще одно сообщение.

«Ну... я отправляюсь спать, так что увидимся завтра вечером... Сладких снов».

Проснувшись на следующее утро, я обнаруживаю всего одно сообщение.

«Кое-что случилось. Сегодня не смогу с тобой потусить, извини».

Мои глаза мгновенно наполняются слезами, и я не останавливаю их течение. Надеюсь, ничего серьезного. Моей первой мыслью стала Эмили, и я молюсь, чтобы с ней и с ее ребенком ничего не случилось. Через несколько минут я гуглю места, в которых есть доставка цветов. Позвонив выбранному флористу, прошу доставить букет желтых роз Эверету. Возможно, это супербанально, и он позднее станет поддразнивать меня, но если что-то серьезное происходит в его жизни, я хочу, чтобы он чувствовал мою поддержку. Даже если она выражена в таком глупом жесте.

Я сползаю с кровати, чтобы приготовить еду, кошка трется о ноги, потому что тоже проголодалась.

***

В среду я решаю, что мне нужна солнечная ванна, поэтому выхожу на улицу, чтобы расположиться под солнцем, слушая музыку, которая расслабляет меня, помогает дышать. В конечном итоге я погрязая в книге, которую отыскала в своем приложении Киндл-эпп, чего уже долгое время не делала.

К концу ночи я больше ничем не занимаюсь. Довольно долго поглощаю свой ужин в постели, смотря какой-то пафосный романтический фильм, опершись о подушку, залитую моими же слезами.

В четверг мне приходится сопровождать клиента на обед с его деловыми партнерами и их трофейными женами. Все проходит прилично, что позволяет мне хоть чуть-чуть занять себя, но я немного завидую тем парам, которые сейчас целуются или держатся за руки. От Эверета нет никаких известий, и я начинаю догадываться, что он знает о моем занятии.

Позже в тот день я отправляюсь в одиночестве в кино, смотрю какую-то комедию. Три сообщения, отправленные Эверету накануне, остаются без ответа.

В то время, как я пытаюсь задремать и перестать лить слезы по нему, решаю для себя, что больше не сделаю попытки связаться с ним. В последнем послании пишу ему, что мне больно и я надеюсь, что все в

порядке, упомянув тот факт, что переживаю за него и то, что мне неспокойно при мысли, что он не может передать мне сообщение.

Вот оно! Вот почему я никогда не хотела отношений! Вот почему я никогда не пыталась измениться ради мужчины. Потому что это причиняет боль, как ничто другое. Моя уверенность уходит, моя решимость падает до критической отметки, а мое внутреннее чувство заставляет меня сворачиваться в комок на кровати. Моя жизнь как будто висит над пропастью, и нет никакого пути выбраться оттуда.

Я больше не вижу грузовик Эверета возле дома. Видимо, он куда-то уехал, так что я почти теряю надежду.

В пятницу утром я встаю и отправляюсь на пробежку, а потом еще раз принимаю солнечные ванны. Это оказывается не так кайфово как в среду, но все же помогает.

В пятницу вечером я встречаюсь с Уинстоном в последний раз, и он платит мне в три раза больше, чем предполагалось. Я не уверена в мотивах его поступка: то ли он сожалеет, что я уйду из агентства, по крайней мере, именно это ему и сказали, или то, что я ненавижу трахаться с ним. Моя агрессия не имеет к нему никакого отношения. Все мои чувства связаны с Эверетом.

Наконец-то наступает суббота, и я так благодарна этому дню, потому что встречаюсь с Хиллари. Я могу выплакаться ей в плечо и рыдать вместе с ней, задать ей вопросы и получить на них ответы. Потом мы сможем поговорить о ее жизни и выяснить, что же все-таки происходит? Возможно, мы смогли бы изменить наше будущее вместе. Мы сможем быть счастливы еще раз.

Несмотря на свою скорбь, я собираю все внутренние силы, чтобы одеться как следует, с особой тщательностью, в белое летнее платье до середины бедра и туфли-лодочки. Я оставляю волосы распущенными и накладываю минимальный макияж, выделяя розовым блеском губы. Как только я надеваю солнцезащитные очки и беру сумочку, то оглядываюсь, чтобы удостовериться, что ничего не забыла. Перед отъездом я также забираю мешок с мусором, чтобы выбросить его.

Грузовик Эверета сегодня припаркован возле кондоминиума, и я заглядываюсь на него, проходя мимо. Одна часть меня хочет тут же бежать к Эверету, чтобы удостовериться, что он – дома, а другая часть твердо обещает себе, что больше не будет прилагать усилий для встречи, по крайней мере, не услышав от него объяснений. Я хочу продолжить все, что случилось с нами. По дороге к машине я выбрасываю мусор в контейнер и вдруг краем глаза замечаю необъяснимую вещь. Подняв крышку мусорного

бака снова, я чувствую внутри себя гнев. Большой букет из желтых роз, обернутый в розовую и зеленую папиросную бумагу, вместе с остальными мешками для мусора валяется внутри. Это не может быть просто совпадением. Именно такой букет я заказала для Эверета, и он, конечно, получил его, но не дал себе труда мне ответить, зато выбросил букет.

Я отчаянно пытаюсь вспомнить все, что до этих пор сделала неправильно, но у меня ничего не выходит. Пока не припоминаю наш последний ужин. Я открылась ему, рассказав, что я непорядочный человек. Я также упомянула, что хотела бы, чтобы у меня была другая работа, хотя бы мне и не платили за нее столько денег. Что-то в процессе того ужина изменило нас. Скорее всего, ужин изменил его мнение о том, что он думает обо мне. Несмотря ни на что, прямо сейчас я возненавидела его. Чертовски сильно!

Захлопнув машину, я бросаю сумочку на пассажирское сиденье и несусь к гриль-бару «Донни». Добираюсь в рекордные сроки. Парковка переполнена, вероятно потому, что сегодня выходной день, и да – это отличный спортивный гриль-бар. Я не замечаю автомобиля Хиллари, поэтому припарковываюсь у входа и жду.

Просидев в ожидании в машине двадцать минут, все время передумывая обо всем, что произошло у нас с Эверетом, все же набираю номер Хиллари, но натыкаюсь на голосовую почту. Я оставляю ей сообщение: «Это я, привет. Перезвони мне. Где ты? Я должна знать».

В течение следующих десяти минут я перезваниваю еще три раза, но всякий раз меня перебрасывает на голосовую почту.

Внезапно дрожь внутри моего живота, вызванная разбитым сердцем, вдруг приобретает другую природу. Это все больше проявляет себя беспокойство за Хиллари. Я должна была проверить, как она, между понедельником и сегодня, но я так была поглощена своими собственными страданиями, что подруга отошла на второй план.

Никогда не прощу себе, если с ней случится что-то плохое.

Я вновь пытаюсь позвонить ей, но снова слышу в ответ механический голос. Завожу двигатель машины и тут же выключаю. Я решаю зайти внутрь и проверить, там ли она. Хозяйка помогает мне в поисках Хиллари внутри бара, но результат тот же: ее нет. Я прощу тут же позвонить мне, если Хиллари появится. На всякий случай я оставляю свой номер. А затем направляюсь к машине.

Не знаю, что могу сделать. Я даже не знаю, где живет Хиллари в Клируотере. Я не детектив и не могу, имея ограниченные знания, собрать полную информацию и найти ее или хотя бы Трэвиса. Единственное, что я

могу сделать, это подать заявление о пропаже.

Черт... Я же знакома с детективом.

На*уй!

Черт!

Дьявол!

Вернувшись домой, паркуюсь рядом с грузовиком Эверета. Я тащу себя внутрь, прямо к его двери. Не знаю, откуда взялось во мне мужество, чтобы постучать в его дверь. У меня уже болит кулак грохотать по двери, но он не отвечает.

– Эверет, открой дверь, – ору я. – Я знаю, что ты здесь.

Снова слышу передвижения внутри. Я знаю, что он дома. Знаю, что он знает, что это я барабаню в его дверь. Чего я не знаю, так это то, почему он не может сказать мне в лицо, из-за чего мы расстаемся. Но я здесь не ради себя, а ради Хиллари. Я должна найти ее. Я должна удостовериться, что с ней все хорошо.

– Да открой же эту чертову дверь! – вновь ору я. – Я не уйду, пока ты не откроешь, – теперь я пускаю вход оба кулака. Вероятно, все соседи с первого этажа обоссались уже, да и со второго тоже, но мне плевать. – Это чрезвычайная ситуация. Открывай немедленно! Дело не в нас с тобой. Открой же дверь! Пожалуйста.

Через секунду дверь открывается, и Эверет встает поперек дороги, скрестив на груди руки. Он напрягает желваки, двигая челюстью из стороны в сторону, когда смотрит на меня, не слишком радостный от моей громкой настойчивости.

– Если ты не заметила, то я занят. У меня сейчас дерьма полные ладошки!

– Да, блять, я заметила, – шиплю я. – Это не о нас, я сказала. Вот... Мне нужна твоя помощь.

Эверет округляет свои глаза.

– С чем?

Моя губа дрожит прежде, чем я могу выговорить хоть слово. Эверет не просто разбивает мое сердце, он разрывает его на куски.

– Я... Я знаю, что ты детектив. И моя подруга... Моя подруга Хиллари... Я думаю, с ней что-то случилось, Эверет. Помогите мне, пожалуйста! – слезы катятся по моим щекам, несмотря на все мои попытки. Я не могу сдержать слезы, особенно когда вижу, как он смотрит на меня. И тот факт, что я еще и умоляю его о помощи, лишает меня последних остатков самообладания. Но я продолжаю, потому что мне нужно найти Хиллари. – Я должна найти ее, – шепчу через боль.

– Что случилось? – отсутствие симпатии с его стороны напоминает мне, почему я не доверяю полиции.

– По телефону она вскользь упомянула, что жених ударил ее. Это в еще большей степени хуже, потому что она потеряла ребенка. И когда Хиллари рассказывала мне об этом, я подумала, что появился Трэвис, потому что она пыталась скрыть неловкость. Мы должны были встретиться сегодня за ланчем, но она не пришла. Ее телефон выключен и я... У меня плохое предчувствие. Пожалуйста! Я бы не стала умолять тебя о помощи, если бы не нуждалась в ней.

Эверет расслабляется и проводит ладонями по лицу. С тяжелым выдохом он смотрит на меня еще раз. Секунду пялится, прежде чем сказать:

– Я сейчас переоденусь и выйду. Мы поедem на моем грузовике.

– Спасибо тебе, – я поворачиваюсь и направляюсь к его грузовику.

По дороге я вновь достаю телефон, чтобы проверить, вдруг Хиллари отправила мне сообщение, но телефон пуст. Я в который раз набираю ее номер, но телефон по-прежнему отключен.

Эверет садится на водительское сиденье, не произнося ни слова, а я запрыгиваю на пассажирское. Он заводит двигатель и включает GPS, чтобы найти дорогу в Клируотер.

Это очень длинный и неудобный путь длиной в шесть с лишним часов в грузовике рядом с ним. Может быть, мы могли бы поговорить о том, что с нами происходит, или так и будем молчать всю дорогу.

Я смотрю в окно, пока Эверет перелистывает музыкальные волны. Зачастую я не знаю, будет ли это грустно, сердито, расстроено, страшно... или все сразу в одном флаконе. Что бы я не чувствовала, заново я не хочу это переживать.

После тридцати минут исключительно неловкого молчания он удосуживается спросить:

– Как ее полное имя?

– Хиллари Трапп, – я смотрю на него, отвернувшись от окна.

– Ты знаешь дату ее рождения?

– Я знаю, что ей исполнилось двадцать четыре. День рождения в феврале, но про точный день не скажу, не помню.

– Кто ее жених?

– Его зовут Трэвис. Фамилии не знаю. Мне известно только то, что он богат, и у него есть яхта. Остальное мне неизвестно.

– А вы действительно хорошие друзья? – он бросает на меня боковой взгляд. – Из всего услышанного мною так не выходит.

– Раньше мы были лучшими друзьями. Сейчас не так, но мы очень близки. Хиллари и Трэвис не были вместе долго, но сразу обручились. Когда она рассказала мне о нем, мы поссорились. Меня не интересует, ужасный я человек или друг, я просто должна найти ее.

Он смотрит на меня еще одну секунду, а потом берет телефонную трубку:

– Эй... Извини, чувак. Я направляюсь в Клируотер на дополнительное расследование... Да, имя Хиллари Трапп, двадцать четыре года, жених Трэвис. У меня мало информации, но мне нужно найти кого-то из них... Да, она пропала... Нет, пока никаких отчетов. Да, чувак, вот поэтому я заговорил о побочном расследовании. Да, это для знакомого мне человека... Утвердительный ответ... Утвердительный ответ. Спасибо, Джефф.

Эверет отключает телефон.

– Мой партнер Джефф попытается помочь нам из офиса, – после секундной паузы он продолжает. – Так ты знала, что я детектив, но откуда? И как долго?

Эверет продолжает смотреть вперед. Наблюдаю за тем, как белеют костяшки пальцев, которыми он вцепился в руль, ожидая, когда я раскрою ему правду.

– В прошлые выходные. Я искала, есть ли у тебя жвачка, пока ты готовил завтрак, открыла комод и увидела твой значок.

– Почему же ты ничего не сказала?

– А это имеет значение? – задаю встречный вопрос. – Только тебе стало известно о моем прошлом, ты сразу же отвернулся от меня, – скрестив руки, я откидываюсь на спинку сиденья, не в силах больше смотреть на него.

– Ты думаешь, именно поэтому? – он повышает голос. – Ты думаешь, я бы попрекал тебя твоим прошлым?

– Это единственное объяснение, – бормочу я.

– Черт возьми, – орет Эверет. Его голос эхом разносится по кабине грузовика. – Бренна, ничего из того, что случилось с тобой в прошлом, не оттолкнуло бы меня от тебя. Что с тобой произошло, что ты сделала, чтобы справиться с этим. Во всяком случае, это заставило меня полюбить тебя еще сильнее.

Я так чертовски запуталась...

Я снова смотрю на Эверета, уже не уверенная, что происходит с моей жизнью прямо сейчас.

– Значит, вот так ты относишься к тому, кого любишь? Игнорируешь и

выбрасываешь цветы, которые любящий тебя человек прислал тебе, чтобы поддержать?

– Черт тебя подери, Бренна! Я не так обращаюсь с девушкой, которую люблю, – он сворачивает на обочину дороги и тормозит так резко, что нас кидает на приборную панель. Эверет поворачивается ко мне с такой скоростью, что я не успеваю прийти в себя. – Вот так я обращаюсь с любимой девушкой, когда на следующее утро узнаю, что она проститутка!

Реальность обрушивается на меня. Рвота поднимается в горле. Сияясь проглотить ее, я ошарашено смотрю на Эверета, ожидая, когда он рассмеется... но он этого не делает, и теперь я уверена, что все всерьез. И тут меня осеняет. – Так ты... Майкл?

– Да, Чесити, да

Усевшись на свое место, он выводит грузовик обратно на дорогу, уступая минивэну. Все это время я силюсь понять, как себя вести и что говорить... И должна ля я извиниться.

Прежде чем я могу что-то сказать, Эверет решает выяснить обо мне все подробности. Я не уверена, для него ли эта информация или для его расследования, но с такой скоростью проносящиеся события теперь не имеют большого значения.

– Зачем ты сделала это с собой, Бренна? Почему ты позволила людям использовать себя, трахать как какую-то шлюху и относиться к себе как к дерьму? Почему ты упала так низко, когда я чертовски хорошо знаю, что ты выше всего этого? Ведь так?

– Это не так, Эверет. Это решение я приняла, когда мне исполнилось семнадцать, чтобы заставить себя почувствовать могущество. И мне понравилось это чувство. Потом деньги, которые я при этом заработала, и возможность уйти от своих демонов, пусть даже на некоторое время. Ну а потом как благословение небес... Я влюбилась...

– Ты продаешь себя за деньги, – говорит он холодно.

– Я не продаю себя... Я продаю удовольствие...

– И в чем же разница?

– В том, что я никогда и никому не позволяла владеть мной. Никто не знает меня. Они не знают моего имени, откуда я пришла, где и как я отдыхаю в конце дня. Они не знают ничего обо мне: ни моей рутины, ни пристрастий. Что я люблю, а что ненавижу. Они знают только Чесити, которую выдумал кто-то, я притворяюсь ей. Я не продаю их сама, я не продаю никакой части себя, единственное, что я им даю, это удовлетворение, именно его они покупают у меня. Иногда это беседы, иногда секс, иногда обед или ужин, а иногда вообще что-то

маловразумительное.

Эверету требуется несколько минут, чтобы ответить мне, но говорит он совсем не то, на что я надеялась.

– В течение трех лет ты продавала себя за деньги. А те синяки? Они были подарком клиента, я полагаю? – Я медленно киваю и знаю, что он видит мой кивок. – И ты не против этого? Ты не против заниматься со мной любовью, а потом пойти и трахнуть какого-то парня? Сколько раз мы занимались сексом ночью, а на следующую ты шла и трахалась с другими? – Прежде, чем я открываю рот, он продолжает. – Не отвечай. Подожди. Мне не интересно. Я все равно не смогу быть со шлюхой.

Саднящая тупая боль в груди расширяется. Для того, кто миллион раз на этой неделе плакал, я чувствую себя на редкость отвратительно. Я заслуживаю все, что он говорит мне. Я должна быть честна сейчас. Мы оба должны быть честны друг с другом.

Согласно данным навигатора у нас осталось около пяти часов, затем мы прибудем в Клируотер. Это, определенно, будет самая жалкая поездка из всех, которые у меня когда-либо были. Но если я собираюсь провести эти пять часов в машине с Эверетом, я могу рассказать ему всю свою историю без утайки. Он не должен понимать меня, он не должен простить меня, даже если мне этого очень хочется, но мне нужно, чтобы он меня хотя бы выслушал.

– Я думала, что была влюблена в своего приемного брата в пятнадцать лет. Он единственный защищал меня от приемного отца, который избивал меня, когда напивался. Он вытаскивал меня на крышу каждую ночь, чтобы посмотреть, как над нами пролетают самолеты. Он относился ко мне очень нежно и трепетно, и я влюбилась в него. По крайней мере, я так думала. Если мне снились кошмары, он баюкал меня как ребенка, пока они полностью не утихали. Если я не могла пройти в прачечную, он воровал для меня четвертаки, и вот я уже стояла на коврике для стирки. Он помог мне, когда я осталась совсем одна. Он помог мне, когда у меня никого не было. Хотя в то время у меня была подруга Лиза, но это отнюдь не то же самое.

Он стал моим первым мужчиной, обещал, что позднее мы вместе убежим. Я думала, что однажды мы поженимся, пока не вернулась домой раньше времени и не застала его в постели гольшом с моей лучшей подругой. Он только добавил боли к той, через которую я уже прошла и проходила день за днем. Раньше я пробовала наркотики, потом попробовала спиртное. Ничто из этого не заставило меня почувствовать себя лучше, но я все равно пошла той ночью напиваться. Меня не

волновало тогда, что со мной случиться, мне хотелось только унять разъедающую меня боль.

– И как это ушло, Бренна?

– Позволь мне все же закончить, – произношу я. – В эту ночь я была безумно пьяна. Меня тошнило и рвало, и я чувствовала себя вещью как снаружи, так и внутри. Затем я повстречала какого-то парня, показавшегося мне, пьяной, привлекательным. Он чувствовал себя суперсильным, и мне не потребовалось прилагать много усилий, чтобы соблазнить его. Потом был другой. На следующих выходных был очередной новый парень. Я поняла в какой-то момент, что мне понравилось. Что я могу переспать с любым, и они не заморачиваются по поводу моего возраста, и не разбивают моего сердца. Я могла бы обтянуть сиськи, чтобы постирать, или выставить напоказ голую ногу, чтобы получить немного еды. Сила соблазнения и секса была всепоглощающей, и я стала зависимой от этого. В итоге я сэкономила достаточно денег, чтобы убраться оттуда. Потом я поехала в Грейхаунд, оттуда в Пенсаколу и заплатила за поездку менее сорока долларов. Проведя в том городе меньше недели, в одном из ночных клубов я встретила состоятельного человека, который предложил оплатить мои услуги. Женщина, что сейчас выступает моим доверенным лицом, на самом деле таким образом подбирала девушек и она так нашла меня. Она рассказала, чем зарабатывает на жизнь, и сколько я получу, работая таким образом, и все покатило вниз. Я никогда не задумывалась, что делаю что-то позорное или не то. Ты фактически заплатил за меня. Я имею в виду, все время, что мы были вместе. Сколько денег ты выложил, чтобы удовлетворить мои маленькие слабости, прежде чем затащил меня в постель? Это то же самое, единственное отличие – когда я в эскорте, я не влюбляюсь. Я не раскрываю себя, своей истинной сущности. Я не отдаю свое сердце тому, кто не понимает, насколько оно хрупко, чтобы вот так позволить кому-то разбить его. Так что ты можешь найти еще миллион вещей, которые я делала неправильно, но я никогда и никого не любила. Пока не встретила тебя. На прошлой неделе я сказала тебе, что ищу новую работу. Я говорила тебе, что хочу измениться. Я хотела сказать тебе правду о том, чем я занимаюсь на самом деле, но все выжидала. Но будь ты проклят, если обернешь это против меня, особенно когда сам врал мне.

– Я не злюсь, что ты солгала мне, – его голос звучал побежденным, так что я очень надеюсь, что достучалась до него, даже если немного. – Я тоже лгал тебе и сожалею об этом. Мне, правда, очень жаль. Я злюсь из-за того, что ты продолжала трахаться с теми парнями после того, как мы признались друг другу в любви. После того, как мы занимались любовью.

– Я хочу извиниться за это, Эверет, но я знаю, что все равно бесполезно, так что не буду. Если это какое-то подобие примирения, то я закончила. Я смирилась с этим.

– Когда?

– Что когда?

– Когда ты закончила с этим?

– Я думаю, что это зависит от того, насколько физически ты бы хотел завершения такой моей карьеры. Но в понедельник мы с боссом договорились, что это – моя последняя неделя.

– Со сколькими парнями ты была на этой неделе? – Эверет бросает на меня быстрый взгляд. Надеюсь, это хороший знак, даже если буду честна с ним.

– У меня было трое парней, один из которых – ты.

– И ты спала... с остальными двумя?

Все во мне кричало солгать, но на этот раз я решила прислушаться к голосу совести, которая не раз советовала мне открыться. Не послушав ее, я и оказалась в такой ситуации. Поэтому, когда я открываю рот, истина выходит наружу:

– Один из них... Вчерашний день... Я была очень зла на тебя, Эверет, и... Я знаю, что это не оправдание. С того времени, как я влюбилась в тебя, нужно было прекратить все это. И оно всегда будет моим самым большим сожалением в жизни.

Неловкое молчание повисает в машине еще на несколько минут. Я уже ничего не жду от Эверета, главным образом потому, что не заслуживаю его прощения, но ему удастся удивить меня, едва он начинает говорить. Это, может быть, не так много, но это что-то.

– Я встречался с Моной на прошлой неделе. Она сказала мне, что никто в связи не верен. Она сказала, что это редкость, когда человек встречает такую сильную любовь, когда сам захочет быть верным. Человек твоей профессии. Я подумал, что у нас есть шанс, даже малейший, чтобы сделать это.

– Мы... могли бы... – слова приходится вытягивать клещами. Полные надежды, полные страдания.

– Я больше ничего не знаю. Мы оба лгали друг другу, Бренна. Я больше не знаю, смогу ли доверить нам что-то. Я не знаю, почувствуешь ли ты одиночество однажды ночью и отправишься искать кого-то другого, чтобы улучшить свое самочувствие. Я также не знаю, будешь ли ты общаться с другими парнями за моей спиной, потому что общение с ними укрепляет твою уверенность в себе, и самое главное, я не знаю, готов ли

смотреть на все это, уже зная, через что мы прошли.

Не в состоянии смотреть на него снова, я вижу, как белые облака проплывают над головой. В этот момент ничто из того, чем я могла бы оправдаться, не изменит его мнения, ничто из того, что я сделаю, не заставит его доверять мне. Я не могу доказать ему, что не ищу развлечений как какая-то шлюха, которая прыгает из койки в койку, потому что до сих пор я ничем не доказала, что достойна его любви. Так что сделаю шаг назад. Я позволю ему найти кого-то более достойного. Кого-то, кто сможет полюбить его безоглядно, кого-то, кого он сможет полюбить без опаски. Кого-то, кто не является мной.

Я знаю, что начиная с моего восьмого дня рождения, ничем не заслужила любви и ни от кого ее не получала. Я никогда не стану чьей-то силой. Я всегда так и останусь якорем, тянущим ко дну, заставляющим оступиться.

Я разрезаю веревку и позволяю ему уйти.

Четырьмя часами позднее никто из нас не нарушает больше тишины, повисшей в машине после нашего разговора. Мы менее чем в полчаса езды от города Клируотер. Небо окрашивается оранжевыми красками, готовясь к заходу солнца. Я умираю с голоду, но отказываюсь говорить Эверету. Я также хочу в туалет, но не буду проситься. Мы оба совершенно довольны разделявшим нас расстоянием, хотя сидим всего лишь в паре десятков сантиметров друг от друга.

Его телефон звонит, прерывая наши молчаливые раздумья.

– Это Бурк... Черт! Мой GPS говорит, что я буду на месте через двадцать три минуты. Ты можешь установить точное местоположение? Где это произошло? Да... Да... Попался... Спасибо, чувак. Да, я буду... Спасибо еще раз.

– Мой партнер говорит, что он просмотрел газетные статьи и наткнулся на объявление о помолвке, напечатанном три недели назад. Трэвис Хардинг, возраст сорок два года. Вырос в нескольких городах. Известен своим богатством и преданностью обществу. Ему также удалось нарыть, что у Трэвиса были три разных женщины в разных штатах, пытающиеся подать на него заявления о домашнем насилии, но которые не приняты. В тридцать один год ему предъявляли обвинение в нападении с отягчающими обстоятельствами, но отпустили с минимальными обвинениями. У меня есть адрес, так что мы скоро туда доберемся.

Если бы я могла чувствовать себя хуже, чем сейчас, то только на смертном одре. Все, что я знала и любила, рухнуло вокруг меня. Закрыв глаза, я делаю то, чего никогда не делала прежде... Я молюсь. Пожалуйста,

Господи, пожалуйста, пусть с Хиллари будет все в порядке. Пожалуйста, позволь нам найти ее. Позволь мне спасти ее, пусть она вернется домой вместе с нами. Я умоляю тебе больше всего о том, чтобы с ней было все в порядке. В безопасности и с улыбкой.

Я открываю глаза, только когда грузовик въезжает на закрытую территорию, и оглядываюсь. Мы едем мимо великолепных домов, разделенных акрами земли и белыми заборами. Эверет сворачивает к длинному подъезду массивного жилого дома с крыльцом мечты, построенным с фасада.

– Оставайся здесь, – приказывает он.

В любом случае, я не могу сидеть и ждать. Когда я уже берусь за ручку двери, Эверет перехватывает мою руку.

– Бренна, я же сказал тебе остаться здесь.

– Она мой лучший друг. Мой единственный друг. Я должна быть там ради нее.

– Ты. Стоишь за моей спиной. Если войдешь в дом со мной, я хочу быть уверенным в твоей безопасности. Я не собираюсь делать еще что-то кроме того, за чем приехал сюда. Я иду в этот дом прямо сейчас и собираюсь найти Хиллари. Я приведу ее к тебе, и мы поедem домой. Это может быть опасно, а я не смогу защитить вас обеих. Так что сиди здесь, держи дверь закрытой и жди. Улыбнись.

Его глаза умоляют меня еще больше. Так что я невольно киваю головой:

– Хорошо.

Мужчина тянется к бардачку, вытаскивает черный пистолет и дважды щелкает, проверяя, все ли в порядке. Затем кладет пистолет в карман, проверяет кошелек и значок, прикрепленный к ремню брюк. Я вижу Эверета в совершенно ином свете, и это сюрреалистично для меня. Я думаю, что таким он нравится мне даже больше, но это уже не имеет значения, потому что он больше не предназначен для меня.

Когда Эверет закрывает дверь, я не могу сдержать себя, произнеся:

– Будь осторожен.

Он вглядывается в меня, посылая подобие улыбки. Я блокирую двери грузовика и наблюдаю, как Эверет поднимается по ступенькам крыльца и нажимает на кнопку звонка. Он заглядывает в окно и через секунду дверь открывается.

Пожилой, строго одетый человек приветствует его с улыбкой на лице. Они переговариваются, и я наблюдаю, как Эверет касается значка на ремне. Улыбка не исчезает с лица человека, и он открывает дверь шире и

отступает в сторону, чтобы впустить Эверета.

Время тянется исключительно медленно. Я насчитываю примерно тридцать машин, проезжающих мимо. Одна из машин вдруг сигналист в сторону бокового дома. Я разглядываю рисунки на домах соседей и уже знаю, что кошка у них черно-белая. Я обнаруживаю, что у Эверета в бардачке есть тайник со швейцарскими булочками. И еще я знаю, что если не пописаю в течение нескольких минут, то мне придется присесть на ближайшей клумбе.

Услышав звук открывшейся двери, я поднимаю голову и вижу спускающегося по ступенькам лестницы Эверета. Он один, и это означает, что он не нашел Хиллари. Он был там один долгое время, и мне не нравится возникшее у меня чувство. Ничего больше не кажется мне правильным.

Я разблокирую двери, едва он приближается. Эверет прыгает внутрь, уже набирая кому-то на сотовом.

– Привет, Это я. Вызовите подкрепление, – он мгновенно заканчивает и смотрит на меня. – Бренна...

Я не хочу слышать, что он скажет дальше.

– Нет, – я отрицательно качаю головой, – нет... Не рассказывай мне.

Он прочищает горло перед тем, как сказать мне о том, чего я не хочу слышать.

– Ее там нет, но после того, как я немного потрепал этого м*дака, он сознался, где Хиллари. Мы пойдем туда, когда приедет подкрепление. Мне нужно проинформировать их о ситуации.

– Так... Она в порядке? – это единственное, что меня интересует.

Он пожимает плечами, не в состоянии мне ответить.

– Я знаю только, где она находится. Больше он ничего не сказал мне.

– Хорошо.

Эверет тянется своей рукой к моей, сжимая ее в утешении.

– Спасибо, – шепчу я.

В ответ получаю еще одно пожатие. Мужчина стучит ногой в нетерпении, пока дожидается подкрепления. Наконец, через несколько минут, прибывают три полицейские машины, внедорожник и машина скорой помощи.

– Оставайся здесь, – говорит мне Эверет и направляется переговорить с людьми, пока я остаюсь ожидать новостей.

Когда он возвращается, мы сразу же уезжаем из этого квартала богатых. Мы едем теперь уже в другое место, скорее всего, в пригород. Здесь больше многоквартирных домов, отдельных почти совсем нет, и эта

часть города выглядит как логово осужденных. Я начинаю ненавидеть место, в котором Хиллари приходится жить.

Эверет останавливается перед зданием и снова сверяется с адресом, качая головой. Потом снова просит меня:

– Оставайся в машине и на этот раз, пожалуйста.

– Почему на этот раз? – спрашиваю я.

Он тяжело вздыхает.

– Потому что я снова не смогу защитить тебя так, как хочу, если ты будешь со мной. Пожалуйста!

Оглядываясь вокруг, я вдруг понимаю, что не хочу оставаться здесь одна, но осознаю его правоту. Кроме того, несмотря на все происходящее, чувствую утешение от мысли, что он все равно хочет защитить меня.

– Хорошо, – шепчу я.

Эверет выходит из грузовика, и я снова нажимаю на кнопку блокировки. В этот раз желание пописать вдвое сильнее, потому что теперь прибавляется еще нервное расстройство, да и беспокойство лишь увеличивается. Эверет заходит в дом без стука.

Ожидая его, я оглядываюсь вокруг. К зданию примыкает удобный магазинчик с зарешеченными окнами. Два подростка в черных толстовках стоят снаружи и куряк косячки. Я смотрю по сторонам и, хотя по улицам двигаются люди, и проносятся автомобили, складывается такое чувство, что это город-призрак. Он вызывает у меня жуткие ощущения в отличие от того места, где живу я.

Через некоторое время Эверет возвращается. Но я не уверена, хорошие ли у него известия или нет. Когда он забирается в грузовик, то поворачивается ко мне, заставляя вглядываться в него. Я прямо ощущаю, что не все хорошо.

– Прости, Бренна, – шепчет он. – Мне очень жаль.

Я сразу плачу. Не знаю, что мне сказать. Я хочу расспросить его обо всем, хочу узнать все детали, но в то же время мне не хочется знать ни черта. Я и так уже знаю достаточно.

Он позволяет мне выплакаться ему в плечо, все время глядя по спине успокаивающими движениями. Пока кто-то не стучит в стекло костяшками пальцев. Эверет опускает стекло. Рядом с грузовиком стоят два офицера.

– Детектив Бурк? – спрашивает один из них.

– Да, сэр.

– Где она?

Эверет указывает на здание, из которого вышел:

– Третья дверь направо.

Офицеры слаженно кивают головой и направляются к зданию. Я наблюдаю, как два санитары с носилками направляются за ними.

– Она мертва, не так ли? – судорожно шепчу я.

Воцаряется длинная пауза, поэтому я поворачиваю голову и смотрю на него. Мужчина смотрит в окно. Слезы катятся по его щекам, и он пытается сдержать их, так что ответ очевиден.

– Эверет, пожалуйста, ответь мне.

– Да, детка... Она мертва.

Я тоже поворачиваюсь, чтобы взглянуть на здание снова. Слезы непрерывно текут из моих глаз. Я могла бы предотвратить все это. Я могла бы остановить ее. На самом деле, вполне возможно, все это произошло из-за того дурацкого разговора, на который я вызвала ее на той неделе. Я должна была сдержаться. Я не должна была вызывать ее на откровенный разговор, когда это было опасно для ее жизни.

Еще пара офицеров входит в здание через несколько минут. Мои слезы высыхают сами собой, а внутри меня все немеет. Я снова погружаюсь в пустоту, на этот раз даже не уверена, есть ли что-нибудь в моей жизни, ради чего стоит жить. Ненадолго.

– Что нам теперь делать? – спрашиваю я.

– Они обо всем позаботятся. У нее есть семья поблизости?

– Нет, – я отрицательно покачала головой. – Я была для нее всем. Ее мать умерла год назад.

Эверет сжимает мою ногу.

– Могу я сделать что-нибудь еще, Бренна?

Закрыв глаза, я отталкиваю его руку от своей ноги. Я не хочу, чтобы он относился ко мне по-дружески. Я не хочу, чтобы он по-отечески прикасался ко мне и оказывал дружеские услуги, потому что когда мы вернемся домой, все закончится. Я останусь с Кэнди и никогда не вернусь. Это, кажется, единственный вариант моей никчемной жизни. У меня никого не осталось, кроме кошки.

Отрицательно качая головой, я говорю ему:

– Мне нужно в уборную.

– Я поговорю с этим офицером всего секунду, и мы сможем уйти.

– Могу ли я пойти с тобой на этот раз?

– Ты не хочешь на самом деле.

– Почему?

– Потому что ты можешь услышать такие детали, о которых я не хотел бы тебе говорить.

– Очевидно, ты недостаточно хорошо меня знаешь. Я могу справиться

со всем просто отлично, – и я открываю дверь, пока он продолжает говорить мне что-то, но я не слушаю и выхожу, хлопнув дверью.

Он направляется к офицеру, а я следую за ним.

– Детектив Бурк, приятно познакомиться, жаль, что при таких печальных обстоятельствах. А я офицер Полли из полиции Клируотера.

Они крепко пожимают друг другу руки.

– Могу сказать то же самое. А это Бренна Коннорс, подруга жертвы.

Офицер кивает головой:

– Сожалею о вашей потере, мисс Коннорс.

Я отвечаю печальной улыбкой, глядя себе под ноги, пока не слышу, как он снова обращается к Эверету.

– Похоже, присутствует несколько рваных ран, а также синяки на шее. На этой точке расследование ведется как расследование убийства. Вы сказали офицеру Йорку, что Трэвис Хардинг дал вам этот адрес? Он упоминал что-нибудь еще?

– Нет, сэр, чтобы он назвал этот адрес, мне потребовалось много времени.

– Значит, он не признал, что привел ее сюда, продал или убил ее?

– Продал ее?

– Этот адрес у полиции известен как адрес секс-притона. Это не первая жертва, которую мы вытаскиваем из этого дома. На данный момент мы делаем все возможное, и в будущем, я надеюсь, этот секс-притон будет полностью ликвидирован.

Все, о чем он сейчас говорит, заставляет мою кожу покрыться мурашками. Худшие воображаемые образы проносятся в моем мозгу, и меня начинает тошнить от них. Бедная моя Хиллари. Я так сильно ненавижу себя за то, что не спасла тебя!

– Это печально слышать. И нет, он ни в чем не признался.

– Ну, он подозреваемый номер один в нашем расследовании. Мы арестовали его и будем держать вас в курсе расследования. Пожалуйста, не покидайте пока пределы штата, – офицер смотрит на меня.

– Я? Но почему я? – спрашиваю совершенно недоуменно.

– Мы должны задать вам несколько вопросов, – отвечает офицер Полли.

– Я могу рассказать все, что знаю, сейчас.

– Это так не работает, мэм. Прошу прощения. Я знаю, как вам сейчас тяжело, и мы, возможно, получим признание Трэвиса, но до тех пор вы тоже – подозреваемая.

– Подозреваемая? – смотрю на Эверета, полностью игнорируя

офицера Полли. – Это чушь собачья. Вот почему я ненавижу копов, – я поворачиваюсь и направляюсь к грузовику.

Эверет ничего не произносит, когда садится в грузовик и зажигает двигатель. Я закрываю глаза, как только машина начинает двигаться вдоль тротуара. Прижавшись лбом к холодному стеклу, я продолжаю молчать, пока Эверет не останавливается еще раз, на этот раз – у Макдоналдса. Я так же молча иду внутрь. После посещения туалета покупаю себе напиток, потому что мне больше не хочется есть. Возвращаюсь к грузовику. Эверет тоже молчит. Молчит все шесть часов до дома. Ни одного слова не произнесено. Все, что у нас есть, это мерный гул мотора и музыка, звучащая по радио.

Когда мы подъезжаем к дому, я выхожу из грузовика и направляюсь к своей машине, чтобы проверить, заперта ли она. Потом проверяю еще раз. Иду внутрь дома. Эверет останавливается в вестибюле, когда я направляюсь к лифтам.

– Бренна... – я останавливаюсь, но отказываюсь поворачиваться и смотреть на него. – Ты хочешь остаться на ночь? – спрашивает он, потом добавляет. – У меня есть запасная спальня. Сегодня ты не должна оставаться одна.

Я отрицательно качаю головой.

– Мне лучше побыть одной. Думаю, мы оба это знаем.

Направляюсь к лифту, нажимаю кнопку, чтобы подняться наверх. Когда дверь лифта открывается, Эверет шепчет голосом, полным боли, так, что я едва его слышу.

– Я все еще люблю тебя, Бренна.

Но уже так поздно. Уже слишком поздно. Жизнь не состоит из одного «люблю тебя» или «сожалею». Она тяжела и полна боли. В мире есть красота, но боли в ней гораздо больше.

Эпилог

Три года спустя...

Бренна

– Не могу поверить, что завтра тебе исполняется двадцать четыре, – произносит Джинджер, огибая стол и направляясь ко мне. – Ты выглядишь потрясающе, кстати.

– Думаю, это часть старения, – я смеюсь, потому что во время последнего дня рождения Джинджер она рыдала о том, как состарилась. Зато потом мы взяли мартини и всю ночь распивали его на пляже Уолтер

Флетчер, что на Ямайке, где она со смехом призналась, что навсегда останется молодой в душе.

Сидя в кресле, Джинджер наблюдает, как я подчеркиваю глаза черной подводкой.

– Куда ты направляешься сегодня вечером? Оставайся, в самом деле. Вау, я просто наблюдаю, как все меняется.

– Забавно, – произношу я саркастически.

– Просто констатирую факт. Я наблюдаю за тобой. Как ты сидишь тут в четырех стенах, смотришь какой-нибудь дурацкий фильм, когда должна в боевой раскраске прохаживаться по пляжу, оставляя позади себя дымящиеся трупы мужчин.

Бросая подводку для глаз в контейнер для макияжа, я поворачиваюсь к Джинджер.

– Не говорю, что в моем будущем нет подобных ночей, но сейчас я довольна тем, где нахожусь и что делаю.

– Ну а я отправляюсь на свидание сегодня вечером. Если передумаешь, дай мне знать.

– У меня на сегодня тоже кое-что запланировано. Но все равно спасибо. Если я передумаю, ты узнаешь об этом первая.

Джинджер встает:

– Ну что ж, девочка, замечательно. Я собираюсь скоро уйти, так что увидимся завтра. Мы все еще собираемся праздновать твой день рождения?

– Ну, конечно. Все в силе, доброй ночи.

Она оставляет меня одну, так что я спокойно заканчиваю собираться. Проходя через дом, направляюсь в свою комнату, чтобы надеть недавно купленное платье. Оно плотно облегает мою грудь, подчеркивает талию и свободно спускается по ногам к коленям. Я отрастила волосы до плеч с тех пор. Надев туфли черного цвета на каблуках, оглядываю себя в зеркало еще раз и остаюсь довольна результатом. Я выгляжу одновременно сексуально, невинно и красиво. Именно то, к чему я так стремилась.

За последние три года я многое потеряла, но также и приобрела. Моя жизнь, совершенно определенно, не шла по плану. Я похоронила свою лучшую подругу, потеряла единственного мужчину, которого полюбила и переехала в другую страну со своим деловым партнером. Ее я теперь называю именем, которое дано ей при рождении, а не псевдонимом, под которым она работала. Хотя и Джинджер, и Кэнди – оба имени ей одинаково подходят.

Потребовалось ровно три недели для того, чтобы изменить мою жизнь навсегда. Эверет постучался в мою дверь. Я открыла и увидела его, давно

не бритого. Вокруг глаз залегли темные круги. Он давно не спал. Я не знала, что сказать или сделать, поэтому открыла ему дверь. Эверет вошел и через секунду уже целовал меня голодно и страстно. Он толкнул меня к стене, впиваясь в мои губы все яростнее, как будто и не было стольких дней разлуки. Он не скучал по мне, он нуждался во мне. Он не мог жить без моей любви, и его нетерпение очень уж напоминало мое собственное.

Эверет поклялся, что я – лучшее, о чем он мог мечтать в этой жизни. Когда я спросила о его карьере, он сказал, что закончил свою работу в полиции. Очевидно, что когда мы с Джинджер покинули страну, там все значительно осложнилось. В итоге Эверет доработал до того момента, когда убедился, что Трэвис получил пожизненное заключение за убийство Хиллари. Затем он использовал свои связи, чтобы разыскать меня.

Тогда же он передал мне пакет, в котором находились все сведения, касающиеся смерти моих родителей. Это перевесило все другое. В пакете было не так много данных, но ему удалось достать копию медицинской справки моей мамы, в которой говорилось, что у нее был рак молочной железы четвертой стадии. Эверет думает, так же как теперь и я, что мой отец убил маму, а потом себя из-за того, что она должна была скоро умереть. Он пытался избавить ее от мук. Даже если это и не так, я хочу в это верить. Мне все равно, что было мало записей, мне все равно, что дело уже давно закрыто. Я просто была счастлива знать о чем-то большем, чем раньше.

Прошло чуть более трех лет, и за это время мы с Джинджер построили империю в Монтего-Бей. Все началось с того, что Эверет однажды сказал, что с удовольствием сделался бы личным покупателем. Это была отличная идея, и теперь мы расширились уже до тринадцатого магазина. В скором времени мы хотим выйти и на Америку.

После нескольких месяцев тренировок Эверет научился подводной рыбалке и теперь имеет собственное судно. Он назвал его «De Toute Beaute». Эверет сказал, что это выражение много значит для него, но не вдавался в пояснение.

Пять дней в неделю он водит людей на экскурсии по побережью Ямайки, сочетая с глубоководной рыбалкой. Из-за этого он может наслаждаться жизнью так, как никогда прежде. Эверет следовал за мечтой, которую не пытался осмыслить или понять, как я следовала за своей, ну а вместе мы создавали жизнь, о которой не могли мечтать раньше.

Его единственным слабым местом в этом океане счастья была сестра. Она бывала у нас пару раз вместе с племянником, а теперь и с племянницей. Она и Себастьян живут теперь лучше, чем раньше, хотя их

жаркие споры переходят все мыслимые границы. А спорят в основном из-за того, что Эмили хочет переехать сюда. В последний их приезд она пробыла здесь на четыре недели дольше, чем Себастьян, и честно говоря, мне так до конца и не верилось, что она уедет. Знаю, что Эмили планирует вернуться через некоторое время и остаться на Ямайке на два месяца. Я еще не говорила Эверету, но он собирается все выяснить сегодня вечером.

Усевшись на диван, я ласкаю кошку, свернувшуюся клубком. Она сладко мурлычет. Раздается звонок в дверь, и я знаю, что это Эверет. Поднимаясь с дивана, направляюсь на кухню. Эверет, одетый в рваные джинсы и в синюю рубашку, проходит по коридору и направляется за мной. Его волосы топорщатся в разные стороны именно так, как я когда-то любила. Раньше я ненавидела, когда он одевался как ходячая катастрофа, но чем дольше мы знакомы с Эверетом, чем больше я наблюдаю его в беззаботном состоянии, тем больше он мне нравится.

Сбившись с шага и тормозя посередине, он оглядывает всю меня.

– Вау... Ты выглядишь потрясающе.

Подходя к нему, я обвиваю его шею руками.

– Спасибо, красавчик, – целую его в губы. – У меня есть подарок для тебя.

Мужчина оглядывает кухню, видит сервированный к ужину стол и торт на нем.

– Но ведь завтра твой день рождения, не мой.

– Знаю, но представляю себе что-то особенное, – я широко улыбаюсь.

– Вообще-то, все происходит совсем наоборот, – говорит Эверет с небольшим смешком, – но подозреваю, что не может быть ничего другого.

– Ну, ты можешь поздравить меня первым, если так хочешь.

Он улыбается мне, свет загорается в его глазах, что происходит всякий раз, когда он сосредотачивается на мне. Не думаю, что за последние три года у меня возникли хоть малейшие сомнения в его любви ко мне. Что делает сегодняшний вечер еще прекраснее.

– Я лучше подожду до твоего настоящего дня рождения, – заявляет мужчина. – Зато теперь я готов к своему.

– Ну, что ж, отлично, – я направляюсь к столу. – О... детка?

– Да?

– Можешь вытащить блюдо из духовки?

– Эхм... да, – Эверет берет со стойки кухонные рукавицы и открывает дверцу духовки. Потом заглядывает в нее, оглядывается на меня с немым вопросом на лице. – Хм, детка, здесь только кекс, и духовка даже не включена.

– Он не сдобный.

Эверет еще раз смотрит на меня.

– Бисквит?

Вздохнув, делаю шаг вперед.

– Нет, это булочка, дубина.

– Булочка? – Эверет вопросительно приподнимает бровь, затем что-то доходит до него, и он снимает рукавицы. – У тебя в духовке булочка?

Мои глаза наполняются счастливыми слезами, и я радостно киваю, глядя на Эверета. Он бросается ко мне, страстно сжимая в объятиях.

– Так у нас будет ребенок?

Я продолжаю кивать, и он обнимает меня еще крепче.

– У нас будет ребенок, – словно смакуя, произносит мой любимый.

Подхватывая меня под бедра так, чтобы ногами я обвила его талию, Эверет страстно целует меня и несет в спальню.

Бережно опустив на кровать, он выпрямляется и любуется мною. Он с такой нежностью смотрит на меня. Большей любви я никогда не видела.

Я хорошо помню всю свою жизнь вплоть до этого момента. Несмотря на всю боль, сомнения и неурядицы, могу честно сказать, что моя жизнь получилась чертовски замечательной.

Мы раздеваемся и занимаемся страстной бережной любовью. Я так люблю этого человека. С каждым днем моя любовь к нему возрастает. Хотя я не верю, что такое возможно.

Когда мое тело начинает покалывать в подступающем оргазме, Эверет наклоняется к моему уху и шепчет:

– Это подождет до завтра.

– Мой оргазм? – спрашиваю я между страстными стонами.

– Нет, – он останавливается, хотя мое тело просто жаждет продолжения его движений, но я знаю, что должна выслушать все, что он хочет сказать. – Нет, Бренна. Младенец. Я хотел сказать тебе об этом завтра. Хотел попросить тебя... Ты выйдешь за меня замуж? Ты станешь моей женой?

И хотя это не совсем обычное предложение, я все же согласно киваю. Потом мы занимаемся любовью... Дважды.